

ИСТОРІЯ

13-го

Лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

полка.

—
Составилъ

ЭТОГО-ЖЕ ПОЛКА.

Штабсъ-капитанъ Шабановъ.

—
Въ Типографіи окружнаго штаба кавказскаго военнаго округа.

—
Тифлисъ.

1871 г.

ИСТОРІЯ

Лейбъ - гренaдерскаго Эриванскаго
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА
полка.

Составилъ

ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО ПОЛКА

Штабс-капитанъ Шабановъ.

Въ Типографіи окружнаго штаба кавказскаго военнаго округа.

Тифлисъ.

1871 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,
ИМПУ
ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРСКАГО ЭРИВАНСКАГО ПОЛКА.

Всеподданнѣйше посвящаетъ

Авторъ.

ЧАСТЬ III-я.
ОТЪ СФОРМИРОВАНІЯ ПОЛКА ДО ЕГО ПРИБЫ-
ТІЯ ВЪ МАНГЛІСЬ.

1853—1870

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 14-го апрѣля, 1871 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА XVIII. Причины войны. Числительность полка. Расположеніе баталіоновъ передъ открытіемъ кампаніи; движеніе частей полка къ границѣ. Дѣйствія 3-го баталіона подъ командою подполковника кн. Тарханъ-Моуравова. Бояндурское дѣло 2-го ноября. Стоянка въ Александрополѣ. Наступленіе. Башкадыклярское дѣло 19-го ноября. Отличія, оказанныя Эриванскимъ полкомъ въ этомъ дѣлѣ; награды, полученныя въ полкѣ.	1
ГЛАВА XIX. Стоянка въ пограничныхъ деревняхъ. Движеніе на сборный пунктъ къ Александрополю. 2-й баталіонъ открываетъ кампанію. Переходъ и движеніе за границу. Сильнѣйшій градъ. Лагерь на кюрюкь-даринской позиціи. Кюрюкь-даринское сраженіе 24-го іюля. Подвиги князя Тарханова, Врангеля и другихъ. Награды—шефъ удостоиваетъ полкѣ всемилостивѣйшимъ письмомъ на имя князя Барятинскаго. Стоянки послѣ битвы. Роспускъ отряда.	30
ГЛАВА XX. Н. Н. Муравьевъ. Движеніе полка къ Александрополю. Церемоніаль. Выступленіе полка за границу. Лагерь въ Хаджа-кала. Рекогносцировка. Тревога. Фланговое движеніе къ Мухараджику и стоянка. Блокада Карса. Молодецкое движеніе 1-го баталіона за саганлугскій хребетъ къ селен. Бурдусу и уничтоженіе запасовъ. Походъ 1-го и 3-го баталіоновъ къ Кебри-Кеву на р. Карсѣ. Неудачная фуражировка и штурмъ Карса 17-го сентября. Отличія. Бараки. Сдача Карса. Окончаніе похода.	54
ГЛАВА XXI. Стоянка полка въ 1856 году въ Манглисѣ. Реформы. Сооруженіе стрѣлковыхъ ротъ. Походъ въ Дидо	

II

Стран.

въ 1857 году; дѣло 11-го іюня; уничтоженіе дидойскихъ ауловъ. Походъ въ 1858 году въ Анцухъ—взятіе гурухм-сейрскихъ высотъ. Разореніе анцухскихъ ауловъ. Голодъ. Знаменитое отступленіе съ Анцуха ночью. Штурмъ Китური. Приѣздъ ихъ Высочествъ МИХАИЛА и НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧЕЙ въ Телавъ. Комета. 86

ГЛАВА XXII. Чеченскій походъ 1-го и 3-го баталіоновъ. Взятіе аула Ведено. Полковникъ Фохтъ. Дезгинскій походъ 2-го батал. и трехъ стрѣлковыхъ ротъ. Взятіе аула Шаури. Покореніе Анкратля. Князь Барятинскій наступлетъ въ Андію. Взятіе Гуниба. Шамиль. Смерть Фохта. Полковникъ Борисъ Федоровичъ князь Голицынъ. 112

ГЛАВА XXIII. Выступленіе стрѣлковыхъ ротъ въ кубанскую область. Военныя дѣйствія противъ натухайцевъ и шапсуговъ съ 1860 по 1864 годъ. Постройка станицъ. Разработка дорогъ и рубка просѣкъ. Смерть капитана Шлиттера. Приѣздъ ГОСУДАРЯ и представленіе ему частей полка. Возвращеніе стрѣлковъ въ Манглись. 130

ГЛАВА XXIV. Десантъ. Взятіе Айбгу. Конецъ кавказской войны. Мирная жизнь полка съ 1864—1870 годъ. . 157

ГЛАВА XVIII.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЮ СЪ 1853 ПО 1856 ГОДЪ.

Причины войны. Числительность полка. Расположеніе баталіоновъ передъ открытіемъ кампаніи; движеніе частей полка къ границѣ. Дѣйствія 3-го баталіона подъ командою подполковника князя Тарханъ-Моуравова. Вояндурское дѣло 2-го ноября. Стоянка въ Александрополѣ. Наступленіе. Башкадыкларское дѣло 19-го ноября. Отличія, оказанныя Эриванскимъ полкомъ въ этомъ дѣлѣ; награды, полученныя въ полкъ.

Въ началѣ 1853 года, вслѣдствіе домогательствъ французскаго правительства, Турція, въ ущербъ церкви православной, предоставила первенство въ Іерусалимѣ латинскимъ христіанамъ, а такъ какъ такое дѣйствіе Порты офиціально нарушило заключенныя съ нею трактаты, то наше правительство, чрезъ князя Меншикова, потребовало объясненій и подтвержденія прежде данныхъ привилегій восточнымъ христіанамъ (раіямъ), находившимся подъ тяжкимъ гнетомъ Турціи и испытывавшимъ всевозможныя униженія и бѣдствія (*).

Оттоманская Порта, поощряемая западными державами, отвергла требованія князя Меншикова. Тогда императоръ Николай Павловичъ, чтобъ понудить турецкое правительство къ мирнымъ соглашеніямъ, велѣлъ войскамъ занять Молдавію и Валахію, что должно было служить только гарантіею къ восстановленію нашихъ правъ. Между тѣмъ, эта рѣшительная мѣра послужила сигналомъ къ войнѣ. Журнальныя статьи въ Европѣ были тотчасъ преисполнены сужденіями о чрезвычайныхъ требованіяхъ Россіи отъ Турціи; публицисты всячески

(*) Война съ Турціею въ 1853 и 1854 г., соч. *Кавалевскаго*.

старались возжечь европейскую войну — они паходили, что наши дѣйствія ничто иное, какъ предлогъ къ сокращенію турецкой имперіи; сверхъ того, они искали въ нашихъ дѣйствіяхъ замысловъ политическаго преобладанія. Всѣ таковыя возрѣнія и выводы они основывали на личныхъ государственныхъ расчетахъ.

Англія и Франція, желая обезсилить тотъ могущественный авторитетъ, которымъ пользовалась Россія въ Европѣ, первая явно вмѣшались въ восточный вопросъ и выставивъ свои (соединенныя) эскадры на константинопольскій рейдъ, вступили въ длинныя дипломатическіе переговоры, съ цѣлью раздуть войну и выиграть время для приготовленія своихъ армій къ походу.

Австрія и Прусія держали себя нейтрально, но впоследствии Австрія изъ нейтральнаго положенія перешла въ угрожающее, что заставило нашу дунайскую армію отступить отъ крѣп. Сплистріи, въ то самое время, когда графъ Паскевичъ Эриванскій готовился штурмовать крѣпость, обезсиленную нашей блокадой и бомбардировкой.

Англійскій посоль лордъ Стратфордъ Редклифъ, прибывшій въ Константинополь, много способствовалъ къ разрыву; онъ твердилъ: «Да падетъ Россія», подобно римлянину Катону, который во всякой своей рѣчи кстати и некстати постоянно прибавлялъ: «Я думаю, что Карфагенъ долженъ быть разрушенъ». Турція, воспламененная такими возгласами, первая объявила войну Россіи, и не выждавъ установленнаго срока для открытія кампаніи, вѣроломно какъ на Дунаѣ такъ и на Кавказѣ одновременно произвела нападенія.

Надо сказать, что эта война застала въ располхъ кавказскую армію, занятую горскою войною и разбросанную небольшими отрядами въ западномъ Кавказѣ, Чечнѣ и Дагестанѣ. Главнокомандующій князь Воронцовъ до самаго манифеста надѣялся, что возникшія недоразумѣнія съ Турціею окончатся дипломатическимъ путемъ, а потому не принималъ никакихъ

энергических мѣръ. Онъ вообще не ждалъ этой войны и не готовился къ ней. Между тѣмъ, военныя дѣйствія уже открылись въ закавказскомъ краѣ. Десантъ турокъ изъ Батума въ темную осеннюю ночь, съ 15-го на 16-е октября 1853 года, атаковалъ на берегу Черпаго моря николаевскій таможенный постъ, служившій складочнымъ мѣстомъ для провіанта и охраняемый двумя некомплектными линейными ротами, при 2-хъ орудіяхъ. Этотъ слабый гарнизонъ, не готовясь къ оборонѣ, былъ уничтоженъ массою турокъ. Такимъ образомъ, внезапно открывшаяся на Кавказѣ кампанія, точно также какъ неоднократно и въ предшествовавшія войны, поставила кавказскую армію въ весьма критическое положеніе. Жители, объятые страхомъ, стали волноваться; предавшие намъ туземцы или прибѣгали подъ защиту нашихъ пѣтыковъ, или уѣзжали въ Россію; мусульмане-же обнаруживали желаніе передаться на сторону турокъ. Война съ мюридами, какъ мы видѣли, была въ самомъ разгарѣ—опять кавказскія войска имѣли непріятеля на всѣхъ пунктахъ: съ фронта, фланговъ и тыла. Всякая неудача съ нашей стороны могла служить гибелью для всего края. Князь Воронцовъ, сознавая необходимость уже рѣшительныхъ мѣръ, не могъ на первыхъ порахъ оторвать отъ горской войны болѣе 30-ти тысячъ человѣкъ противъ 90 тысячной анатолійской арміи. Весьма естественно, что при подобномъ численномъ перевѣсѣ на сторонѣ турокъ, они дѣйствовали рѣшительнѣе и особенно въ то время, когда кавказскія войска, разбросанныя частями по всему краю, стигивались на огромномъ пространствѣ къ границѣ и становились, до сосредоточенія силъ, въ оборонительное положеніе небольшими отрядами, со стороны Гуріи, Ахалциха, Александрополя и Эривани. Турецкіе отряды, собранные въ Анатолиі, быстро приблизились къ нашимъ предѣламъ, и въ концѣ октября, еще до-полученія манифеста въ Тифлисѣ, перешли нашу границу и заняли часть пограничныхъ уѣздовъ эриванской и кутаисской губерній.

Эриванскіи поля передъ открытіемъ кампаніи были

разбросанъ по частямъ такъ: 1-й баталіонъ, подъ командою маіора Бучкіева, дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, въ составѣ лезгинскаго отряда, откуда отпущенъ въ послѣднихъ числахъ октября, и прямо двинуть къ Александрополю; 2-й баталіонъ, подъ командою маіора барона Врангеля, до 1-го іюня находился въ чеченскомъ отрядѣ и по прибытіи въ Тифлисъ смѣнилъ съ караульной службы 3-й баталіонъ, который, подъ командою подполковника князя Тарханъ-Моуравова, былъ направленъ 14-го іюля въ духоборское селеніе Орловку, лежащее вблизи крѣпости Александрополя; 4-я карабинерная рота 4-го баталіона содержала въ г. Гори карауль, а остальные три роты этаго баталіона проживали въ Манглисѣ, гдѣ занимались уборкою покосовъ и заготовленіемъ капусты для полковъ, ожидаемыхъ изъ Россіи.

Всего людей въ полку состояло къ 1-му іюля (*):

П о с п и с к у .			Н а л и ц о .		
Баталіоны.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.		Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.
1-го.	29	1,114	Въ этомъ числѣ больныхъ 383 чел. и въ отпуску 150 человекъ.	22	1038
2-го.	21	1,111		18	924
3-го.	25	1,073		22	980
4-го.	42	1,212		39	1,151
Всего.	117	4,510		101	3,093

Лишь только официально подтвердились слухи объ уничтоженіи николаевской томожни, какъ 2-й баталіонъ и три роты 4-го баталіона, кромѣ женатой роты, были тотчасъ двинуты усиленными маршами къ Александрополю.

Почти одновременно съ объявленіемъ Турціею войны, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ назначенъ былъ командующимъ дѣйствующимъ корпусомъ на турецкой границѣ со сто-

(*) Вѣдомость о численномъ состояніи полка къ 1-му іюля 1853 года. Полк. арх. дѣло № 45.

роны Карса, подъ непосредственнымъ начальствомъ намѣстника князя Воронцова. Въ составъ александропольскаго отряда, ввѣреннаго начальству князя Бебутова, вошли самыя боевыя части кавказскаго корпуса, въ томъ числѣ и Эриванскій полкъ.

Наше правительство, зная, что кавказскія войска поставлены между двухъ огней, нашло необходимымъ озаботиться обезпеченіемъ Закавказья. Съ этою цѣлью 13-я пѣхотная дивизія (16,000 ч.) съ двумя батареями (16 ор) перевезена на Кавказъ Чернымъ моремъ и высажена 24-го сентября въ Анаклии близъ Редуть-Кале.

Эскадра черноморскаго флота совершила этотъ замѣчательный, едва-ли небезпримѣрный въ морскихъ лѣтописяхъ десантъ съ изумительною быстротою и успѣхомъ, безъ малѣйшаго замѣшательства, подъ начальствомъ вице-адмираловъ Нахимова и Карпилова — этихъ незабвенныхъ героев Севастополя.

Благодаря распорядительности этихъ адмираловъ, 13-я дивизія, ставъ на лѣвый флангъ непріятеля, не дозволила ему на первыхъ-же порахъ смѣло двигаться по боржомскому ущелью на Карталинію и, можетъ быть, къ Тифлису; а главное—она, обезпечивая нашъ правый флангъ, дала возможность ступить наши отряды на границу. Этотъ десантъ, во-время высаженный, по мнѣнію многихъ, отстранилъ отъ Грузіи бѣдствія, коимъ она могла подвергнуться, еслибы турки успѣли перенести въ нее театръ военныхъ дѣйствій.

Какъ и въ прошлую кампанію, главная часть турецкихъ силъ, въ числѣ до 40 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ сержаскира Абди-паши, сосредоточилась въ это время въ окрестностяхъ Карса и стала наступать къ Александрополю.

Нужно сказать, что куртины и партизаны турецкіе за нѣсколько мѣсяцевъ до пачала войны уже открыли враждебныя дѣйствія и грабили подвластныя намъ селенія; для прикрытія ихъ съ нашей стороны были выставлены небольшіе казаки

отряды, и съ этою цѣлью, какъ мы упомянули выше, былъ выставленъ около Александрополя еще въ іюлѣ 3-й баталіонъ эриванцевъ, подъ командою кн. Тарханъ-Моуравова, который вынужденъ былъ обстоятельствами переходить съ одного мѣста на другое для защиты деревень. вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Тархановъ, сознавая малочисленность своего отряда, часто, въ виду турецкихъ аванпостовъ, прибѣгалъ къ военнымъ хитростямъ—или растягивалъ баталіонъ въ одну шеренгу, или-же ротами выставлялъ его на возвышенностяхъ. Такіе маневры дѣлались съ тою цѣлью, чтобъ привести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ силъ и тѣмъ предотвратить пагубное движеніе непріятеля въ нашу сторону.

Въ концѣ октября постепенно стали сосредоточиваться наши силы къ Александрополю—онъ опять назначался главнымъ пунктомъ на операціонной линіи. На почтовыхъ станціяхъ по александропольскому тракту, не смотря на увеличенное число троекъ, лошади днемъ и ночью были въ безпрестанной работѣ, доставляя то курьеровъ, то офицеровъ со всѣхъ концовъ Кавказа; они весело спѣшили на войну и спрашивали попутчиковъ: «Ну, что—еще недрались?»

Въ Александрополь прибыли, въ числѣ первыхъ, 3-й баталіонъ эриванцевъ, потомъ 2-й и 3 роты 4-го баталіона. Нельзя здѣсь не упомянуть, что 3-й баталіонъ князя Тарханъ-Моуравова сдѣлалъ удивительный передъ тѣмъ переходъ въ 150 верстъ въ 24 часа—именно изъ Александрополя въ сел. Орловку и обратно. Такъ какъ баталіоны вступали въ городъ ночью, то ихъ растянутымъ строемъ, съ музыкою и пѣсенниками, водили цѣлую ночь по улицамъ, чтобы этимъ привести въ обманъ непріятельскихъ лазутчиковъ, которыхъ много было въ самомъ городѣ.

Къ 30-му октября отрядъ уже состоялъ изъ 7½ батал., 10 сот. казаковъ и милиціи, при 40 орудіяхъ.

Между тѣмъ Абди-паша перешелъ нашу границу чрезъ

рѣку Арпачай и расположился у села Бояндуря. Башибузуки продолжали грабить наши деревни.

Перваго ноября пріѣхалъ въ Александрополь генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ и принялъ начальство надъ отрядомъ, увеличеннымъ еще 3-мя баталіонами. Привѣтствуя свои войска, онъ, съ неподдѣльною радостію и сіяющимъ лицомъ, каждому полку напомнилъ о его заслугахъ и словами, преисполненными искренности, призывалъ солдатъ къ новымъ подвигамъ. Обласканные эриванцы, весело и бойко встрепенулись и грозно стали смотрѣть на турецкій станъ. Пошли оживленные рассказы о прежнихъ походахъ, явилась чарка спирта, отпущенная начальникомъ; ротные пѣсенники ударили въ бубны и барабаны, и раздалась веселая кавказская пѣсня—все приняло праздничный видъ. Такъ дѣйствуетъ на нашего солдата ласковое слово начальника, сказанное въ время и отъ души.

На другой день, 2-го ноября, князь Бебутовъ поручилъ генералъ-маіору князю Орбеліани (*) выступить изъ Александрополя съ большею частью отряда (**), въ томъ числѣ и эриванцами, и слѣдуя внизъ по Арпачаю, прикрыть переселеніе въ Александрополь жителей армянскихъ деревень ближайшихъ къ этой крѣпости; ему велѣно было также удостовѣриться въ числѣ и расположеніи турецкихъ войскъ, и, въ случаѣ возможности, отгѣснить ихъ за-границу и стать лагеремъ на рѣкѣ Арпачаѣ.

Въ полдень отрядъ князя Орбеліани выступилъ изъ Александрополя. Эриванцы, въ числѣ 2406 челов., въ полной парадной формѣ, съ распущенными знаменами и музыкой, шли въ первомъ эшлонѣ, и въ два часа прибыли въ селеніе Караклисъ. Здѣсь отрядъ былъ задержанъ переправой чрезъ одинъ изъ болотистыхъ притоковъ Арпачая. Едва только первая ли-

(*) Команд. Грузинск. гренад. полка

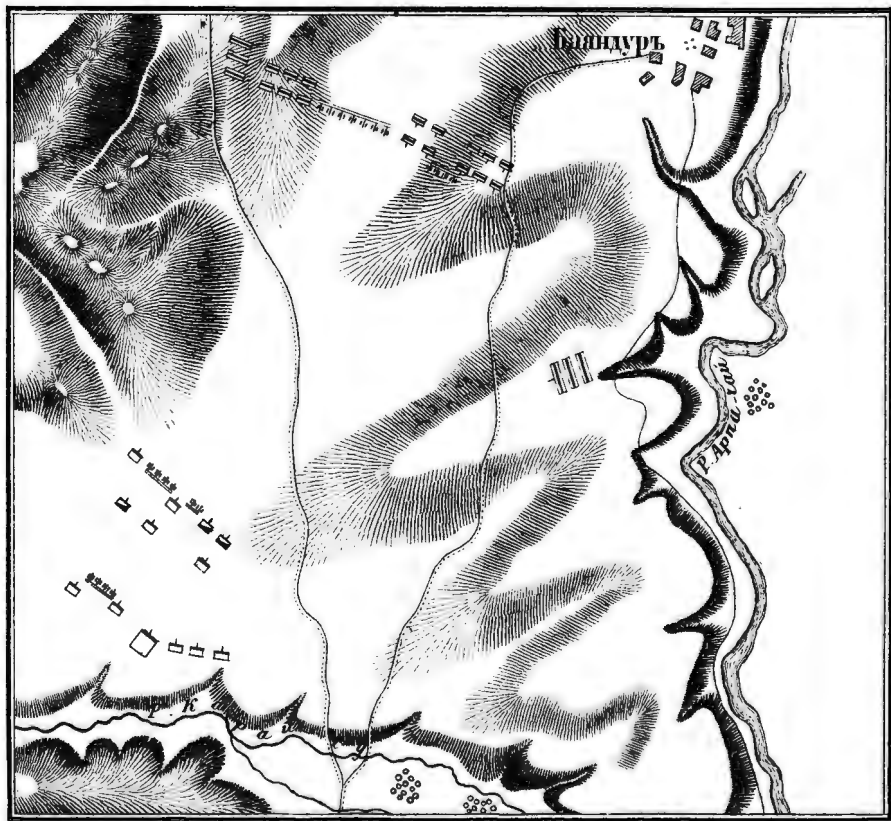
(**) Отрядъ состоялъ изъ 7-ми баталіоновъ пѣхоты, 3½ батареѣ, 10 сотенъ доиск. казачковъ, двухъ дивизионовъ драгунъ и 10 сотенъ милиціи.

нія наша, состоявшая изъ 2 и 3-го баталіоновъ эриванцевъ, 1-го баталіона куринцевъ, $\frac{1}{2}$ баталіона саперъ и двухъ батарей, подъ общею командою подполковника князя Тарханова, перешла бродъ, какъ была атакована огромными массами турецкой кавалеріи. Однако, мѣткій огонь нашихъ орудій разсѣялъ кавалерію, такъ-что первая линія стройно и безпрепятственно выдвинулась на высоту противоположнаго берега р. Карайсу и дала возможность переправиться чрезъ оврагъ второй линіи, состоящей изъ 3-хъ ротъ 4 баталіона эриванцевъ, одного баталіона грузинцевъ, $\frac{1}{2}$ батал. саперъ, $\frac{1}{2}$ батал. кавказскихъ стрѣлковъ, одной легкой батареи и драгуновъ съ казачьей батареей. Вслѣдъ за этимъ выдвинулся резервъ съ обозомъ (см. планъ).

Когда наши войска готовились начать снова наступленіе, то неприятельская кавалерія раздѣлилась въ обѣ стороны, и первая линія наша была осыпана залпомъ турецкой батареи въ 40 орудій. За батареями стоялъ весь турецкій корпусъ, занимавшій позицію: лѣвый флангъ его примыкалъ къ Бояндуру, а центръ и правый флангъ пролегли по высотамъ пагорнаго берега рѣки Карайсу.

Батареи наши заняли указанные имъ пункты. Между тѣмъ 2 и 3-й баталіоны эриванцевъ, остановленные въ сферѣ артиллерійскаго огня, разсыпали застрѣльчиковъ, и ставъ твердо на правомъ флангѣ позиціи, поглядывали впередъ на неприятеля и на баталіонныхъ командировъ, ожидая команды: «впередъ». Люди горѣли нетерпѣніемъ идти въ атаку. Капонада усилилась, ядра и гранаты, съ визгомъ пересѣкая воздухъ, посились падъ головами и рекошетировали. Очевидно, что стрѣляли по карабинерамъ: первый залпъ пролетѣлъ, второй ударилъ далеко впереди, а третій прямо врѣзался въ баталіоны. Князь Тархановъ вызвалъ пѣсенниковъ впередъ и велѣлъ разомкнуться въ рядахъ. Ядра поражали эриванцевъ, но веселыя пѣсни не умолкали, и только по мѣрѣ выбывавшихъ товарищей строй становился короче. Каждый пролетѣвшій сна-

ПЛАНЪ
 Баандурской битвы 2го Октября.

- ▣ Эриванцы.
 - ▣ Прочія части Русскихъ войскъ.
 - ▣ Турки съ Башы бузюки.
- Библиотека "Руниверс"

рядъ сопровождаемъ былъ шутками: «Ребята, летить чипенка, берегите патроны, а то загорятся». Если граната проносилась мимо, снова слышались голоса балагуровъ: «Это, должно быть, не наша—отчаливай, голубушка!» Болѣе всѣхъ такими шутками отличался унтеръ-офицеръ Литвиненко; онъ на мѣсто убитыхъ и раненыхъ въ первой шеренгѣ ставилъ достойныхъ солдатъ, приговаривая: «Встань, братецъ, сюда—ты больше прослужилъ, и почету тебѣ больше.» Только тогда шутки прекращались, когда гранату разрывало въ баталіонѣ и кровь павшихъ товарищей напоминала каждому о смерти. Въ такихъ случаяхъ, молча уносили обезображенные трупы и раненыхъ. Одно ядро уже на-излетѣ, тихо рекошетировало къ 3-му баталіону, такъ что прапорщикъ Мартуладзе, находясь въ цѣпи, имѣлъ желаніе его остановить,—какъ вдругъ ядро ударило въ камень, сдѣлало сэачокъ въ нѣсколько сажень и ранило въ правую ногу, ниже колѣна, съ раздробленіемъ кости маіора Гаврилова—начальника цѣпи, который сначала канонады, ободряя солдатъ, выразился: «Турки щедръ на порохъ: грому много, а стрѣлять не умѣютъ». Такъ какъ отрядъ князя Орбеліани все еще стоялъ на мѣстѣ, то турецкіе артиллеристы, опредѣливъ прицѣльную линію, стали учащеннымъ огнемъ разстроивать наши войска. Къ этому имъ много способствовали нѣсколько орудій большого калибра и выгодная позиція, съ которой они били настильно рекошетнымъ огнемъ, ибо наши колоны стояли значительно ниже ихъ на такой-же покостности. Командиры баталіоновъ: 2-го, маіоръ баронъ Врангель, былъ уже раненъ, но оставался предъ баталіономъ, а командиръ 4-го баталіона, маіоръ Чачиковъ, извѣстный въ полку своею храбростію, былъ убитъ ядромъ въ голову; штабсъ-капитанъ Кавторадзе 2-й, раненый легко осколкомъ гранаты въ правую щеку, оставался въ строю,—поручикъ Агаларовъ—раненъ ядромъ въ икру правой ноги. Ядра даже не-рѣдко долетали въ резервъ, гдѣ на перевязочномъ пунктѣ былъ контужень докторъ и убитъ лазаретный служитель Федоръ Баго-

динъ. Смертельно раненныхъ ядрами—подпоручика Рейтера и прапорщика Гринева— унесли съ поля битвы (*).

Князь Орбеліани былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Наступать съ молочисленнымъ отрядомъ почти на весь турецкій корпусъ, расположенный на превосходной позиціи—было дѣломъ огромнаго риска. Отступать или вывести войска изъ подъ-выстрѣловъ—князь Орбеліани считалъ, по всей вѣроятности, дѣломъ позорнымъ для русскаго оружія, а потому онъ, ни на что не рѣшаясь, ограничивался канонадою.

Когда у насъ почти вся артиллерійская прислуга была уничтожена и орудія подбиты, то турецкая пѣхота, выйдя изъ окоповъ, гдѣ она укрывалась отъ дѣйствія нашихъ орудій, стала стройно наступать съ распущенными знаменами и музыкою по лодциѣ. Въ этотъ моментъ орудійная канонада утихла, но всѣ знали, что это грозное молчаніе предвѣщало рѣшительную развязку боя. Среди этой тишины только непріятельская музыка оглашала поле и возбуждала враждующія стороны къ рукопашному бою.

Князь Тархановъ приказалъ солдатамъ снять папахи и вмѣстѣ съ ними сотворивъ молитву, подвинулъ свои баталіоны къ батареямъ и сказалъ: «Братцы, умремъ на орудіяхъ, а такъ не отдадимъ». Всѣ эриванцы, дышавшіе этимъ-же чувствомъ, отвѣтили не заученое, а искренное «постараемся». Тотчасъ молодцоватыми карабинерами была замѣнена артиллерійская прислуга, а баталіоны, отойдя немного вправо и снявъ ранцы, стали поджидать наступающаго непріятели. Уже обрисовались его колонны и были не болѣе какъ въ 100 саженьяхъ отъ нашего фронта, какъ звучно раздалась команда полковника Брискорна, и карабинеры-артиллеристы, вмѣстѣ съ уцѣлѣвшею прислугою, мѣткою картечью обдали стройный фронтъ фесокъ, такъ что чрезъ нѣсколько секундъ вся эта масса бросилась,

(*) Рейтеръ раненъ въ лѣвую руку съ раздробленіемъ костей, а Гринева—осколкомъ гранаты въ лѣвое плечо, тоже съ раздробленіемъ костей.

смѣшавшись, назадъ, поражаемая картечью и ядрами другихъ батарей.

Пока продолжалось наступленіе регулярныхъ турецкихъ войскъ, ихъ иррегулярная кавалерія (журды), незамѣтно выѣхавъ изъ лоципы къ правому флангу нашего отряда, стремительно бросилась на нашъ обозъ и прорвавшись черезъ 2-ю елисаветпольскую дружину, прикрывавшую обозъ, начала грабить вьюки и добивать раненыхъ. Но высланный дивизионъ драгунъ, смялъ курдовъ и отбросилъ до Арпачая. Наступалъ уже вечеръ, а войска все еще оставались въ сферѣ огня, такъ что князь Тархановъ и баронъ Врангель вынуждены были сами безпрестанно мѣнять мѣста, дабы, насколько возможно, сохранить свои баталіоны. Все поле предъ фронтомъ карабинеръ было пзборождено артиллерійскими снарядами и во многихъ мѣстахъ обито кровью.

Нужно замѣтить, что, по первымъ выстрѣламъ въ колоніи генерала Орбеліани, князь Бебутовъ выступилъ съ остальными войсками въ помощь сражавшимся и прибылъ на мѣсто боя только къ вечеру.

Когда совершенно стемнѣло, то роты 3-го баталіона, раздѣлившись по орудіямъ, повезли на себѣ свою подбитую батарею въ Александрополь, такъ какъ лошади подъ орудіями были перебиты всѣ, а также несли и раненыхъ. Ночью александропольскій госпиталь наполнился изувѣченными жертвами войны—стоны и крики особенно эту ночь наполняли госпиталь: многіе раненые еще не были перевязаны, многіе валялись на полу въ сырыхъ холодныхъ коридорахъ, по неизмѣнню мѣсть въ госпитальныхъ палатахъ. Князь Тарханъ-Моуравовъ и баталіонные адъютанты принимали всѣ мѣры, чтобъ облегчить участь своихъ сослуживцевъ.

2-му баталіону и тремъ ротамъ 4-го баталіона приказано заночевать на полѣ битвы, въ томъ предположеніи, чтобъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня возобновить битву; но вскорѣ это приказаніе отмѣнено: военный совѣтъ нашелъ лучшимъ

отступить къ Александрополю и стать въ оборонительное положеніе до соединенія силъ отряда; по опредѣленію совѣта, къ утру войска отступили въ крѣпость.

Выигрышъ сраженія опредѣляется тѣмъ, чья сторона удержалась на позиціи, чья-же отступила—та и побѣждена; но послѣ баяндурскаго дѣла оба отряда отошли—стало быть, въ силу этого вывода, обѣ стороны были взаимно побѣждены. Однако, взявъ въ расчетъ численность турокъ и нашу (отношеніе какъ 6 къ 1), ихъ укрѣпленную съ 40 орудіями позицію и нашу отерутую, занятую въ моментъ боя, —наконецъ, превосходство въ калибрѣ и числѣ ихъ артиллеріи—цельзя не придти къ тому заключенію, что мы одержали побѣду, и этимъ обязаны хладнокровію, съ которымъ стояли наши войска на занятыхъ пунктахъ.

Баяндурское дѣло ясно показало, что нравственно боевая сила полка была громадна. Пять часовъ усиленный артиллерійскій огонь выбилъ изъ строя эриванцевъ: убитыми 79 человекъ, ранеными 83 челов. и контуженными 69 челов.; но всѣ эти пять часовъ они стояли на открытой позиціи, смотря смерти въ глаза съ шутками и веселыми пѣснями.

При наступленіи, обыкновенно, солдатъ разгорячается отъ трескотни барабановъ, выстрѣловъ и крика ура! Ему некогда думать о смерти—онъ лѣзетъ впередъ, колить на пути встрѣтившагося врага, лѣзетъ такимъ-же образомъ на дуло или штыкъ, которымъ его убиваютъ: все это дѣлается подъ вліяніемъ возбужденнаго состоянія. Но стоять на полѣ мишенью, не принимая прямого участія въ бою, видѣть обезображенныхъ ядрами товарищей и быть равнодушными до веселья—могутъ только войска, закаленные въ бояхъ, которымъ эти зрѣлища кажутся на-столько обыкновенными, что онѣ иначе ихъ и представить не могутъ: такъ быть должно.

Князь Бебутовъ, донося объ этомъ дѣлѣ главнокомандующему, выставляетъ стойкость и храбрость нашихъ войскъ. Такъ что, въ силу этого донесенія состоялся приказъ по корпусу,

которымъ князь Воронцовъ возвѣстилъ войскамъ о пораженіи, одержанномъ надъ турками при сел. Баяндурѣ 2-го ноября.

«Цѣлый день, слабѣйшій сравнительно съ непріателемъ въ 6 или 7 разъ нашъ отрядъ, упорно дрался съ турками. Всѣ нападенія пѣхоты и конницы были отбиты съ урономъ и стыдомъ для нихъ. Когда князь Бебутовъ съ 3-мя баталіонами и частью кавалеріи поспѣшилъ на соединеніе, то сераскиръ, опасаясь рѣшительной атаки, ночью снялъ войска свои и перешелъ обратно за Арпачай» (*). Мы потеряли убитыми и ранеными: офицеровъ—16 и нижнихъ чиновъ 490 человекъ.

Въ томъ числѣ уронъ эриванцевъ (**):

БАТАЛИОНЫ.	УБИТО:		РАНЕНО:		КОНТУЗЕНО:		ВСЕГО.
	Офицеры.	Нижн. чиновъ.	Офицеры.	Нижн. чиновъ.	Офицеры.	Нижн. чиновъ.	
Второго	•	38	5	26	•	34	103
Третьяго	•	32	1	44	1	29	107
Третьяго ротъ четвертаго.	1	8	•	7	•	5	21
И Т О Г О	1	78	6	77	1	68	231

Турки съ своей стороны ликовали побѣду и въ знакъ торжества палатку нашу, отбитую ими въ обозѣ, возили по улицамъ Карса, какъ драгоцѣнный трофей.

Манифестъ о разрывѣ съ Турціею полученъ въ Александрополѣ только на другой день баяндурской битвы. Вотъ эти памятные для всѣхъ русскихъ слова, выраженныя въ манифестѣ:

«Не завоеваній ищемъ мы—въ нихъ Россія пенуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно

(*) Приказъ по корпусу, № 239, ноября 8-го дня, 1853 года.

(**) Приказъ по полку, № 312, 30-го ноября, 1853 года, и историческое свидѣніе за 1853 годъ. Полк. арх.

нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, то, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полной надеждой на всемогущую десницу, *пойдемъ впередъ за вѣру православную*.

Эриванцы съ благоговѣніемъ выслушали манифестъ и стали точить свои штыки.

Турки, спустя нѣсколько дней послѣ баяндурскаго дѣла, вторично перешли Арпачай и занявъ селеніе Баяндуръ, стали приводить его въ оборонительное положеніе. Нашъ-же отрядъ, станувшись къ Александрополю, тоже сталъ обрывать окопаны. Обѣ враждующія стороны готовились къ защитѣ и ждали со дня на день нападенія.

12-го ноября прибылъ въ отрядъ 1-й баталіонъ эриванцевъ, подъ командою майора Турчановскаго, вмѣстѣ съ послѣднимъ подкрѣпленіемъ. Въ этотъ день было рѣшено 13-го ноября выбить непріятеля изъ Баяндуръ. Однако, это предпріятіе не осуществилось, ибо Абди-паша, узнавъ о прибытіи къ намъ подкрѣпленій, на слѣдующій день отступилъ по горѣ къ Карсу.

Князь Воронцовъ въ письмѣ къ князю Бебутову, между прочимъ, выразился: «Пока турокъ не возьмете на штыки, до тѣхъ поръ они будутъ дерзки въ своихъ дѣйствіяхъ». По поводу письма 12-го ноября составилъ вторично военный совѣтъ и всѣ участвовавшіе на немъ единодушно заявили свое мнѣніе въ пользу безотлагательнаго наступленія.

Замѣчательно, что князь Бебутовъ, не имѣя подвижнаго артиллерійскаго парка и не смотря на позднее суровое время года, страшную распутицу, падавшій по временамъ снѣгъ, тотчасъ, по отступленіи Абди-паши, согласился открыть наступательныя дѣйствія—съ цѣлью оттѣснить турокъ далѣе отъ нашихъ границъ. На такой, повидимому, рискованный подвигъ онъ, при всей своей сдержанности, былъ воодушевленъ бодримъ

и веселымъ видомъ своего отряда, который горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться съ турками подъ его начальствомъ. Къ тому-жь князь Бебутовъ хорошо зналъ, что русскому солдату гораздо легче перенести морозъ, нежели туркамъ, и зналъ, что морозъ, оживляя нашихъ солдатъ, заставлялъ падать духомъ турокъ; тѣмъ болѣе, что общее настроеніе въ отрядѣ было на сторонѣ наступленія. Вотъ этимъ-то нравственнымъ превосходствомъ своихъ силъ онъ и хотѣлъ воспользоваться. Наконецъ, нерѣшенное баяндурское дѣло требовало болѣе удовлетворительнаго результата въ началѣ кампаніи.

14-го ноября отрядъ выступилъ вслѣдъ за непріателемъ; пройдя верстѣ 10 по большой дорогѣ, отрядъ, переправясь въ бродъ р. Арпачай, вступилъ на турецкую землю. Ненастье все увеличивалось и до того испортило дороги при подъемахъ въ горы, что наши войска, за невозможностію двигаться далѣе, стали 15-го ноября въ пол-верстѣ отъ Арпачая, влѣво отъ карской дороги, около сел. Башъ-шурагель и башни Технисъ. На этой стоянкѣ получено извѣстіе о пораженіи турокъ генераломъ Андрониковымъ подъ Ахалцихомъ. Столь радостное извѣстіе еще сильнѣе разжигало желаніе поскорѣе сразиться съ турками.

Между тѣмъ, Абди-паша, уклоняясь отъ встрѣчи съ нашимъ отрядомъ, отступилъ въ глубь страны къ Карсу и, располагаясь близъ Карса, возлѣ Субатана, сталъ стягивать свои силы.

17-го ноября, при фуражировкѣ у селенія Игонлы, наша кавалерія открыла непріятельскую конницу и имѣла съ нею незначительное дѣло. На другой день князь Бебутовъ получилъ точное извѣстіе, что Рейсъ-Магомедъ-паша, занявшій мѣсто Абди-паши, удалившагося на время изъ лагеря, перешелъ къ Башъ-кадыкляру, откуда задумалъ однимъ ударомъ сокрушить малочисленный отрядъ нашъ. Бебутовъ рѣшился предупредить замыслы противника и тѣмъ отстранить всѣ невыгоды оборонительнаго положенія, въ которое Рейсъ-Магомедъ намѣревался поставить александропольскій отрядъ.

Съ этою цѣлью, въ ночь съ 18-го на 19-е ноября, па-

латки и тяжести съ Башъ-шурагея были отосланы въ Александрополь. Отрядъ, тихо подготовившись къ бою и взявъ съ собою одинъ комплектъ зарядовъ, на 5 дней провіанта и 4 порціи спирта, съ разсвѣтомъ сталъ наступать по дорогѣ къ Карсу.

Эриванскій полкъ, въ числѣ 2693 человекъ (*), за исключеніемъ женатой роты, оставленной для прикрытія Манглиса, шелъ по диспозиціи въ густыхъ баталіонныхъ колонахъ: 1-й и 2-й баталіоны въ главномъ эшалонѣ, подъ личною командою кн. Бебутова, 3-й-же бат. и три роты 4-го наступали въ арріергардѣ, подъ командою своего полкового командира, полковника Моллера (**).

Стоявшая до того ненастная погода, совершенно прояснилась. Съ первыми проблесками дня, снѣжныя вершины Саганлуга рѣзко обрисовались на небосклонѣ—выплыло солнце и лучи его весело заскользили по колеблющимся штыкамъ наступающихъ колонъ. Морозъ, сковавшій къ утру грязь, далъ возможность даже карабинерамъ, шедшимъ въ арріергардѣ, двигаться быстро, безъ всякихъ остановокъ, и бодро, такъ-что оставленная нами позиція, на которой еще кое-гдѣ мелькали огоньки, осталась вскорѣ далеко сзади.

Около 11-ти часовъ утра, послѣ 5-ти часового марша, когда голова нашей колонны поднялась къ сел. Пирвали, были замѣчены вдали непріятельскіе пикеты, которые вскорѣ скрылись. Эриванскій полкъ, перейдя Пирвали и переправившись въ бродъ чрезъ рѣчку Карсъ-чай, съ распущенными знаменами поднялся на высоту горы, откуда постепенно спустился къ ручью, за которымъ видѣлись аванпосты турокъ, стоявшіе вдоль Башъ-кадыклярскихъ горъ. Ихъ аванпосты при появленіи нашихъ войскъ тотчасъ стали свертываться.

(* Вѣдомость о людяхъ: 1-й бат.—665 чел., 2-й—694 ч., 3-й—728 и 4-й—606 чел. Пол. арх.

(**) Дѣло по ген. шт. за 1853 г., № 11, о Башъ-кадыклярскомъ сраженіи. Твфл арх.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

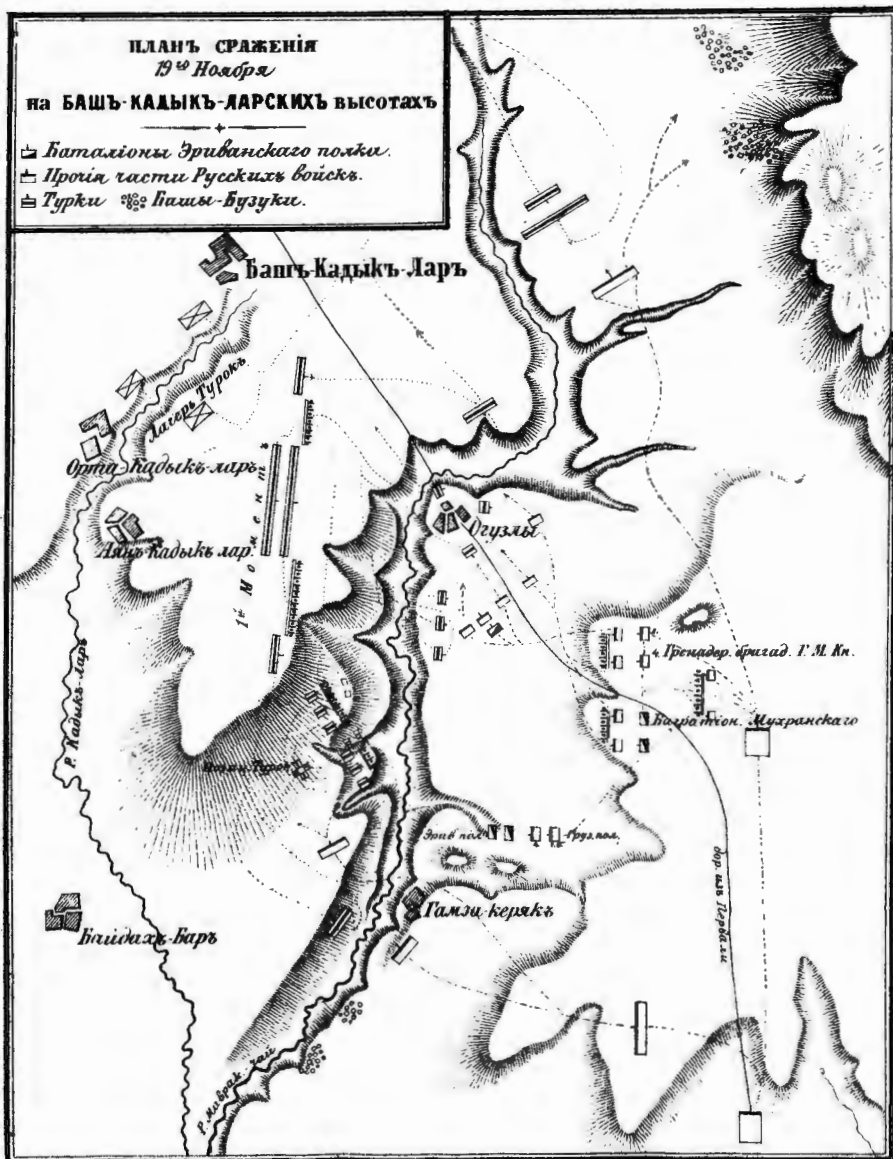
19го Ноября

на БАШЬ-КАДЫКЪ-ЛАРСКИХЪ ВЫСОТАХЪ

▣ Баталіоны Эриванскаго полка.

▣ Прочія части Русскихъ войскъ.

▣ Турки ☉: Гаши-Бузуки.

Князь Бебутовъ, осмотрѣвъ сильную непріятельскую позицію, приказалъ своему 10-ти тысячному отряду строиться въ двѣ линіи съ резервомъ (*) противъ 36-тысячнаго турецкаго корпуса съ 46 орудіями.

Первую нашу боевую линію составили 4½ баталіона и двѣ батареи, подъ командою генерала Кишинскаго; во второй линіи стали 1-й и 2-й баталіоны эриванцевъ, а также семь ротъ грузинцевъ, подъ начальствомъ своего бригаднаго командира генераль-маіора князя Багратіонъ-Мухранскаго; по флангамъ стала кавалерія: на правомъ—шесть эскадроновъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ, при 4-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ ген.-м. князя Чавчавадзе, —а на лѣвомъ—четыре эскадрона драгунъ, семь сотенъ казаковъ и четыре орудія, подъ начальствомъ генераль-маіора Багговута 1-го; въ резервъ расположились 12 ротъ, въ числѣ коихъ сначала боя находился 3-й баталіонъ эриванцевъ; три-же роты 4-го баталіона эриванцевъ, подъ командою своего командира полка полковника Моллера, прикрывали обозъ (см. планъ).

Турки, по показанію плѣнныхъ и лазутчиковъ, ничего до 10-ти часовъ не знали о наступленіи нашего отряда. Когда же ихъ пикеты открыли авангардъ нашъ, то Рейсъ-Магометъ, удивившись смѣлости русскихъ, велѣлъ ударить тревогу и построить свой корпусъ то-же въ двѣ линіи съ резервомъ и прикрывъ фланги батареями, выдвинулъ ихъ на волнистыя Башъ-кадыклярскія высоты, находящіяся между двумя небольшими рѣчками. Спереди этихъ горъ протекаетъ въ каменистомъ и обрывистомъ оврагѣ р. Маврыкъ-чай, а сзади р. Кадыкляръ, на которой былъ расположенъ въ трехъ деревняхъ (Башъ, Орта и Аянъ-кадыклары) турецкій лагерь.

Курды, по указанію паши, заняли на р. Маврыкъ-чай

(*) Семь ротъ грузинцевъ, одиннадцать ротъ эриванцевъ, четыре роты курянцевъ, восемь ротъ ширванцевъ, баталіонъ кавказскихъ стрѣлковъ и двѣ роты саперъ; Нижегородскій драгунскій полкъ, 9 сотенъ казаковъ, одна сотня милиціи и 37 орудій.

селенія Гамза-верякъ и Огузлы—чрезъ послѣднее пролегаетъ большая дорога къ Карсу.

Однако-жъ, вскорѣ Рейсъ-Магометъ-папа нашелъ нужнымъ замѣнить первоначальную свою диспозицію новой, на томъ основаніи, что онъ, замѣтя малочисленность нашего отряда, счелъ за лучшее совершенно уничтожить его или взять въ плѣнъ. Въ силу такого соображенія, папа далъ приказаніе перестроиться всѣмъ войскамъ въ одну линію. Всѣ-же 30 орудій онъ соединилъ въ общую батарею на высотахъ праваго берега Маврикъ-чая, противъ деревни Гамза-верякъ, прикрывъ эту соединенную батарею десятью баталіонами отборной пѣхоты.

Размѣстивъ войска по новому плану, высококомѣрный папа спѣсиво сказалъ своимъ солдатамъ: «Смотрите, какая горсть имѣетъ дерзость идти на васъ; мы не будемъ бить этихъ невѣрныхъ, а окружимъ ихъ, разберемъ по рукамъ и живыми отведемъ въ Карсъ.»

Князь Бебутовъ сначала предложилъ общимъ натискомъ отряда взять селеніе Огузлы, съ занятіемъ котораго мы могли угрожать непріятелю на путь его отступленія. Едва наши войска успѣли тронуться съ мѣста, какъ непріятельскіе баталіоны съ распущенными знаменами, музыкою и пѣснями стройно двинулись на встрѣчу, а курды и регулярная кавалерія стали огибать наши фланги. Въ 12 часовъ дня открылась сильная канонада и бой начался на протяженіи почти трехъ верствъ. Однимъ изъ первыхъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ непріятельскій ящикъ. Войска наши наступали къ Маврикъ-чаю, подъ фланговымъ артиллерійскимъ огнемъ, къ которому вскорѣ присоединился и штуцерной. Въ этотъ моментъ боя князь Бебутовъ, по просьбѣ генерала Мухранскаго, приказываетъ ему съ эриванцами и грузинцами идти въ штыки на соединенную, тридцати-орудійную батарею, находящуюся, какъ сказано выше, надъ оврагомъ, на правомъ крылѣ непріятеля. Князь Багратіонъ - Мухранскій, на бѣломъ боевомъ конѣ, хлад-

нокровно, въ совершенномъ порядкѣ, по косогору повелъ свою бригаду фланговымъ движеніемъ влѣво, причемъ въ особенности понесъ большую потерю 1-й баталіонъ эриванцевъ. Въ числѣ первыхъ жертвъ битвы палъ прапорщикъ Быстромъ, предчувствовавшій наканунѣ свою смерть. Бригада вскорѣ спустилась въ лощину, закрытую отъ выстрѣловъ. Здѣсь князь Мухранскій остановилъ свою бригаду для отдыха, а самъ, желая высмотрѣть мѣстность, по которой удобнѣе было-бы вести баталіоны на батарею, одинъ взопелъ на высоту. Турецкіе стрѣлки открыли по немъ огонь, вслѣдъ затѣмъ раздались и орудійные, одиночные выстрѣлы, но князь остался невредимъ, хотя былъ слегка контуженъ и отброшенъ назадъ. Князь Багратіонъ-Мухранскій, вѣрно опредѣливъ мѣсто, куда надлежало направить ударъ, вызвалъ сначала штуцерныхъ отъ двухъ баталіоновъ эриванцевъ и приказалъ командиру ихъ, подпоручику фонъ-деръ-Ноне, выбить турецкихъ штуцерныхъ изъ оврага Маврикъ-чай, черезъ который должна была пройти колонна. Фонъ-деръ-Ноне, первый въ этотъ день изъ эриванцевъ, достойно началъ дѣло. Разсыпалъ штуцерныхъ, онъ бросился на непріятельскихъ стрѣлковъ, и заставилъ ихъ отступить. Когда штуцерные наши въ точности исполнили порученіе, тогда кн. Мухранскій, построивъ въ главѣ штурмовой колонны 1-й и 2-й бат. эриванцевъ, обратился къ нимъ и указавъ по направленію къ непріятельской батарее, сказалъ: «Эриванцы, полкъ вашъ существуетъ двѣсти лѣтъ, а у васъ нѣтъ георгіевскихъ знаменъ—ваши знамена на этой батарее: идите за мной и вы свое получите!» Произнеся эту рѣчь, онъ приказалъ офицерамъ слѣдовать на флангахъ, не выдаваясь впередъ, чтобы баталіоны, по выраженію князя, представляли собою ящики, скованные силою офицеровъ. Кромѣ того, тутъ-же дано приказаніе: всѣмъ людямъ, идя подъ выстрѣлами, твердить одно слово: «Идите, идите». . Это замѣчательное распоряженіе въ психическомъ отношеніи, имѣло ту цѣль, чтобъ развлечь думы людей и не дать время пробудиться чувству сомосохраненія.

Отъ лоцины, въ которой отдыхали, до русла рѣчки Мавриксъ-чая нужно было пройти около пол-версты подъ картечнымъ и штуцернымъ огнемъ. Лишь только баталіоны съ распущенными знаменами выдвинулись и стали спускаться въ оврагъ, какъ турки изъ всѣхъ орудій и штуцерныхъ баталіоновъ сдѣлали залпъ. Картечь и пули, шипя и жужжа, какъ тысячи змѣй пропеселись по стройнымъ рядамъ карабинеръ и гренадеръ. Многіе сложили свои молодецкія головы на этомъ косогорѣ,—но живые, безъ всякаго замѣшательства, сдвинувъ ряды, продолжали стройное движеніе въ руслу оврага, сохраняя порядокъ и грозное молчаніе. Убитые и раненые остались неубранными, истекая кровью, но о нихъ думать было некогда—впереди стояли турецкія батареи, которыя предстояло штурмовать.

Отъ болотистаго дна оврага, гдѣ извивалась неглубокая рѣчка Мавриксъ-чай, до окраины плато, на которомъ помѣщалась батарея, надо было пройти по крайней мѣрѣ саженъ двадцать. Отсюда эриванцы, предводимые княземъ Мухранскимъ, стали твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ подыматься на плато по острой ложбинѣ, которая разрѣзывала общую батарею на двѣ батареи: верхнюю—или правую, и нижнюю—или лѣвую. Отважный-же командиръ Грузинскаго полка, виновникъ баяндурскаго дѣла, повернулъ своихъ грузинцевъ въ полъ-оборота на-право и двинулся по крутому подъему на верхнюю, 18-ти-орудійную батарею.

Турецкіе стрѣлки встрѣтили эриванцевъ частымъ продолжнымъ огнемъ по лоцинѣ, но когда эриванцы сдѣлали залпъ по лоцинѣ вверхъ, то непріятель скрылся. Тогда эриванцы, предводимые княземъ Мухранскимъ, лѣзутъ истинными героями впередъ; офицеры, соревнуя, несутъ свои знамена на лѣвый флангъ нижней батареи. Въ числѣ первыхъ вошли на плато: подпоручикъ фонъ-деръ-Ноне съ командою штуцерныхъ и храбрѣйшіе изъ эриванцевъ маіоры: Турчановскій, Враггель, Шаликовъ, штабсъ-капитанъ Кавторадзе, поручикъ Мендѣлеевъ и подпоручикъ Витковскій. Но въ это самое время выдвинулась

съ крикомъ непріятельская пѣхота, прикрывавшая орудія. Войска сошлись и закипѣлъ бой. Турчановскій и Врангель батальнымъ огнемъ и штыками своихъ карабинеръ, опрокидывая пѣхоту и постепенно подаваясь впередъ, овладѣли нижнею батареею, отбросили прикрытіе, а орудія, стоявшія на окраинѣ, сбросили внизъ.

Одновременно съ движеніемъ эриванцевъ на нижнюю батарею, грузинцы, благодаря крутизнѣ, безъ выстрѣла дошли до окраины верхней батареи, но здѣсь, встрѣченныя почти въ упоръ залпомъ, они, колеблясь, дошли до ближнихъ орудій и вступили уже въ бой съ артиллеристами; но въ это время четыре турецкихъ баталіона обдали ихъ убійственнымъ огнемъ, и всею массою опровинули смѣлыхъ гренадеръ князя Орбелиани въ оврагъ. Затѣмъ, почти на выборъ, стали уничтожать въ догонку храбрыхъ грузинцевъ, лишившихся при этой атакѣ многихъ офицеровъ, которые, увлекшись личною отвагою своего командира, наступали впереди колонны. Нужно замѣтить, что движеніе грузинцевъ вправо произошло по личной инициативѣ князя Орбелиани, доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что начальникъ бригады, наступая впереди штурмовой колонны, не зналъ объ этомъ движеніи до тѣхъ поръ, пока, завладѣвъ нижнею батареею, онъ не повернулъ къ верхней. Въ это время, какъ говоритъ князь Баграціонъ-Мухранскій, происходила та атака свѣжими баталіонами турокъ (*).

Въ данный моментъ боя и на другихъ пунктахъ битвы наши войска находились въ затруднительномъ положеніи: колонна генерала Кишинскаго, встрѣченная сильнымъ штуцернымъ огнемъ изъ четырехъ непріятельскихъ баталіоновъ, изнемогала въ ровномъ бою. Кавалерія Чавчавадзе, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ атакъ и отбитія двухъ орудій, отошла на позицію.

(*) Князь Мухранскій, рассказывая объ этомъ событіи, приводитъ слѣдующій эпизодъ: знаменщикъ 1-го баталіона Грузинскаго полка, преслѣдуемый турецкими стрѣлками, подлѣ командо офицера изъ гурійцевъ, былъ спасенъ эриванцами.

Насталъ самый критическій моментъ боя; но въ подобныя минуты доблесть русскаго солдата обыкновенно и выручаетъ, проявляясь во всей своей силѣ.

Князь Мухранскій, составивъ изъ двухъ эриванскихъ баталіоновъ общую колонну, двинулся на главную 18-ти-орудійную батарею, съ которой были сброшены грузинцы. Турки, понимая важность пункта этой батареи, такъ сказать, составляющей ключъ позиціи и главную опору турецкой дѣйствующей арміи, открыли до того учащенный огонь, что, по словамъ очевидцевъ, его можно было уподобить металлическому дождю. Карabinieri, составя изъ отважнѣйшихъ людей передовые взводы, по трупамъ своихъ товарищей, искупая каждый шагъ впередъ жизнью многихъ, зашли во флангъ батареи, и этимъ удачнымъ маневромъ парализовали ея дѣйствіе. За-то многочисленная пѣхота, прикрывавшая орудія, не переставала обдавать залпами карабинеръ; но они, подойдя съ боку къ окраинѣ плато, на которомъ расположена была верхняя батарея, приостановились. Турки, стоявшіе на плато, держали ружья наизготовѣ, чтобъ при появленіи русскихъ на плато обдать ихъ общимъ залпомъ. Минута настала роковая. Эриванцы, какъ нельзя лучше, воспользовались этимъ моментомъ: высунувъ предварительно папахи, крикнули ура. Турки, принявъ это за истинное движеніе, дали сильный, оглушительный залпъ. Тысячи смертей пронеслись надъ головами, захвативъ однѣ лишь папахи. Дѣйствительно, военная хитрость эриванцамъ удалась: пронесшіеся снаряды, не причинили имъ вреда. Тогда маіоры Турчановскій и Врангель выдвигаются на плато и вступаютъ въ послѣдній, рѣшительный бой; съ обѣихъ сторонъ громъ орудій заколебалъ воздухъ—затрещали сильные ружейные выстрѣлы и усилились крикъ и предсмертные стоны. Въ эти минуты, рѣшившія участь многихъ людей, палъ убитымъ маіоръ Турчановскій, пораженный двумя пулями и картечью, въ тотъ самый моментъ, когда закричалъ знаменщику, унтеръ-офицеру Лушу: «Впередъ, на орудія»; маіоръ Врангель сильно раненъ

въ руку и въ грудь на-сквозь штуцерною пулею при наступленіи на правый фасъ непріятельскаго каре, составлявшаго прикрытіе у орудій; подпоручики Соколовскій—въ бедро (умеръ), Витковскій—въ плечо съ раздробленіемъ кости, Думбергъ—убить, маіоръ Шаликовъ, герой Эриванскаго полка, раненъ штуцерною пулею въ бедро,—но онъ, не покидая фронта, шель впереди другихъ, обливаясь кровью; маіоръ Кобіевъ, замѣнившій Турчановскаго, съ тою-же неустрашимостію продолжаетъ наступать; отважнѣйшіе, поручикъ Мендѣевъ и штабъ-капитанъ Кавторадзе, пренебрегая опасностію, лѣзутъ впередъ со знаменами.

Туркамъ солнечные лучи были прямо въ глаза и имъ наступающіе эриванцы въ косматыхъ папахъ показались какими-то чудовищными великанами, такъ что они, объятые ужасомъ, стали колебаться. Въ это самое время два дивизиона нижегородскихъ драгунъ, подъ командою полковника Петрова, и четыре орудія есаула Кулигачева, выскочили изъ оврага въ тылъ туркамъ.

Эриванцы, слыша родное ура и замѣтивъ сквозъ дымъ выстрѣловъ знакомыя лица драгунъ, ударили послѣдними силами на турокъ: ни что не могло противостоятъ быстрой и дружной атакѣ эриванцевъ. Ихъ нравственная сила взяла перевѣсъ и на этомъ пунктѣ битвы—одинъ моментъ и орудія въ нашихъ рукахъ, артиллеристы подняты на штыки и изрублены, а прикрытіе обращено въ бѣгство. Наконецъ, прострѣленные и окровавленные знамена карабинеръ развились на главной непріятельской батарее. Такъ совершонъ эриванцами знаменитый подвигъ, который составляетъ гордость полка. На обѣихъ батареяхъ взято 22 орудія.

Къ чести турецкихъ артиллеристовъ должно сказать, что они отличались истинною неустрашимостію и самоотверженіемъ. Послѣ бѣгства своей пѣхоты, оставаясь безъ прикрытія, продолжали пальбу и гибли на своихъ орудіяхъ. Лафеты и тѣла почти всѣхъ орудій облиты кровью храброй ихъ прислуги.

Пока 1-й 2-й баталіоны брали батарею, двѣ роты 3-го баталіона, подъ командою штабсъ-капитана Кантурова, получаютъ приказаніе отъ генерала Бебутова идти въ помощь грузинцамъ, опрокинутымъ съ батареи и сброшеннымъ въ оврагъ къ р. Маврикь-чаю. Кантуровъ, извѣстный всему полку своею храбростію, твердымъ шагомъ спѣшитъ на встрѣчу турокъ, возстановляетъ бой и вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими грузинцами опрокидываетъ и уничтожаетъ спустившихся въ оврагъ турокъ. Двѣ-же другія роты 3-го баталіона, подъ личною командою кн. Тарханова, спѣшаютъ къ колонѣ Кишинскаго и слѣва наступаютъ на селеніе Огузлы, —но на этомъ пунктѣ эриванцамъ не удалось поработать штыкомъ: турки, завидя на своихъ батареяхъ русскія знамена, не выждавъ атаки, поспѣшили отступить, преслѣдуемые страхомъ и огнемъ войскъ Кашинскаго. Въ 3 часа по полудни отступленіе турокъ на всѣхъ пунктахъ обратилось въ совершенное безпорядочное бѣгство. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, они бросили свой лагерь на р. Кадикларъ и разсѣялись по дорогѣ къ Карсу. Паника и ужасъ такъ были велики, что непріятель, обгоняя другъ друга, бросалъ аммуницію, ружья и даже собственныя вещи. Слѣдъ пораженнаго непріятели былъ устланъ воинскими доспѣхами. Для преслѣдованія его, въ числѣ прочихъ войскъ, выдвинутъ былъ бѣгомъ 3-й баталіонъ эриванцевъ. Настойчиво наши солдаты гнались за разстроеннымъ окончательно противникомъ, который не смѣлъ даже останавливаться, а едва переводя духъ, бѣжалъ по разнымъ направленіямъ къ Карсу. Однако, благоразуміе требовало во-время прекратить преслѣдованіе, такъ какъ наступили сумерки и непріятель, имѣя много кавалеріи, могъ-бы, очнувшись отъ испуга, отрѣзать наши, далеко вдавшіяся колонны; потому князь Бебутовъ ударилъ сборъ. Поздно уже вечеромъ нашъ отрядъ соединился на полѣ битвы и сталъ на ночлегъ у истока Маврикь-чая, у сел. Огузлы.

По окончаніи дѣла, князь Мухрапскій тотчасъ приказалъ убирать раненыхъ. Далеко за полночь эриванцы ходили съ

фонарями по полю битвы и отыскивали раненых товарищей. Много при этомъ случаѣ раненые эриванцы выказали мужества: нѣкоторые изъ нихъ, забывая боль въ смертельныхъ ранахъ, спрашивали, собравшись съ послѣдними силами, о битвѣ и получивъ удовлетворительный отвѣтъ о поражени враговъ, умирали спойно.

Вечеромъ, когда князь Мухранскій обходилъ бивуакъ карабинеровъ, солдаты, сознавая его главнымъ виновникомъ побѣды и своего счастья, привѣтствовали и сопровождали его крикомъ ура. Столь искренно выраженная признательность солдатъ, глубоко тронула князя.

Побѣда дала намъ 24 орудія (*), 68 артиллерійскихъ лошадей, 13 зарядныхъ ящиковъ, 1 знамя, два лагеря съ палатками и имуществомъ. «Вещей этихъ такъ много было брошено непріателемъ—доносить Бебутовъ—что посылаемыя колонны 20, 21 и 22-го ноября едва могли небольшую часть доставить къ намъ въ лагерь—все остальное сожжено.»

Столь упорная битва съ непріателемъ, превосходившимъ въ силахъ въ три съ половиною раза, натурально не могла не стоить намъ чувствительныхъ потерь. У эриванцевъ убыло изъ фронта.

БАТАЛИОНЫ:	Убито:		Ранено:		Контужено:		Всего.
	Офицер.	Нижн. чиновъ	Офицер.	Нижн. чиновъ	Офицер.	Нижн. чиновъ	
Первый.....	1	34	1	46	•	13	95
Второй.....	2	26	3	40	•	14	85
Третій.....	•	5	•	17	•	1	23
В С Е Г О.....	3	65	4	103	•	28	203

(*) Въ томъ числѣ и пушка на красномъ лафетѣ съ надписью: подарокъ Абдуль-Меджида—сераскиру Абди-пашѣ. Въ настоящее время пушка эта хранится въ С.-Петербурѣ.

Весь-же уронъ александропольскаго отряда убитыми, ранеными и контуженными 1294 челов. Кичливый Рейсъ-Магометъ-паша оставилъ 1500 тѣлъ на полѣ сраженія; вся-же его потеря съ разбѣжавшимися до 8000 челов. Самъ онъ въ числѣ первыхъ оставилъ поле битвы и направился къ Карсу, куда прибыла разстроенная его армія и начала грабить на базарѣ беззащитныхъ христіанъ. Курды, рассыпавшись по деревнямъ и дорогамъ, убивали христіанъ и грабили даже своихъ соплеменниковъ—мусульманъ.

Одинъ турецкій унтеръ-офицеръ изъ числа семи человекъ, взятыхъ въ плѣнъ и находившихся подъ карауломъ въ 3-мъ батал., рассказывалъ собравшимся у костра эриванцамъ, что теперь турки безъ битвы отдадутъ Карсъ, ибо имъ всѣмъ показалось, что на нихъ шли люди не обыкновенные, а какіе-то великаны.

Еслибы князь Бебутовъ могъ усилить свой отрядъ и обезпечить его продовольствіемъ, то въ этотъ періодъ войны взятіе Карса было-бы несомнѣнно.

На другой день битвы, 20-го ноября, въ высокаторжественный день вступленія на престолъ покойнаго государя, въ присутствіи всего отряда было совершено подъ открытымъ небомъ молебствіе, а потомъ отслужена литія за упокой, только вчера павшихъ героевъ Башъ-кадыкяра. Теплая молитва слышалась въ рядахъ карабинеровъ и послѣдняя копѣйка неслась на алтарь свѣчею за упокой убитыхъ товарищей, память о которыхъ была еще такъ свѣжа, а опустѣвшіе ряды живо напоминали о ихъ вчерашнемъ существованіи и совершенныхъ ими подвигахъ. Парадъ былъ завершонъ орудійными выстрѣлами, громъ которыхъ ликовалъ побѣду, а не такъ какъ накануне—возвѣщалъ приближеніе смерти. Къ вечеру повалилъ хлопьями снѣгъ и чрезъ нѣсколько часовъ башкадыклярскія высоты, облитыя кровью, покрылись толстымъ слоемъ снѣга. Всѣ слѣды сраженія скрылись—только насыпанные на могилахъ курганы стояли и стоятъ тамъ по-нынѣ, какъ безмолвные

свидѣтели прошедшаго. Три транспорта везли раненныхъ въ Александрополь.

22-го ноября 3-й баталіонъ эриванцевъ и батал. ширванцевъ, подъ общею командою подполк. князя Тарханова, были выдвинуты впередъ на 7 верстъ для уничтоженія непріятельскихъ складовъ съ провіантомъ. Князь Тархановъ, въ тотъ же день исполнивъ порученіе, вернулся на позицію въ сел. Огузлы, но, къ удивленію своему, не засталъ тамъ главнаго отряда, ибо князь Бебутовъ неожиданно для всѣхъ снялся съ позиціи и выступилъ обратно на свою границу, по дорогѣ къ Александрополу. Изъ этого факта можно видѣть, въ какой глубокой тайнѣ князь Бебутовъ сохранялъ свои намѣренія. Поспѣшное выступленіе отряда отъ Огузлы и отдаленные выстрѣлы, слышанные со стороны Александрополя, подали поводъ колонѣ кн. Тарханова предположить, что непріятель, минувъ скрытно нашъ отрядъ, напалъ на Александрополь. Такое предположеніе заставило кн. Тарханова, принявъ мѣры предосторожности, двинуться усиленнымъ шагомъ на соединеніе съ отрядомъ, — но, къ общей радости, вскорѣ нашъ казачій разъѣздъ сообщилъ князю настоящую цѣль выступленія отряда; поздно вечеромъ, утомленная колонна присоединилась къ главнымъ войскамъ. Въ слѣдующій день отрядъ выступилъ въ Александрополь гдѣ съ большимъ почетомъ христіанскіе жители встрѣтили побѣдителей и началось празднество; не одну чарку спирта отпустили ближайшіе начальники молодцамъ эриванцамъ, ротнымъ сотоварищамъ, а Государь и августѣйшій шефъ, получивъ донесеніе о побѣдѣ, осыпали полкъ наградами. Предсказаніе князя Мухранскаго сбылось: 1 и 2-й баталіоны дѣйствительно удостоились получить георгіевскія знамена съ надписью: «За пораженіе $\frac{36}{7}$ турецкаго корпуса на башъ-кадыклярскихъ высотахъ 19-го ноября, 1853 года». Башъ-кадыклярская побѣда доставила полку извѣстность и громкую славу. Награды: командиръ полка награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ императорскою короною, а герои битвы — маіоры: Врангель 6-й,

Шаликовъ и поручикъ Витковскій, по рѣшенію кавалерской думы, получили орд. св. Георгія 4-й ст.; маіоръ Кобіевъ, капитанъ Татьянинъ, штабсъ-капитаны: Кангуровъ, Кавторадзе 2-й, Мендѣлеевъ, поручикъ князь Половандовъ и баталіонный лекаръ Шеламовъ—пожалованы кавалерскими орденами св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й ст.; маіоръ Бучкѣевъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й ст., съ императорскою короною. Сверхъ того, 18 офицеровъ награждены орденами, 127 нижнихъ чиновъ—знаками отличія, девять офицеровъ повышены въ чинахъ и пять юнкеровъ награждены георгіевскими крестами. Наконецъ, его величеству благоугодно было назначить всѣмъ вообще нижнимъ чинамъ по 2 руб., фельдфебель же Куковъ награжденъ 25-ю руб. (*) Но выше и завѣтнѣе всѣхъ этихъ личныхъ наградъ было августѣйшее вниманіе шефа наслѣдника, которое онъ высказалъ въ письмѣ къ князю Бебутову, въ слѣдующихъ, достопамятныхъ для каждаго эриванца словахъ: «Подробности объ отличіи, оказанномъ моимъ полкомъ въ сраженіи между Александрополемъ и Карсомъ, меня крайне обрадовали; прошу васъ передать всѣмъ чинамъ онаго, что я горжусь быть ихъ шефомъ—слыша о ихъ мужествѣ и рвеніи къ службѣ царю и отечеству» (**).

Сверхъ того, когда состоялся высочайшій приказъ о вознагражденіи 1-го и 2-го баталіоновъ георгіевскими знаменами, царственный шефъ цесаревичъ первый поспѣшилъ возвѣстить полкъ свой о столь новой и великой царской милости, слѣдующей грамотою (***) : Душевно обрадованный сею монаршею милостію, столь достойно храбрымъ моимъ полкомъ приобрѣтенною, я спѣшу поздравить всѣхъ чиновъ онаго, и изъявить имъ чувство искреннаго моего удовольствія, при каждомъ счастливомъ для него событіи. Славное участіе, принятое эриван-

(*) Приказъ по дѣйствующему корпусу, на турецкой границѣ, отъ 23-го декабря, 1853 г., № 59.

(**) Предписаніе Бебутова къ Моллеру, отъ 4-го января, 1854 г., за № 26-мь.

(***) Приказъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, отъ 28 января, 1854 г.

цами въ сраженіи при Башъ-кадыклярѣ, увѣнчавшемъ оружіе русское новою неувядаемою славою, *украститъ блестящею страницею лѣтописи полка*, и воинскія доблести, его отличающія, ручаются въ постоянномъ рвеніи всѣхъ чиновъ его къ новымъ подвигамъ мужества и храбрости и ко святому долгу службы за престоль и отечество».

Выѣстъ съ тѣмъ на имя командира полка присланъ нижеслѣдующій рескриптъ:

«Эдуардъ Антоновичъ!

Командуемый вами Эриванскій карабинерный, имени моего полкъ, при оказанныхъ имъ въ послѣднихъ дѣлахъ противъ турокъ свойственныхъ ему мужества и храбрости, не могъ не понести довольно значительной потери ранеными и убитыми; во вниманіе къ сему, препровождаю у сего три тысячи руб. сер. для вспомоствованія отъ имени моего какъ раненымъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, такъ и семействамъ убитыхъ, съ тѣмъ, чтобы вы донесли мнѣ, кому именно и сколько, по усмотрѣнію вашему, будетъ роздано. На подлинномъ собственною рукою его императорскаго высочества подписано: Пребываю къ вамъ искренно благосклонный АЛЕКСАНДРЪ. 30-го января, 1854 г. С.-Петербургъ.»

Истинно русская патриотическая кровь полка заговорила въ эриванцахъ. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, сердца ихъ преисполнились однимъ желаніемъ—опять битвы, чтобы новыми подвигами излить свою искреннюю любовь и благодарность передъ августѣйшимъ шефомъ. Полетѣли письма, по всей обширной русской землѣ пропелась вѣсть о башъ-кадыклярской битвѣ—загудѣли колокола въ православныхъ храмахъ и вездѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за дарованную намъ побѣду.

Въ Петербургѣ императоръ Николай Павловичъ, въ присутствіи всей царской семьи, въ дворцовой церкви отслужилъ этотъ молебенъ въ день своего ангела (*).

(*) Приказъ по вѣйс. корпусу, 23 декабря, 1853 года, № 59.

ГЛАВА XIX.

Стоянка въ пограничныхъ деревняхъ. Движеніе на сборный пунктъ къ Александрополю. 2-й баталіонъ открываетъ кампанію. Переходъ и движеніе за границу. Сильнѣйшій градъ. Лагерь на кюрюкъ-даринской позиціи. Кюрюкъ-даринское сраженіе 24-го іюля. Подвиги князя Тарханова, Врангеля и другихъ. Награды—шефъ удостоиваетъ полкъ всемилоостивѣйшимъ письмомъ на имя кн. Вярятинскаго. Стоянки послѣ битвы. Роспускъ отряда.

Полкъ провелъ остатокъ зимы 1853 года весело и шумно, не смотря на то, что былъ размѣщенъ въ бѣдныхъ деревняхъ—большую частію по буйволятникамъ—и мѣнялъ часто свое мѣстоположеніе. Такъ, первый баталіонъ сначала стоялъ на коптонирь-квартирахъ въ духоборскихъ селеніяхъ Орловкѣ и Горѣловкѣ; 2-й баталіонъ занялъ армянскія селенія Бекантъ и Караклисъ, а 3-й батал. и три роты 4-го батал., вмѣстѣ съ полковымъ штабомъ, заняли укрѣпленіе Ахалкалаки. Но это размѣщеніе было измѣнено, и баталіоны безпрестанно двигались изъ одного селенія въ другое. Одно изъ таковыхъ передвиженій было вызвано партією башибузуковъ, показавшихся на нашей границѣ не-подалеко отъ Александрополя. Для обороны этой крѣпости направили туда съ разныхъ мѣстъ части полка; 3-й баталіонъ, посаженный на сани, выставленные добровольно духоборами для своихъ веселыхъ постояльцевъ эриванцевъ, былъ доставленъ въ сутки изъ сел. Орловки въ Александрополь; 1-й-же, 2-й и двѣ роты 4-го баталіона съ своихъ коптонирь-квартиръ двигались туда-же. Эти послѣдніе баталіоны шли по глубокимъ сугробамъ снѣга и испытали на пути всевозможныя невзгоды, страшныя вьюги и трескучіе морозы, но сохранили бодрый видъ и не имѣли отмороженныхъ (*). Баталіонные и ротные командиры за этотъ трудный, но молодецкій переходъ, получили благодарность.

Въ то-же время опустѣвшіе ряды пополнялись разными командами, вытребованными изъ штабъ-квартиры.

(*) Приказъ по полку, отъ 14 февраля, 1854 г.

Въ уроч. Манглисѣ жены офицеровъ приготовляли корпію для раненыхъ и съ каждою почтою посылали въ Александрополь; не опасно раненые, были перевезены въ Манглисѣ. Здѣсь они, окруженные полнымъ попеченіемъ медиковъ и своихъ родныхъ и знакомыхъ, скоро поправлялись—многіе даже, выписавшись изъ госпиталя, заняли свои мѣста во фронтѣ.

Зима стояла суровая, но нашему солдату не привыкать было къ ней. Эриванцы переносили всѣ лишения безропотно и съ нетерпѣніемъ ждали весны, чтобъ снова стать лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Желанная весна приблизилась, солнце стало смывать сугробы снѣга, потекли ручьи; дороги, по которымъ уже тянулись казенные обозы къ Александрополю, сдѣлались грязными, вязкими до значительной глубины. Наконецъ, скоро пришло и всѣми ожидаемое приказаніе—двигаться на сборный пунктъ къ Александрополю. Бойко встрепенулись эриванцы, тѣми-же молодцами стали во фронтъ и затянули только что сложенную пѣсню въ честь кн. Бебутова (*).

По мѣрѣ того, какъ стягивались войска, опѣ располагались лагеремъ вокругъ города. Первымъ прибылъ 24-го апрѣля 2-й баталіонъ эриванцевъ, вслѣдъ за нимъ вступилъ 28-го числа 3-й баталіонъ, наконецъ, чрезъ 2 дня прибыли 1-й баталіонъ и три роты 4-го; 2-й баталіонъ сталъ у карантина, близъ Арпачая, для обороны работъ тепъ-депона, гдѣ его смѣнили вскорѣ 3-й баталіонъ; 11-я-же рота, въ 150 чел., получила приказаніе прикрывать мельницу армянина Ванеса въ теченіе всего лѣта.

Пока александропольскій отрядъ собирался, мы считаемъ нужнымъ сказать, что Англія и Франція, уже въ союзѣ съ Портою, направили свои силы къ сборному пункту—крѣпости Варяѣ. Анатолійская-же армія, разбитая Бебутовымъ въ

(*) Князь нашъ Бебутовъ, любимый,
Царской милостью почтенъ;
Корпусъ нашъ неустрашимый—
Коландирозъ награжденъ...

прошломъ году, снова формировалась. Абди-папа былъ замѣненъ Зефиръ-Мустафой пашею—человѣкомъ энергическимъ, настойчивымъ и распорядительнымъ. Помощниками ему были присланы англійскіе и французскіе офицеры, пользовавшіеся даже европейскою извѣстностію—какъ босвые люди. Анатолійскіе полки подъ ихъ руководствомъ обучались строю, снабжались ударными ружьями и дисциплинировались. Со всѣхъ концевъ Азіатской Турціи, даже изъ Туписа и Египта, стягивались османы подъ знамена своихъ предводителей. Турки, ободренные союзомъ съ европейскими государствами и желая смыть безславіе башъ-кадыклярской битвы, готовились къ упорной войнѣ. Въ концѣ апрѣля уже у нихъ 50 тысячъ солдатъ стояли въ окрестностяхъ Карса, 10 тысячъ около Баязета и 6 тыс. въ Ардаганѣ. Планъ турокъ въ кампанію 1854 года былъ слѣдующій: они должны были одновременно съ трехъ сторонъ начать дѣйствія: главными силами противъ важнаго нашего стратегическаго пункта—Александрополя, а отдѣльными отрядами на Эривань и Ахалцихъ, и въ случаѣ успѣха, предполагали соединенными силами двинуться къ Тифлису. Конечно, еслибъ имъ удалось осуществить планъ, то Грузія была-бы опустошена необузданными баши-бузуками и залита кровью (*). Планъ свой они держали въ тайнѣ, и распространяли ложный слухъ, что будутъ дѣйствовать на Ахалцихъ. Однако, вн. Бебутовымъ было предугадано ихъ намѣреніе, и онъ, вопреки мнѣнію многихъ, сосредоточилъ свои главныя силы около Александрополя, именно: 16½ бат., 26 эскадроновъ драгунъ, 21 сот. казаковъ, конный мусульманскій полкъ и 6 батарей артиллеріи.

Около двухъ мѣсяцевъ Бебутовъ простоялъ возлѣ Александрополя, обезпечивая свой отрядъ всѣмъ нужнымъ для предстоявшей кампаніи.

Между тѣмъ, его войска съ нетерпѣніемъ рвались впередъ; даже изъ Петербурга было прислано повелѣніе—открыть насту-

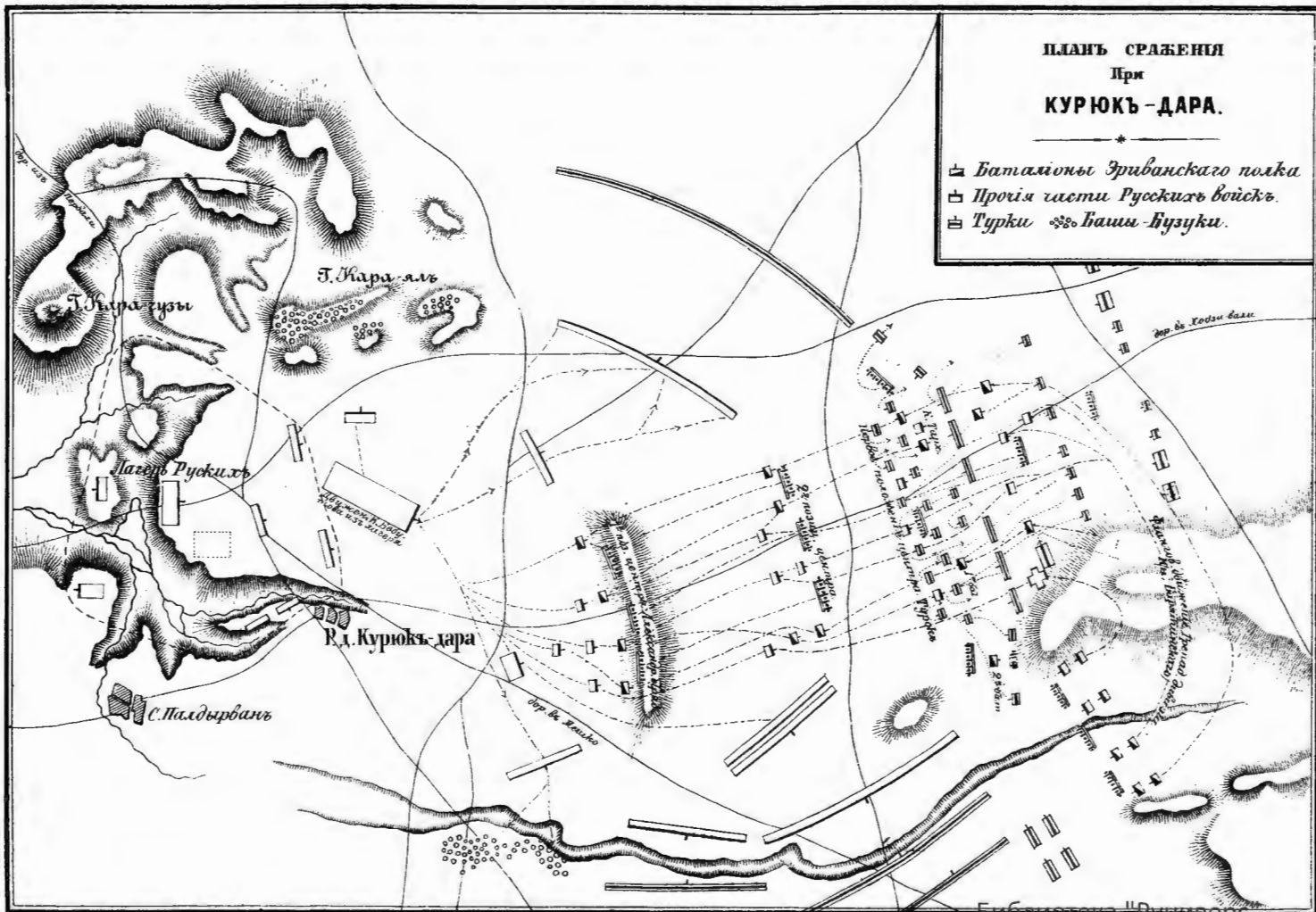
(*) После баяндурскаго дѣла курды, прорвавшись въ наши деревни, рѣзали не только безоружныхъ взрослыхъ, но даже и дѣтей.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

При

КУРЮКЪ-ДАРА.

- ▣ Баталіоны Эриванскаго полка
- ▣ Протія гвсти Русскихъ войскъ.
- ▣ Турки ☼ Наши Бузуки.

пательныя дѣйствія за Арпачай. Это повелѣніе было основано на томъ разсчетѣ, что въ это время наша дунайская армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича, приступила къ осадѣ Силистріи — одной изъ важнѣйшихъ крѣпостей Европейской Турціи; а потому это время, по мнѣнію нѣкоторыхъ, считалось самымъ удобнѣйшимъ для удара со стороны Азіи на Карсъ. Однако, условія, въ какія былъ поставленъ александропольскій отрядъ, не позволяли князю Бебутову перейти границу ранѣе половины іюня — онъ поджидалъ подножнаго корма, безъ котораго наша кавалерія не могла дѣйствовать въ странѣ, опустошенной самимъ непріятелемъ; тѣмъ болѣе, Бебутовъ зналъ, чрезъ вѣрныхъ лазутчиковъ (армянъ), что турецкая армія, рано выдвинутая Зефиръ-пашею къ сел. Хаджи-Вали, по дорогѣ къ Александрополю, была парализована: въ непріятельскомъ станѣ открылся голодъ, а въ особенности чувствовался недостатокъ въ фуражѣ, такъ что турки, не имѣя средствъ продовольствія, не въ состояніи были двигаться впередъ. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Зефиръ-паша, желая облегчить участь своей кавалеріи, выдвинулъ ее въ шурагельскій санджакъ, смежный съ александропольскимъ уѣздомъ. Бебутовъ, какъ только получилъ объ этомъ извѣстіе, тотчасъ приказалъ Багговуту со вторымъ баталіономъ эриванцевъ, пятью стами казаковъ, при 2-хъ орудіяхъ, двинуться за Арпачай и отбѣснить непріятели. Багговутъ съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе; онъ 13-го апрѣля, встрѣтивъ турокъ при деревнѣ Аргинъ, гналъ ихъ до деревни Мокусъ, и только сильная усталость нашего отряда заставила Багговута прекратить преслѣдованіе и возвратиться въ свои предѣлы. Такимъ образомъ 2-й бат. эриванцевъ первый изъ пѣхоты въ эту кампанію сдѣлалъ починокъ.

Наконецъ, желаніе всего отряда пришло къ концу: 15-го іюня, еще до восхода солнца, войска направились къ Арпачаю и переправившись въ бродъ недалеко отъ каменнаго карантинна, вступили на турецкую территорію. Хотя въ непроницае-

мой будущности былъ скрытъ исходъ кампаніи, но эриванцы наступали весело, съ увѣренностію на успѣхъ. На привалѣ около сел. Мешко было отслужено папутственное молебствіе и окроплены знамена, послѣ чего подъ звуки музыки полки прошли мимо своего полководца, радостно откликаясь на его привѣтъ.

Поздно вечеромъ отрядъ заночевалъ при сел. Мулла-муса, откуда на другой день продолжалъ наступленіе и остановился широкимъ лагеремъ неподалеку отъ селенія Кизиль-чахъ-чахъ, надъ р. Карсъ-чай. Здѣсь простояли цѣлую недѣлю.

24-го іюня отрядъ, снявшись съ лагеря, двумя колонами двинулся къ сел. Кюрюкъ-дара. Эриванцы въ колонѣ Кишинскаго шли у прикрытія обоза и въ виду непріятеля переправились съ обозомъ черезъ рѣчку Карсъ-чай, и продолжали слѣдованіе. Впрочемъ, турецкіе лихачи-наѣзники не замедлили вступить въ перестрѣлку, но наши войска, сохраняя строгій порядокъ и не обращая вниманія на наѣзниковъ, двигались впередъ. Когда-же турки желали пріостановить движеніе, то были отбрасываемы съ урономъ—молодечество ихъ на этотъ разъ тѣмъ и ограничивалось: въ болѣе серьезное дѣло они не рѣшались вступать. Трофеемъ этого дня достался секретарь Гассанъ-Яжиджи и походная канцелярія Мушира. Свѣдѣнія, почерпнутыя изъ захваченныхъ бумагъ, были трофеемъ весьма важнымъ—изъ нихъ кн. Бебутовъ узналъ о силѣ и средствахъ противника.

Лишь только умолкла перестрѣлка и эриванцы, слѣдовавшіе въ арріергардѣ, остановились на привалѣ, какъ дымчатая туча съ большимъ шумомъ заволокла небо. Раздались сильнѣйшіе громовые удары, хлынулъ ливень съ чудовищнымъ градомъ, величиною въ куриное яйцо, такъ что нѣкоторыя градины были вершка полтора въ діаметрѣ и падали съ такою силою, что разбивали бутылки. Кавказская бурка была незамѣнима въ этомъ случаѣ: офицеры, укрывшись съ головами, защищались отъ ушибовъ. Жутко приходилось

солдатамъ, но скоро ихъ изобрѣтательный умъ нашелся: нѣкоторые изъ нихъ накладывали на головы нѣсколько шинелей и поддерживали ихъ на прикладахъ, другіе-же клали на головы ранцы. Несчастныхъ случаевъ хотя не было, однако, нѣсколько человекъ получили значительные ушибы. Нельзя не замѣтить, что, спустя ровно мѣсяць, произошла кюрукъ-даринская битва и на этихъ самыхъ поляхъ разразилась другая гроза и сыпался другой градъ—только по-крупнѣе и по-чувствительнѣе перваго.

Отъ привала войска выдвинулись версты на двѣ впередъ и стали лагеремъ на занятой позиціи, въ виду непріятеля. Кругомъ нашего лагеря далеко растлалось поле, покрытое высокою травою и перерѣзанное глубокими балками и лощинами. Влѣво отъ лагеря возвышалась гора Караяль, командующая всею окрестностію; отъ горы, понижаясь, тянулся рядъ холмовъ, которые вмѣстѣ извѣстны подъ названіемъ возвышенности караяльской. Съ этихъ высотъ виднѣлся турецкій лагерь у сел. Хаджи-вали, въ 12 верстахъ отъ Огузлы, на большой карской дорогѣ.

Анатолійская армія, усиленная уже резервами, дѣятельно занялась укрѣпленіемъ своего лагеря—турки копали рвы, возводили бругомъ себя брустверы.

У пастъ, на вершинѣ Караяла, по приказанію кн. Бебутова, былъ построенъ небольшой редутъ, который ночью поочередно занимался частями пѣхоты. Не разъ эриванцамъ на этой горѣ приходилось проводить ночи въ залогѣ, и не разъ они, видя огоньки въ обширномъ непріятельскомъ лагерѣ, думали: «Придетъ время—и до тебя доберемся».

29-го іюня, въ день Петра и Павла, эриванцы весело и шумно праздновали свой полковой праздникъ; со всѣхъ полковъ были приглашены къ обѣду земляки-товарищи, но между ними почетное мѣсто занимали нижегородскіе драгуны, съ которыми подъ башъ-кадыкзаромъ имъ удалось отличиться

вмѣстѣ. Дѣло это было еще свѣжо въ памяти и о немъ-то велись оживленные разговоры за праздничнымъ обѣдомъ.

На другой день, около полудня, вся турецкая армія на-легкахъ потянулась къ горѣ Кара-куза, находившейся нѣсколь-ко впереди нашей позиціи. День былъ пасмурный—полился проливной дождь, кремневая ружья эриванцевъ замокли, слѣ-довательно, предстояло дѣйствовать штыками; эриванцы, надѣясь на свою мощную руку больше, чѣмъ на пули, не придали значенія тому обстоятельству, что порохъ на полкахъ ружей подмокъ—они съ веселыми пѣснями выдвинулись на позицію. Еще праздничное выраженіе не сошло съ ихъ лицъ, а воспо-минаніе о Башъ-кадыклярѣ разожгло желаніе снова вступить въ бой. Артиллерійскій огонь уже открылся, но дождь лилъ такъ сильно, какъ будто-бы желалъ разогнать или смыть враж-дующія арміи. Турки первые почли за лучшее отступить—вслѣдъ за ними и нашимъ войскамъ приказано возвратиться въ лагерь.

Неожиданная тревога 30 числа показала невыгодное, весьма сжатое положеніе нашего лагеря, а потому на слѣдую-щій день отрядъ подвинулся версты на три впередъ и распо-ложился въ 18 верстахъ отъ турецкаго лагеря, куда Муширъ все еще стягивалъ громадныя силы, чрезъ что, впрочемъ, осла-билъ фланги дѣйствующихъ войскъ на границѣ и подвергъ ихъ пораженію у Баязета и при Озургети.

Князь Бебутовъ зналъ, что паша принимаетъ дѣятельныя мѣры, чтобы противопоставить намъ сильную армію; также зналъ, что онъ въ своей хаджи-валійской позиціи почти не присту-пень, а потому искалъ случая сразиться на открытомъ полѣ. Паша, въ свою очередь, не смотря на численное свое прево-сходство, опасался атаковать русскихъ въ лагерьѣ. Такимъ об-разомъ, главнокомандующіе обѣихъ сторонъ находились въ ожи-даніи. Однако, къ концу іюля Зефиръ-паша, истощивъ всѣ средства продовольствовать свою большую армію, первый былъ поставленъ въ необходимость или отступить, или атако-вать русскихъ. По совѣту пашей—рѣшился на послѣднее.

Наканунѣ 24 іюля, эриванцы, по заведенному порядку, несли аванпостную службу—нѣкоторыя части смѣнялись съ пикетовъ, нѣкоторыя ходили на фуражировку,—многіе во время полуденнаго жара лежали подъ преподнятыми палатками, мѣля отъ ужаснаго зноя,—нѣкоторые-же спали, готовясь въ ночные. Вечеромъ, когда спала жара, зашѣли пѣсенники, какъ и всегда, противъ фельдфебельскихъ палатокъ, на линейкахъ. Офицеры собрались въ кружки поговорить и сообщить новости, слышанныя въ теченіе дня; но вскорѣ ихъ вниманіе было обращено на западъ, гдѣ раскаленное дневнымъ зноемъ солнце, потухая на горизонтѣ и какимъ-то пурпурово-краснымъ цвѣтомъ облило облака запада. Эта величественная картина природы вызвала замѣчаніе—кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что это облако есть предзнаменованіе скорого сраженія. Такія, повидимому, простыя слова на капитана Кавторадзе, тутъ-же стоявшаго, особенно неприятно подѣйствовали: онъ, какъ будто уязвленный, отошелъ прочь—то было предчувствіе смерти: на другой день онъ былъ убитъ. Въ лагерѣ эриванцевъ все шло до полуночи обыкновеннымъ чередомъ. Около 12 часовъ ночи изъ одного офицерскаго кружка, гдѣ бранили перѣшительность турокъ, былъ потребованъ полковой адъютантъ, поручикъ Мепдѣлеевъ, къ командиру полка, а вскорѣ были собраны къ адъютанту фельдфебеля за приказаніемъ. Проворство, съ которымъ фельдфебеля возвращались къ палаткамъ ротныхъ командировъ, ясно показывало, что они шли съ важнымъ и радостнымъ извѣстіемъ; въ силу этого приказанія весь лагерь поднялся на ноги, стали снимать палатки и отвозить вмѣстѣ съ тяжестями въ вагенбургъ, устроенный верстахъ въ двухъ сзади лагеря.

Ночь стояла тихая—туманная луна слабо освѣщала нѣсколько тысячъ человекъ, быстро суетившихся подъ открытымъ небомъ для какого-то предпріятія; на загорѣлыхъ лицахъ видна была таинственность и какъ-бы предчувствіе приближенія желаннаго боя.

Причиною этой суеты были два армянина изъ Огузлы, давшіе знать князю Бебутову, что турки отправили тяжести къ Карсу и собираются ночью что-то предпринять. Поэтому извѣстію кн. Бебутовъ рѣшился или предупредить непріятеля въ полѣ, если онъ намѣренъ атаковать, или идти по прямой дорогѣ къ Карсу, черезъ Мешко, и ударить ему во флангъ, если онъ отступаетъ. Слѣдствіемъ этого рѣшенія у насъ были придвинуты аванпосты, снято прикрытіе съ караяльскаго реду-та и поднятъ отрядъ на ноги.

За нѣсколько часовъ до разсвѣта, наши колонны (*) вытянулись по направленію большой карской дороги. За Юзлевскимъ полкомъ, въ первомъ эшалонѣ, подъ командою генерала Кишинскаго, сталъ Эриванскій полкъ двумя боевыми колоннами: въ правой находились 3-й и двѣ роты 4-го баталіона, а въ лѣвой 2-й и 1-й баталіоны. Войска двигались тихо, шагъ за шагомъ; наконецъ, поднявшись на одно возвышеніе, увидѣли въ непріятельскомъ лагерѣ безчисленный рядъ огней. Скоро начало свѣтать. Съ первыми проблесками утра на брошенномъ Караялѣ замѣтили турокъ.

Лишь только князь Бебутовъ съ начальникомъ штаба кавказскаго корпуса, кн. Барятинскимъ, выѣхали на одну возвышенность, чтобъ осмотрѣть мѣстность, вдругъ передъ ними открылась турецкая армія, выстроенная въ три линіи: она медленно наступала на нашъ лагерь. Отрядъ Бебутова очутился на флангѣ непріятеля—стало повернуть направо, чтобъ ударить во флангъ всѣмъ тремъ турецкимъ линіямъ: такъ думали многіе, но Бебутовъ рѣшился дѣйствовать иначе. Онъ совсѣмъ отрядомъ, отойдя нѣсколько назадъ, сталъ строить свой фронтъ противъ турецкаго, — эриванцы бѣглымъ шагомъ двинулись къ указанному пункту, все засуетилось—адъютанты и начальники отъ одного баталіона скакали къ другому, походныя колонны двигались вправо, влѣво и, наконецъ, стали выстраиваться въ

(*) Отрядъ построился такъ: въ авангардѣ 1 бат. и 6 сот. казачьихъ, за нимъ въ

боевой порядокъ. Пока противныя стороны готовились къ сраженію, заря какъ-то особенно пышно занималась въ это утро на востокъ; потомъ, въ 5-мъ часу, первые лучи солнца облили золотымъ покровомъ всю природу; наступилъ день тихій и ясный—день кюрюкъ-даринской битвы, рѣшившій судьбу многихъ людей.

Мѣстность, на которой готовились принять сраженіе, была довольно ровная: влѣво отъ насъ находилась высокая гора Караяль, отъ которой тянется вправо дугою ложбина шприную версты въ три и болѣе (см. планъ); на всемъ боевомъ полѣ не было ни одного куста и никакого жилья: ни для насъ, ни для турокъ—несуществовало опорныхъ пунктовъ, кромѣ горы Караяль, на которой, по крутости склоновъ, можно было только стоять, но не маневрировать.

Въ виду сильнаго противника нашъ корпусъ занялъ позицію по сѣверной окраинѣ ложбины въ одну линію, но и она должна была по необходимости растянуться, такъ какъ турецкая армія, все еще располагаясь по южной окраинѣ той-же ложбины, выставила большое число баталіоновъ въ правую линію, которая заняла протяженіе гораздо длиннѣе нашего фронта. Такимъ образомъ, 60-тысячная масса турецкихъ войскъ, при 80 оруд., составила наружную дугу, параллельно которой Бебутовъ противопоставилъ свой 18-тысячный отрядъ, при 56 орудіяхъ (эриванцевъ было 3066 человекъ).

Эриванцы выстроились въ центрѣ, въ первой линіи: на правомъ флангѣ сталъ 1-й бат., лѣвѣе его 2-й, 3-й и двѣ роты 4-го баталіона; въ интервалѣ между баталіонами расположились три батареи, сзади эриванцевъ построился Грузинскій гренадерскій полкъ.

Эти 7 баталіоновъ гренадерской бригады и 3 батареи составили нашъ центръ, остальные затѣмъ войска расположились на правомъ и лѣвомъ крылѣ нашей позиціи; наконецъ, въ резервѣ, съ фербантомъ и запаснымъ паркомъ, остались только двѣ роты Ряжскаго полка.

Сначала князь Бебутовъ поручилъ помощнику своему, генералъ-адъютанту князю Барятинскому, двинуть Бѣлевскій полкъ и стрѣлковый баталіонъ съ легкою батареею для атаки праваго непріятельскаго фланга, занимавшаго Караялъ; сверхъ того, генералу Багговуту приказано съ драгунскими полками— Нижегородскимъ, Тверскимъ и 6-ю стами казаковъ, съ одною батареею—удержать туроу вдали, пока невыстроится наша пѣхота лѣваго фланга.

Дѣло открылъ Тверской драгунскій полкъ удачною атакой, но былъ отбитъ и отброшенъ, хотя захватилъ 4 непріятельскихъ орудія; вслѣдъ затѣмъ драгуны до тѣхъ поръ повторяли молодецкія атаки, пока не сломили правый флангъ непріятеля. На этомъ полѣ сраженія драгуны покрыли себя безсмертною славою и показали, что наша регулярная кавалерія несравненно лучше турецкой, не смотря, что этотъ народъ искони отличался наѣздничествомъ.

Какъ только началось дѣло, князь Бебутовъ рѣшился прорвать дружнымъ натискомъ турецкій центръ; для этого рѣшительнаго удара, какъ мы упомянули, онъ назначилъ гренадерскую бригаду, какъ «самыя опытныя войска», и поручилъ ее князю Барятинскому. Задача предстояла трудная: турецкіе начальники съ первой минуты боя поняли, что при большомъ растяженіи фронта, центръ его долженъ быть непоколебимъ; на этомъ основаніи, кромѣ двухъ линій пѣхоты, составляющихъ центръ, они поставили еще третью, какъ общій резервъ,—всего у нихъ было въ центрѣ 24 батал. лучшей, отборной пѣхоты, сверхъ того, въ интервалахъ между пѣхотою были расположены 3 сильныя батареи, изъ которыхъ лѣвая состояла изъ 18-ти орудій,—наконецъ, за пѣхотою въ нѣсколько линій стояла кавалерія. На этомъ полѣ сраженія они были сильнѣ насъ вчетверо, но «считаться числомъ русскимъ неприходилось», а надо было полагаться на Бога, твердость и удалъ русскаго солдата.

Въ 5 1/2 часовъ эриванцы и грузинцы были двинуты впередъ.

Съ перваго шага непріятель встрѣтилъ наши войска ядрами и гранатами, далеко недоносившимися. Войдя въ свѣру огня, бригада въ 450 саж. отъ противника была остановлена. Съ обѣихъ сторонъ началась канонада. На этой позиціи еще турки открыли съ двухъ боковыхъ батарей продольный огонь и стали беспокоить 1-й и 2-й батал. эриванцевъ; при этомъ раненъ въ ногу бригадный командиръ генераль Кишинскій, который, скрывъ, однакожь, рану, оставался передъ рядами эриванцевъ; въ это-же время при немъ убитъ былъ одною изъ первыхъ пуль его ординарецъ, подпоручикъ Эриванскаго полка Гессе.

Послѣ получасовой канонады, кн. Барятинскій, двинувъ центръ въ этотъ рѣшительный моментъ, сказалъ: «съ Богомъ, эриванцы! Вотъ вамъ случай порадовать вашего шефа». Эриванцы, взявъ ружья на руку и надвинувъ косматыя свои папахи до бровей, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, стали стройно подвигаться впередъ. Все, что было у турокъ въ центрѣ и примыкавшихъ къ нему крыльяхъ—орудій и штуцеровъ, оставя всякое другое дѣло, обратилось на наступающую бригаду. Страшные, оглушительные залпы, заколебали воздухъ; казалось, сама земля вздрагивала отъ грома орудій, но эриванцы, молча, пробирались подъ настоящей тучей чугуна и свинца. 1-й баталіонъ шелъ «рѣзвымъ шагомъ», немного впереди, и болѣе всѣхъ пострадалъ. Въ это время были ранены: баталіонный командиръ маіоръ Бучкѣвъ, командиръ шефской роты штабсъ-капитанъ Антоневичъ, командующій знаменною ротою поручикъ кн. Половандовъ, который наступалъ бѣглымъ шагомъ впереди роты,—поручикъ Пржевалинскій (чрезъ три дня умеръ), поручикъ Калиповскій 2-й хотя былъ раненъ, но изъ фронта не выходилъ, пока вторично не получилъ контузіи ядромъ; поручикъ Кимбаръ и баталіонный адъютантъ—подпоручикъ Фовъ-дери-Нопне. Въ знаменной ротѣ особенно много было убитыхъ и раненыхъ, но баталіонъ, ни сколько не останавливаясь, продолжалъ наступленіе подъ командою маіора Кобіева. Стройность и рѣшительность этой атаки отозвалась въ рядахъ

неприятеля—они сбѣжали къ подошвѣ горы и залегли за ней, чтобы встрѣтить насъ батальнымъ огнемъ. Въ 250 саженьяхъ нашъ центръ опять остановился, батареи снялись съ передковъ; мѣсто, выбранное на полугорѣ опытнымъ глазомъ генерала Бриммера, сохранило наши войска: большая часть турецкихъ снарядовъ и пуль переносились чрезъ головы, между тѣмъ наши рвали ряды ихъ. Въ этотъ моментъ драгуны опрокинули правый флангъ неприятеля; получивъ объ этомъ донесеніе, кн. Барятинскій двинулъ свой центръ на проломъ—огонь неприятельскій сдѣлался такъ частъ, что казалось, небыло мѣста на землѣ, неизрытаго снарядами. Баталіонное знамя 2-го баталіона гранатою подбросило на нѣсколько сажень вверхъ, но изломанное и прострѣленное, было схвачено баталіоннымъ адъютантомъ Шольцомъ, который замѣнилъ раненаго знаменщика.

Подойдя на 70 сажень, наши батареи остановились и пустили картечью по неприятелю, который въ свою очередь осыпалъ насъ смертельнымъ огнемъ; и вдругъ вся масса пѣхоты съ гикомъ, огласившимъ поле, бросилась къ нашимъ орудіямъ. Еще одинъ нашъ залпъ картечью—и Кишинскій, истекая кровью, крикнулъ ура: карабинеры-эриванцы бросились на отборные аравійскіе полки; бой закипѣлъ страшный—долго напрягали силы эриванцы, чтобы сломить аравійцевъ, извѣстныхъ своею храбростію. Дѣйствительно, они дрались отчаянно, и представляли такую непроницаемую и сплошную стѣну штыковъ, что сомнѣніе на успѣхъ нашъ могло закрасться въ душу каждаго.

Прежде всѣхъ 1-й батал. эриванцевъ скрестилъ штыки съ аравійскимъ полкомъ и сразу отбросилъ его назадъ. При этомъ наши офицеры, показывая примѣръ самоотверженія, находились впереди. Прапорщикъ Натіевъ изрубилъ нѣсколько челоуѣкъ, юнкеръ Бучкѣевъ первый воткнулъ штыкъ въ турецкаго солдата (*).

(*) Тифл. арх. Рапортъ полковника Моллера, отъ 31 Іюля, № 1264. Дѣло за № 43.

Въ помощь опрокинутому турецкому полку спѣшили съ фронта и фланговъ новые непріятельскіе баталіоны. Тогда ген. Кишинскій приказалъ 1-му баталіону грузинцевъ двинуться вправо, а 2-му батал. того-же полка влѣво на наступающаго врага. Между тѣмъ, 1-й баталіонъ эриванцевъ, не давая опрокинутому противнику опомниться, вмѣстѣ съ нимъ ворвался во 2-ю линію, и при первомъ столкновеніи обратилъ свѣжаго непріятеля въ бѣгство; такимъ образомъ, 1-й баталіонъ прорѣзалъ обѣ линіи. Одновременно съ этимъ, другой аравійскій полкъ съ примѣрною отвагою бросился на 2-й бат. грузинцевъ, выдвинутый къ горѣ, и «въ первыя минуты откинулъ его слишкомъ превосходными силами къ нашимъ батареямъ» (*). Въ этотъ опасный моментъ боя у насъ оставались неразстроенными только 3-й баталіонъ эриванцевъ и 3-й баталіонъ грузинцевъ, подъ общемою командою князя Тарханова, наступавшаго въ ногу, подъ звуки марша двухъ хоровъ полковой музыки, держа ружья подъ прикладъ. Князь Тархановъ свидѣтельствуеетъ, что музыка производила на солдатъ моральное дѣйствіе: она возбуждала и горячила кровь къ бою, баталіонъ шелъ какъ на парадѣ, сохраняя стройность, твердый и смѣлый шагъ; разумѣется такое движеніе наводило на ряды противника страхъ. Маршъ, подъ который наступалъ баталіонъ, извѣстенъ въ полку подъ названіемъ курюкдаринскаго и играется полков. музыкантами при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ въ память знаменитой атаки 3-го баталіона. Князь Барятинскій, замѣтивъ смѣлое и стройное движеніе, подѣхалъ къ 3-му баталіону эриванцевъ и сказалъ: «славно, ребята!» Затѣмъ онъ, указавъ рукою на страшную рѣзню, приказалъ князю Тарханову двинуться съ своимъ баталіономъ и 3-мъ баталіономъ грузинцевъ на правый флангъ центра противника. Князь Тархановъ смѣло выдвинулъ свой баталіонъ лѣвымъ плечомъ и подойдя на 10 шаговъ къ противнику, сильно бросился на ура: рукопашный бой былъ жес-

(*) Тифл. арх. Рапортъ князя Бебутова генер. Ряду, отъ 19-го августа, 1854 г., № 1546. Дѣло за № 43.

токій. Карабинеры, ободренные присутствіемъ князя Барятинскаго и его «величественною смѣлостію», какъ тигры бросились на турокъ и въ одинъ мигъ прорѣзали непріятельскіе полки на двѣ части, оставивъ одну у себя въ тылу, которую принялъ затѣмъ въ штыки 3-й баталіонъ грузинцевъ. Однако лихая атака эта не-дешево обоилась 3-му баталіону эриванцевъ: въ пылу боя палъ убитымъ герой многихъ побѣдъ, маіоръ князь Шаликовъ; ранены: поручикъ Антоновъ, подпоручикъ Штоквичъ и прапорщикъ Свѣчинъ и тяжело кантуженъ герой кадьярской битвы, штабсъ-капитанъ Кантуровъ, но онъ не оставлялъ 9-й роты; князь Тархановъ шашкою изрубилъ полкового знаменщика аравійскаго полка и передалъ отбитое знамя унтеръ-офицеру Ивлеву, который изъ подживота лошади князя Тарханова закололъ штыкомъ турка, прицѣливавшагося въ-упоръ въ князя. Вслѣдъ затѣмъ князь Тархановъ, перемѣнивъ двухъ убитыхъ подъ нимъ лошадей, пренебрегая опасностію, приказалъ баталіону употребить всевозможныя усилія, чтобъ зайти сколько нибудь правымъ плечомъ.

Этотъ замѣчательный маневръ опытнаго князя Тарханова увѣнчался желаннымъ успѣхомъ: 3-й баталіонъ, завернувъ плечемъ, незамѣтнымъ образомъ началъ тѣснить непріятеля по линіи (*).

Въ описываемомъ случаѣ баталіонъ оказалъ чудеса храбрости—онъ не позволялъ ни одному турецкому баталіону состязаться долго и какъ-бы однимъ ударомъ отбрасывалъ противника назадъ, причемъ поручикъ князь Святополкъ-Мирскій шелъ впереди знаменной роты и личнымъ примѣромъ воодушевлялъ людей. Во все время атаки 3-й баталіонъ выпустилъ не болѣе 36 патроновъ—все работалъ штыкомъ. Въ тотъ же моментъ, съ другой стороны, маіоръ Кобіевъ съ двумя ротами 1-го баталіона ударилъ на турокъ, сражавшихся со 2

(*) Тифл. арх. Донесеніе генер. Бриммера, отъ 31-го Іюля, 1854 года, № 869.

баталіономъ грузинцевъ, которые, уступивъ только физической силѣ, опять врѣзались въ напирющую на нихъ массу. Аравійцы, обойденные и пораженные съ фланговъ эриванцами и удерживаемые съ фронта грузинцами, были, наконецъ, сбиты въ безпорядочную толпу. Тутъ многіе изъ нихъ легли на мѣстѣ, многіе взяты въ плѣнъ, а остальные, потерявъ строй, обращены въ совершенное бѣгство.

Между тѣмъ, какъ фронтъ нашъ, обрызганный кровью, въ буквальномъ смыслѣ слова, рѣзался въ центрѣ непріятеля, двѣ роты 4-го баталіона, подъ командою маіора Охлѣбниппа, съ самаго начала боя удерживали турокъ слѣва.

Одновременно съ дѣйствіями упомянутыхъ баталіоновъ введенъ въ дѣло и 2-й баталіонъ такимъ образомъ: генераль Кишинскій, замѣтивъ, что турки желаютъ обойти нашъ центръ съ праваго фланга, послалъ чрезъ поручика Ульянова приказаніе маіору Врангелю выдвинуться противъ нихъ 2-му баталіону эриванцевъ. Врангель лишь только получилъ приказаніе, тотчасъ баталіонъ отдѣлился немного отъ полка въ полуоборотъ направо и сталъ наступать, вдругъ онъ замѣтилъ скачущій противъ него дивизіонъ кавалеріи—то были непріятельскіе уланы; Врангель принялъ ихъ сначала за нашихъ драгунъ, но скоро красныя фески, обрисовавшіяся на головахъ, объяснили ошибку. Хладнокровный Врангель, построилъ баталіонъ въ каре—оно стало съ мертвою тишиною: ни одного звука, ни одного слова не вылетѣло изъ рядовъ его.

Запальчивые кавалеристы, спустивъ пики, стремительно, съ громкими возгласами бросились въ атаку. Эриванцы оцѣтинились, и встрѣтивъ уланъ-пикинеровъ близкимъ залпомъ, заставили отскочить съ большимъ урономъ; за кавалерією вынеслись на близкое разстояніе четыре конныхъ орудія и дали убійственный залпъ: картечь съ визгомъ и шипѣніемъ пронеслась по баталіону—ряды закачались. Въ числѣ убитыхъ палъ кап. Кавторадзе 1-й, такъ неустрашимо взошедшій на кадыклярскую батарею и накануне предчувствовавшій смерть. Меж-

ду тѣмъ, маіоръ Врангель, на-скоро перестроивъ свой баталіонъ въ колону, пошелъ на штыки и заставилъ артиллерію сняться съ позиціи; но въ это время уланы съ неистовымъ ожесточеніемъ повторили атаку. Врангель, не имѣя времени снова перестроить баталіонъ въ каре, вынужденъ былъ принять кавалерійскую атаку въ колонѣ. Непрiятель живо обскакалъ баталіонъ, но задніе ряды повернулись кругомъ и наступая встрѣтили въ штыки отчаянныхъ кавалеристовъ. Сколько нистарались уланы опрокинуть храбрыхъ эриванцевъ—ничего не могли сдѣлать; тогда они, рассыпавшись по полю, стали добивать раненыхъ. Вслѣдъ за второй кавалерійской атакой дивизионъ артиллеріи снова подскакалъ на ближнюю дистанцію и открылъ картечный огонь. Полилась кровь, но живые, желая искупить смерть своихъ товарищей, бросились бѣгомъ къ орудіямъ. Однако, вынуждены были оставить погоню за орудіями, ибо два баталіона турецкой пѣхоты, одновременно показавшіеся съ уланами, выдвинулись впередъ, по ложбинѣ, выходящей намъ въ тылъ. Отважный Врангель, устремился на пѣхоту: надлежало идти на фронтъ одного баталіона подъ сильнымъ фланговымъ огнемъ другого. Но попавшись съ баталіономъ въ середину турецкихъ войскъ, Врангель и весь баталіонъ рѣшились драться до послѣдняго человѣка. Лишь только Врангель повернулъ своихъ ратныхъ товарищей, какъ турки открыли батальный огонь; густые клубы дыма, распухая, затагнули ихъ ряды, а пули, неся съ шипѣніемъ смерть, еще разъ пронеслись по баталіону; по гибельный огонь не остановилъ, а только озлобилъ эриванцевъ. Грянуло завѣтное, дружное ура, и баталіонъ бѣгомъ, предводимый офицерами, бросился на противника. Выстрѣлы смолкли. Воодушевленіе карабинеръ возросло до высшей степени. Штабсъ-капитанъ Кавторадзе 2-й, только-что потерявшій брата, былъ впереди знаменной роты. Офицеры всѣ вообще, закопченные дымомъ, съ рѣдкимъ мужествомъ бросались на непріятеля. Турецкая пѣхота не выдержала этой отчаянной атаки и стала поспѣшно

отступать, тѣмъ болѣе, что центръ ихъ арміи въ данную минуту уже былъ окончательно сломленъ и отступилъ. Уланы же еще дѣлали нѣсколько атакъ, но все слабѣе и слабѣе, такъ что одну изъ послѣднихъ атакъ удержали застрѣльщики.

2-й баталіонъ, разбиваемый желѣзными снарядами съ фронта и охваченный съ боковъ и тылу противникомъ, втрое сильнѣйшимъ, мужественно оборонялся болѣе чѣмъ полтара часа и не далъ туркамъ зайти въ тылъ нашему центру, чѣмъ много способствовалъ къ выигрышу дѣла. Опасное и отчаянное положеніе 2-го баталіона обратило вниманіе кн. Барятинскаго, такъ что онъ прискакалъ на этотъ пунктъ, и эриванцы встрѣтили своего вождя радостными криками побѣды. Естественно, такія кровавыя сцены не-дешево стоили 2-му баталіону: младшій штабъ-офицеръ, маіоръ Рукевичъ, раненъ въ голову, капит. Кавторадзе, какъ сказано выше, убитъ,—поручику Соколовскому оторвало ногу, прапорщики: Филатовъ—убить, Антоповъ 2-й—раненъ въ ногу, а Микеладзе—въ голову. Въ особенности пострадали знаменная и 6-я роты. Въ 9-ть часовъ утра центръ непріятельскихъ силъ на всѣхъ пунктахъ сломанъ, и ординарцы князя Бебутова развезли эту радостную вѣсть по всей боевой линіи.

Лѣвое непріятельское крыло, равнявшееся всему нашему отряду, стояло еще въ грозномъ порядкѣ. Для дѣйствія противъ лѣваго крыла князь Барятинскій, собравъ эриванцевъ и грузинцевъ, все еще горячо преслѣдовавшихъ непріятельскій центръ, и построилъ ихъ въ двѣ линіи: эриванцы стали слѣва, а грузинцы справа—въ колонны; послѣ чего князь Барятинскій сталъ искусно подаваться вправо и поставилъ гренадерскую бригаду на прямомъ сообщеніи лѣваго непріятельскаго крыла съ остальными войсками и лагеремъ.

Этотъ вполне удачный маневръ поколебалъ лѣвый флангъ непріятеля. Ихъ кавалерія, увидя у себя въ тылу колону князя Барятинскаго, стала пробиваться подъ нашимъ артиллерій-

скимъ и батальнымъ огнемъ; причемъ 3-й баталіонъ, построивъ каре по приказанію князя Барятинскаго, и принявъ его въ середину, сдѣлалъ нѣсколько залповъ. Вскорѣ весь флангъ ихъ отдѣльными толпами бросился въ разсыпную.

Въ 1-мъ часу только прекратилось преслѣдованіе. Войскамъ на всѣхъ пунктахъ данъ былъ привалъ, хотя мѣсто было совершенно безводное. Эриванцы и нижегородскіе драгуны, первые выдвинувшись на линію привала, поздравляли взаимно другъ друга съ успѣхомъ и горячо обнимались — какъ главные бойцы столь славной побѣды. До непріятельскаго лагеря еще оставалось не менѣе 10 верстъ, а люди и лошади изнемогали отъ усталости — поэтому князь Бебутовъ рѣшился остановить преслѣдованіе. Къ тому-же, надо было убрать около двухъ тысячъ раненыхъ и собрать въ одно мѣсто большое число плѣнныхъ. Между тѣмъ, турки бѣжали къ Карсу, такъ что охотники наши заняли въ тотъ-же день остатокъ непріятельскаго лагеря, который такъ величественно и грозно разстилался передъ нашими войсками цѣлый мѣсяць.

Послѣ кратковременнаго отдыха, эриванцы, не смотря на утомленіе кровавымъ боемъ, бессонницы и зной, съ свойственною русскому солдату бодростію, подъ звуки полковой музыки и веселой пѣсни, возвратились на прежнюю позицію въ лагерь. Фербантъ оставался на мѣстѣ до 6 часовъ вечера, пока не прекратилась окончательная перевязка послѣднихъ раненыхъ.

Вся наша потеря въ этотъ достопамятный день битвы заключалась въ 3054 чел.: въ томъ числѣ эриванцевъ убито 88 чел., ранено 433 чел. и контужено 67 чел., всего 588 чел. Пятая часть общей убыли (*). Болѣе другихъ пострадалъ 2-й баталіонъ; знамя 1-го баталіона пробито ядромъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ картечью, а во 2-мъ баталіонѣ пробито въ трехъ мѣстахъ картечью и древко перебито на четыре куска осколкомъ гранаты.

Приказъ по полку, отъ 6-го августа, 1854 года, № 218.

Уропъ непріятеля значительно превосходилъ нашъ: одними убитыми насчитано 2,232 челов., взято въ плѣнъ 2,018 челов., изъ коихъ 86 офицеровъ,—а также отбито у нихъ 15 орудій съ 16-ю зарядными ящиками, 2 знамени и 29 значковъ; трофей эриванскаго полка: шелковос бѣло-краснос знамя—отбито кн. Тархановымъ и передано фельдфебелю роты его высочества Кузъмъ Ивлеву; зеленый шелковый значокъ съ изображеніемъ луны и звѣзды—отбитъ рядовымъ 1-го баталіона Игнатомъ Вишневымъ; бѣлый значекъ съ луною—отбитъ рядовымъ Никитою Колесниковымъ; лиловый значекъ съ звѣздою—взялъ въ рукопашномъ бою рядовой 3-го баталіона Провофій Сайловъ.

Покойный государь Николай Павловичъ, обрадованный подвигами кюрюкъ-даринскихъ героевъ, сказалъ на прощанье курьеру Александровскому слѣдующія слова:

«Кланяйся отъ меня всѣмъ товарищамъ и скажи, что я очень доволенъ ихъ отличною службою и благодарю ихъ, также и Бебутова» (*).

Конечно, въ войнѣ 1853 и 1854 годовъ самыми свѣтлыми страницами у насъ будутъ дѣйствія на азіатской границѣ. Кавказскія войска въ кюрюкъ-дарскомъ дѣлѣ своими богатырскими подвигами удивили покойнаго императора. Вся Россія радовалась и восхищалась своими молодцами, дравшимися такъ далеко отъ родины и стяжавшими похвалу всей Европы.

Эриванцы ликовали побѣду и писали письма во всѣ концы обширнаго нашего государства, извѣщая близкихъ къ сердцу о совершенныхъ подвигахъ и наградахъ, которыми покойный государь Николай Павловичъ и августѣйшій шефъ наследникъ, нынѣ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ, такъ милостиво и щедро наградили полкъ.

(*) Приказъ по бригадѣ, 16-го сентября, 1854 г., № 36. Лагерь при дер. Ахъ-булахъ.

Полк. арх. Приказы съ 8-го октября, 1854 г., № 280.

Полковой командиръ, полковникъ Моллеръ, командиръ 3-го баталіона, полковникъ князь Тарханъ-Моуравовъ, и командиры ротъ—поручикъ Святополкъ-Мирскій и штабсъ-капитанъ Кавторадзе 2-й—всемилоствѣйше пожалованы кавалерами св. Георгія 4-й ст.; капит. Кабенинъ и штабсъ-капитанъ Мендѣлеевъ награждены орденами св. Анны 2-й ст., а капитанъ Чекалинъ и штабсъ-капитанъ Калиновскій 1-й удостоились получить орденъ св. Владимира 4-й ст.,—61 офицеръ, 4 фельдфебеля и 51 юнкеръ награждены чинами, 6 офицеровъ орденами св. Анны 3-й ст. и 4-й ст. и 149 нижнихъ чиновъ—знаками отличія. Сверхъ того, одну изъ отбитыхъ тамбуръ-мажорскихъ тростей государь императоръ приказалъ оставить въ полку въ память кюрюкъ-дарской битвы.

Наконецъ, 3 и 4-му баталіонамъ даны георгіевскія знамена (*). И такъ, святыня полка во всѣхъ баталіонахъ украсилась изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца и надписью: «Башъ-кадыкларъ» на знаменахъ (1-го и 2-го батал.). Эти новые лучи славы, перейдя къ самому отдаленному потомству, всегда будутъ свидѣтельствовать о геройскихъ подвигахъ, совершонныхъ эриванцами въ этихъ битвахъ.

Самое строгое безпристрастіе и справедливость возлагаютъ на меня обязанность сказать, что въ дѣйствіяхъ при Башъ-кадыкларѣ и Кюрюкъ-дара эриванцы дѣйствительно стяжали пальму первенства въ рядахъ храброй кавказской арміи. Но за-то и милости для нихъ были велики. Полкъ въ свою двухсотъ-лѣтнюю боевую исторію можетъ внести слѣдующія незабвенныя слова обожаемаго шефа, высказанныя эриванцамъ съ такою любовью въ письмѣ къ князю Барятинскому (**):

Скажи храброму полку моему, что я болѣе чѣмъ когда-то горжусь носить мундиръ ихъ—они покрыли его новою славою;

(*) 3 и 4-му баталіонамъ пожалованы знамена съ надписью «за отличія, оказанныя въ войну въ 1854 и 1855 г.», а 1 и 2-му батал. такое-же добавленіе къ прежнимъ надписямъ. Высочайшій приказъ последовалъ объ этомъ только 30 августа, 1856 г.

(**) Письмо кн. Барятинскаго пол. Моллеру, отъ 3 сентября, 1854 года. Тифл. арх.

все что Александровскій () рассказывалъ о нихъ, тронуло меня до слезъ. Повторяю еще: скажи имъ, что шефъ ихъ ими гордится».*

Что можетъ быть для полка лестнѣе и дороже такого отзыва.

Какая могучая сила должна была находиться въ сердцахъ тѣхъ, которые заслужили такой отзывъ, и какъ мы свято теперь должны чтить имена башъ-кадыклярскихъ и кюрукъ-дарскихъ бойцовъ, запечатлѣвшихъ своею кровью эти знаменитыя битвы и доставившихъ полку такъ много славы, выше которой еще стоятъ слова нынѣшняго Монарха: «*Я горжусь носить мундиръ ихъ.*» Сверхъ того, августѣйшій шефъ удостоилъ еще полкъ слѣдующимъ рескриптомъ на имя командира полка (**):

«Эдуардъ Антоновичъ.

Усматривая изъ денесенія о новой блистательной побѣдѣ, одержанной 24-го прошлаго іюля російскими войсками подъ предводительствомъ генералъ-лейтенанта кн. Бебутова, надъ 60-тысячнымъ турецкимъ корпусомъ при сел. Кюрукъ-дара, что командуемый вами Эриванскій карабинерный имени Моего полкъ принималъ славное участіе въ семъ событіи и что вы лично поименованы въ числѣ лицъ, наиболѣе отличившихся и содѣйствовавшихъ къ одержанію побѣды—мнѣ особенно пріятно выразить мое удовольствіе, которое поручаю вамъ передать и всѣмъ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ храбраго полка Моего.

Вмѣстѣ съ тѣмъ препровождаю къ вамъ три тысячи р. с. для вспомошествованія отъ имени моего какъ раненымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, такъ и семействамъ убитыхъ, съ тѣмъ, чтобы вы донесли Мнѣ, кому именно и сколько, по усмотрѣнію вашему, будетъ роздано.

Кромѣ того, препровождаю у сего сто р. с., жалуемые Мною въ награжденіе фельдфебелю роты Моей Кузьмѣ Ивлеву,

(*) Флигель-адъютантъ майоръ Александровскій.

(**) Приказъ по полку, № 242, августа 30 дня, 1854 г. Лагерь Ахъ-булакъ.

отбившему у непріятели знамя въ вышеозначенномъ сраженіи. Пребываю къ вамъ (на подлинномъ собственноручно подписано) искренно благосклонный АЛЕКСАНДРЪ. 9-го августа, 1854 г. Въ Петербургѣ.»

Теперь, въ заключеніе главы, остается сказать, что Эриванскій полкъ, числясь въ рядахъ александропольскаго отряда, 5-го августа оставилъ свою знаменитую кюрюкъ-дарскую позицію и перешелъ вмѣстѣ съ отрядомъ къ сел. Ахъ-узюму, расположенному въ мѣстности открытой и подверженной вѣтрамъ. Отсюда 15-го августа войска двинулись къ дер. Ахъ-булаху, куда и прибыли послѣ четырехъ-дневнаго марша.

Турки, укрывшись подъ стѣны Карса, не смѣли больше и думать объ открытой борьбѣ, а только издали съ какимъ-то страхомъ слѣдили за нашимъ движеніемъ и думали—вотъ-вотъ нагрянутъ невѣрные на Карсъ, стѣны котораго только и могли служить имъ убѣжищемъ и защитой.

На ахъ-булахской позиціи 22-го августа, въ день коронаціи покойнаго императора, во время молебствія, совершеннаго въ походной перкви, прискакалъ курьеръ и вручилъ кн. Бебутову орденскіе знаки св. Андрея Первозваннаго (*); князю-же Барятинскому—Георгія 3-й ст. Побѣдители азиатской арміи были глубоко тронуты царскими милостями и еще разъ горячо благодарили солдатъ, съ которыми заслужили эти награды.

26-го сентября съ ахъ-булахскаго лагеря отрядъ подвинулся къ Александрополю и занялъ позицію у сел. Гюллибулахъ. Здѣсь, простоявъ почти мѣсяць, дѣлали изрѣдка фуражировки въ глубь непріятельской страны. Турки не показывались, и потому кн. Бебутовъ 24-го октября тронулся къ Александрополю, и въ этотъ-же день полки весело проходили за Арпачай и выстраивались подъ звуки музыки по русскому берегу, для принесенія благодарственнаго молебствія за успешно оконченный походъ. Армянскіе священники съ крестами и

(*) Кн. Бебутовъ, въ то время въ чинѣ г.-л., имѣлъ только александровскую ленту.

жители Александрополя, съ радостными лицами, толпами выходили на встрѣчу войскамъ, располагавшимся лагеремъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости, возлѣ развалинъ Караклиса.

Въ этомъ году ранѣе обыкновеннаго приблизилась зима—снѣгъ падалъ все чаще и чаще (*),—слякоть, туманъ, холодъ и рѣзкій вѣтеръ—усиливались, а войска, изнуряемыя лихорадкою, все еще стояли въ палаткахъ, въ ожиданіи—не начнутъ ли турки наступательныхъ дѣйствій; но вскорѣ, убѣдившись въ противномъ, кн. Бебутовъ 30-го ноября распустилъ отрядъ на зимовыя квартиры. Вслѣдствіе этого распоряженія (**), 1-й и 2-й баталіоны выступили, чрезъ Мокрыя горы, въ Манглисъ. 3-й и 2-й баталіоны заняли въ эриван. уѣздѣ бывшую крѣпость Сардаръ-абадъ и селеніе Мулла-баязетъ.

Считаю нужнымъ замѣтить, что войска на караклисской позиціи болѣли особенной лихорадкою-спячкой. Параксизмы выражались глубокимъ сномъ, отъ которыхъ на пути слѣдованія больные умирали и только наружное, своевременное втираніе хины спасало несчастныхъ.

Насталъ для Россіи траурный 1855-й годъ: 19-го февраля въ Бозѣ почилъ императоръ Николай Павловичъ, въ то самое время, когда война на крымскомъ полуостровѣ съ союзными державами приняла весьма неблагоприятный для насъ оборотъ—Севастополь ежедневно отъ бомбардировокъ терялъ по нѣсколько тысячъ человекъ. На престолъ вступилъ сынъ Николая Павловича и наследникъ, нынѣ благополучно царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II-й. Седьмого марта полкъ, названный въ день 19-го февраля *лейбъ-караб. Эриван. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА* полкомъ, присягнулъ на вѣрноподданство своему августѣйшему ИМПЕРАТОРУ шефу.

(*) Надо замѣтить, что александропольскій уѣздъ, возвышаясь отъ 4 до 5 т. футовъ надъ уровнемъ моря, представляетъ плоскогорье, открытое отъ вѣтровъ и отягчающееся суровостію климата.

(**) Предписаніе кн. Бебутова, отъ 28-го ноября, за № 2317.

ГЛАВА XX.

Н. И. Муравьевъ. Движеніе полка къ Александрополю. Церемоніаль. Выступленіе полка за границу. Лагерь въ Хаджа-Кала. Рекогносцировка. Тревога. Фланговое движеніе къ Мухараджику и стоянка. Влокада Карса. Молодецкое движеніе 1-го баталіона за саганлугскій хребетъ къ с. Бурдусу и уничтоженіе запасовъ. Походъ 1-го и 3-го баталіоновъ къ Кебри-Кеву на р. Карсъ. Неудачная фуражировка и митурмъ Карса 17-го сентября. Отличія. Бараки. Сдача Карса. Окончаніе похода.

Бывшій командиръ Эриванскаго полка Николай Николаевичъ Муравьевъ, въ данномъ случаѣ уже генералъ-лейтенантъ, былъ назначенъ въ ноябрѣ 1854 года главнокомандующимъ на Кавказъ. Порученіе это дано было ему какъ опытному генералу, бывалому въ этихъ странахъ, когда-то такъ счастливо водившему въ бой противу турокъ свою гренадерскую бригаду.

Нельзя не замѣтить, что его высоко-безузоризненная честность, безпредѣльная любовь къ родинѣ, суровая простота въ жизни и обращеніе съ подчиненными—еще болѣе въ немъ съ годами вкоренились. Онъ во многомъ напоминалъ старымъ кавказцамъ Ермолова, подъ руководствомъ котораго началось его боевое поприще на Кавказѣ.

Николай Николаевичъ Муравьевъ, съ первыхъ дней своего прибытія въ Тифлисъ, не смотря на преклонныя лѣта и свою тучность, съ полною энергіею и усердіемъ сталъ настойчиво готовиться къ рѣшительной борьбѣ. Онъ зналъ, что Россія и Монархъ возлагали свѣтлыя надежды на кавказскую армію, покрытую славою предшествующихъ кампаній, и зналъ, что всѣ силы государства напряжены отстоять Севастополь отъ многочисленныхъ союзныхъ враговъ. Словомъ, по ходу дѣла видно было, что роковая драма, длившаяся уже два года, должна была вскорѣ кроваво разыгратъ въ Россіи, подъ Севастополемъ, и въ Азіатской Турціи. Муравьевъ для своихъ дѣйствій избралъ Карсъ—сильную крѣпость, опору анаталійской арміи; съ паденіемъ этой крѣпости—падала армія, а съ нею обезсиливалась и Азіатская Турція.

Крѣпость Александрополь опять сдѣлалась операціоннымъ базисомъ. Къ ней стягивались войска и огромные обозы съ военными припасами.

Съ ранней весной, лишь только на горахъ и полянахъ пробилась зелень и пробудилась жизнь, 1 и 2-й баталіоны эриванцевъ, подъ командою подполковника барона Врангеля, тронулись изъ Манглиса къ Александрополу по знакомой прямой дорогѣ, чрезъ Мокрыя горы. 1 и 2-й баталіонъ по пути слѣдованія радушно встрѣчали жители греческихъ деревень на Цалкѣ, а еще радужнее принимали и угощали духоборы, которыхъ эриванцы защищали отъ налета башибузуковъ въ прошломъ году. Почти одновременно съ движеніемъ первыхъ баталіоновъ, съ противоположной стороны къ Александрополу двинулись 3-й баталіонъ и 3 роты четвертаго, стоявшія въ Сардаръ-абадѣ.

Люди этихъ послѣднихъ баталіоновъ, только-что поправились отъ цынготной болѣзни, которая развилась на зимовкѣ отъ дурного размѣщенія по сырмъ саклямъ и прѣсной пици. Болѣзнь эта могла-бы гибельно отозваться на маршѣ баталіоновъ, но, къ счастью, вскорѣ была прекращена, благодаря предупредительному заявленію баталіоннаго адъютанта подпоручика Шольпа. Онъ, подмѣтя, что туземцы ѣдятъ траву янжу (клеверъ) и не болѣютъ, предложилъ эту траву какъ средство отъ цыгги. Роты стали употреблять для варки борща показавшуюся молодую янжу, и это простое туземное средство оказалось дѣйствительнымъ — страшная болѣзнь быстро прекратилась.

У подножія крѣпости Александрополя, на сѣверо-западъ отъ нея, по правую сторону Арпачая, вскорѣ образовался огромный лагерь. Князь Бебутовъ, находившійся тутъ-же, радостно встрѣчалъ знакомые ему полки и призывалъ ихъ къ новымъ трудамъ и подвигамъ. Все было въ лагерьѣ по прежнему оживлено, въ особенности когда одна часть войскъ встрѣчала другую чаркой спирта да походнымъ сухаремъ съ праздничными щами изъ капусты, которую нѣкоторыя части привезли изъ своихъ штабъ-квартиръ.

Наконецъ, въ половинѣ мая прибылъ въ лагерь новый главнокомандующій, генераль Муравьевъ. Начались фронтовые ученья и приготовленіе къ его смотру. 20-го мая, на сѣверо-востокѣ отъ крѣпости, на огромномъ возвышенномъ плацу построились полки въ полной походной формѣ для встрѣчи новаго вождя, и около 10-ти часовъ утра привѣтствовали его радостными кликами. Послѣ осмотра войскъ, онъ ими маневрировалъ—водилъ въ атаку пѣхоту и кавалерію подъ звуки музыки и въ заключеніе пропустилъ мимо себя весь собранный корпусъ (*) церемоніальнымъ маршемъ.

Эриванцы, опаленные уже порохомъ и солнцемъ юга, шли своимъ особымъ бравымъ шагомъ, навалившись всею грудью впередъ и немного сгибая колѣни. Картина парадно-походнаго смотра была великолѣпна: двигались стройно мохнатая панакхи, каски, фуражки, тушинки и т. д. Никогда еще до этихъ поръ на Кавказѣ не было собрано въ отрядъ столько разноформеннаго войска.

Во время смотра, главнокомандующій, обходя нашъ полкъ, приподнялъ тощій ранецъ одного солдата и сказалъ: «Съ нимъ можно танцевать». На это тутъ-же стоявшій бакенбардистъ карабинеръ отвѣтилъ: «Это ранецъ молодого, неученаго; а вотъ съ моимъ ранцемъ, гдѣ про-запасъ лежитъ хлѣбъ и всякая хурда (мелочь), не протапчусь». Стариковъ карабинеръ бивуачная жизнь и нужда походовъ сближала съ начальниками и они позволяли себѣ фамиліарно и рѣзко имъ отвѣчать: за то такіе солдаты по первому слову начальника лезли въ огонь, въ воду, на явную смерть.

Сдавъ корпусъ и отъѣжая изъ этого лагеря въ Тифлисъ, князь Бебутовъ сказалъ, обратясь къ полку: «На васъ, эриванцы, надѣюсь, что будете всегда тѣми-молодцами, какими были при Башъ-кадыкларѣ и Кюрюкъ-дарѣ. Честь вамъ и

(*) 26½ баталіоновъ пѣхоты, 28 эскадроновъ драгунъ, 21 сотня казаковъ и милиціи, 80 орудій и 16 ракетныхъ станковъ.

слава!»! Естественно, такіа лестныя слова запечатлѣлись въ сердцѣ каждаго и о нихъ долго-долго бесѣдовали старики карабиперы на аванпостахъ, въ монотонной лагерной стоянкѣ и на безсонныхъ ночахъ въ караулѣ.

Генераль Муравьевъ, по совершеніи молебствія, двумя эшалопами двинулъ корпусъ за границу. Эриванскій полкъ, изъ середины въ полувзводныхъ колонахъ, выступилъ 25-го мая за Арпачай въ первомъ эшалонѣ. Переправа была въ бродъ; горная быстрая рѣчка шла половодьемъ оттаявшихъ въ горахъ снѣговъ. Главнокомандующій выѣхалъ на противоположный берегъ смотрѣть, какъ пойдетъ переправа войскъ. Внизъ по теченію была поставлена цѣпь казаковъ. Передъ выступленіемъ главнокомандующій нѣсколько разъ высказывалъ свое неудовольствіе, что полкъ не дѣлаетъ ученій для переправы, какъ это производилось въ полкахъ 18-й дивизіи, незнакомыхъ съ кавказскими мѣстностями и нуждавшихся въ знаніи переправы. Подойдя къ берегу, люди головной роты Эриванскаго полка, безъ всякихъ приказаній, сами подняли патронныя сумки, потомъ раздѣлились, какъ сами знали: сильныя—на флангъ къ теченію, слабыя—внизъ; у кого дѣлалось головокруженіе—того товарищи взяли въ середину. Пѣсенники впереди запѣли удалую пѣсню и пошли въ бродъ. На срединѣ рѣчки ротный балагуръ головной роты, игравшій на турецкомъ барабанѣ, перекинулся черезъ него, нырнулъ въ воду и вынырнулъ съ другой его стороны—сзади; съ громкимъ смѣхомъ выходили пѣсенники на противоположный берегъ. Главнокомандующій при этой сценѣ закричалъ полку «Молодцы, желѣзные карабинеры!» Данное при этой переправѣ названіе полку онъ неоднократно и послѣ повторялъ. Похвала эта имѣла тѣмъ болѣе цѣны, что она вырвалась неволью при бывшемъ предубѣжденіи о томъ, что переправа не будетъ хороша.

28-го мая оба эшалона соединились у сел. Ахджи-кала, откуда 2-го и 4-го іюня произведены рекогносцировки къ крѣ-

пости Карсу, со стороны Кара-дага, причемъ оба раза участвовали эриванцы.

Ахджи-кальская стоянка ознаменована ночью тревогою: 3-го іюня, часу въ 1-мъ ночи, среди непроницаемой темноты, вдругъ раздался въ лагерѣ ужасный шумъ: офицеры и солдаты, нѣкоторые безъ шапокъ, а другіе въ однѣхъ рубашкахъ, выскочили на линію къ ружьямъ, которыя схватывали въ поспѣхахъ и роняли цѣлыя козлы; все суетилось, падало, натыкалось на штыки, сталкивалось и вооружалось, чѣмъ попало, въ ожиданіи врага, нарушившаго ночной покой. Наконецъ, дѣло объяснилось; тревога произошла вслѣдствіе того, что нѣсколько драгунскихъ лошадей, сорвавшись съ коновязей, стали въ бѣшеномъ испугѣ носиться по лагерю. Вскорѣ опять лагерь успокоился и продолжалъ прерванный сонъ. Но эта неожиданная тревога заставила нѣкоторыхъ командировъ эриванскихъ ротъ дѣлать фальшивыя тревоги, чтобъ приучить людей выходить въ порядкѣ на линейку.

Простоявъ девять дней у Ахджи-кала, 6-го іюня корпусъ фланговымъ маршемъ перешелъ къ деревнѣ Мугараджикъ, расположенной въ 10 верстахъ отъ Карса, близъ арзерумской дороги. Эриванцы шли въ резервной колоннѣ.

Слѣдуетъ тутъ упомянуть, что фланговое движеніе Муравьева совершилось безъ всякихъ эволюцій, по прямому пути, на томъ уважительномъ основаніи, что турецкіе паши вполнѣ поняли послѣ Кюрукъ-дара, что ихъ войско не въ состояніи въ открытомъ полѣ состязаться съ русскими.

Генералъ Муравьевъ, владея моральнымъ превосходствомъ своихъ силъ, могъ дѣйствовать смѣло, безъ предварительныхъ демонстрацій. При этомъ движеніи обозъ, который по диспозиціи долженъ былъ двигаться параллельно главнымъ силамъ, дѣлая дугу большого круга и не имѣя хорошихъ проводниковъ, блуждалъ подл проливнымъ дождемъ по неизвѣстнымъ испорченнымъ дорогамъ, и на третій день только стянулся весь въ лагерь. Одна только безпечность, или полный страхъ, объ-

явшеі турецкую кавалерію при появленіи русскихъ, дозволили обозу безнаказанно присоединиться къ корпусу.

Мы сомнѣваемся, чтобъ главнокомандующимъ достаточно было оцѣнено нравственное превосходство кавказскаго корпуса— иначе его дѣйствія не были-бы такъ медленны, и, въ виду русскихъ, туркамъ не легко было-бы укрѣпляться. Между тѣмъ, онъ, задавшись мыслию уничтожить въ окрестностяхъ провіантскіе запасы карскаго гарнизона и прекратить его сообщеніе съ Арзерумомъ, раздробилъ свои силы на летучіе и отдѣльные отряды—словомъ хотѣлъ рѣшить судьбу крѣпости исключительно голодомъ.

Съ первыхъ дней появленія нашихъ войскъ турецкіе военачальники, а въ особенности англійской службы полковникъ Вильямсъ, стали напрягать всѣ силы гарнизона, чтобъ обложить крѣпость цѣлымъ рядомъ линій фортификаціонныхъ укрѣпленій, на протяженіи почти 15 верстъ.

Съ мугараджискской позиціи простымъ глазомъ видно было, какъ большія массы людей, съ ранней зари и до поздней ночи, трудились, возводя укрѣпленія и батареи на шарахскихъ высотахъ. Не разъ эриванцы, собираясь на курганъ, названный ими *хабаръ* горою (гора новостей) и глядя на работу турокъ, толковали, что пора идти къ нимъ въ гости.

Черезъ семь дней, по прибытіи на Мугараджикъ, именно 14-го іюня, когда у непріятеля работы по возведеніи брустверовъ замѣтно подвигались успѣшно, главнокомандующій предпринялъ усиленную рекогносцировку къ Карсу. Эриванцы (2, 3 и 4 баталіоны) наступали въ первой боевой колонѣ. Всѣ полки, горя нетерпѣніемъ, ждали мановенія руки своего предводителя, чтобъ идти на штурмъ крѣпости, но вскорѣ въ своихъ ожиданіяхъ разочаровались: главнокомандующій, осмотрѣвъ въ трубу карскія высоты, отдалъ приказаніе войскамъ двигаться въ лагерь.

Первый-же баталіонъ во время рекогносцировки успѣшно фуражировалъ и открывалъ путь къ саганлугскому хребту. Къ

вечеру баталіонъ, промокнувъ подъ дождемъ до гостей, возвратился на Мугараджикъ и задалъ шумную пирушку, длившуюся за полночь. Главнокомандующій не запрещалъ веселиться. На другой день полкъ, въ рядахъ корпуса, передвинулся къ сел. Каны-кой. Здѣсь, переночевавъ 17-го іюня, полкъ съ большею частію войскъ, подъ личнымъ начальствомъ Муравьева, сталъ наступать въ саганлугскимъ горамъ. Достигнувъ подошвы означеннаго хребта, главнокомандующій приказалъ генералу Бакланову съ тремя баталіонами пѣхоты и частію кавалеріи въ ночь, съ 18 на 19 іюня, осторожно пробраться за Саганлугъ, и если встрѣтится непріятель, атаковать его. Въ передовомъ отрядѣ Бакланова находился 1-й баталіонъ эриванцевъ, подъ начальствомъ маіора Рогожина.

Съ величайшей тишиною, сохраняя всѣ мѣры предосторожности, 1-й баталіонъ всю ночь поднимался на лѣсистыя Саганлугъ, и только съ первыми проблесками дня поднялся на высоту. Здѣсь, станувъ войска и зарядивъ ружья, Баклановъ, послѣ кратковременнаго отдыха, быстро приказалъ слѣдовать пѣхотѣ за кавалеріею. Только эриванцы могли выполнить приказаніе кавказскаго генерала; баталіоны-же 18-й дивизіи, непривыкшіе къ быстрымъ маршамъ, доведенные усталостію до крайняго изнеможенія, легли на дорогѣ.

Утомленный 1-й баталіонъ эриванцевъ въ 9 часовъ утра спустился по чрезвычайно крутой дорогѣ къ сел. Бардузъ, лежащему въ 6-ти верстахъ вправо отъ саганлугскаго перевала, въ глубокомъ и весьма скалистомъ ущельи. Въ селеніи найдено депо съ боевыми снарядами, магазинъ съ провіантомъ и пекарни съ свѣжимъ, только-что испеченымъ хлѣбомъ и теплыми галетами изъ превосходной бѣлой муки; кромѣ того, Баклановъ, узнавъ отъ жителей, что непріятельскій транспортъ только недавно бѣжалъ въ горы, живо помчался за нимъ въ погоню. День былъ жаркій. Генералъ въ одномъ красномъ архалугѣ, съ массивною азіатскою шашкою черезъ плечо, впереди конницы скакалъ по слѣдамъ транспорта, — а эриванцы въ

однѣхъ рубашкахъ и патранташахъ бѣжали на-рысяхъ за клубившейся пылью, которую поднимала впереди кавалерія.

Вскорѣ, въ общей радости, транспортъ въ 137 аробѣ былъ достигнуть съ палатками, воляскою и разными вещами, принадлежавшими Сари-пашѣ—генералъ-интенданту турецкой арміи, который навануѣ, узнавъ отъ прїѣзжавшаго изъ Карса англійскаго полковника о движеніи русскихъ, бѣжалъ къ Арзеруму съ 3-мя сотнями башибузуковъ и гаремомъ.

Трудъ эриванцевъ въ этотъ день былъ вознагражденъ хорошей порціею турецкаго рома, свѣжимъ хлѣбомъ и полбенною кашей. На другой день, забравъ съ собою провіантъ, около трехъ тысячъ четвертей, и побросавъ въ воду снаряды, 1-й баталіонъ Рогожина поднялся изъ Бордуза на высоту.

Между тѣмъ, Муравьевъ съ другою частію войскъ тоже перешелъ Саганлугъ, съвернѣ той дороги, по которой переходилъ въ 1829 году. 20-го іюня отрядъ пашель въ сел. Зевинѣ тоже провіантскій складъ. Вообще въ теченіи трехъ дней, съ 19-го по 22 іюня, взято и истреблено болѣе 30 тысячъ четвертей разнаго хлѣба.

Окончивъ удачно свои поиски за Саганлугомъ, Муравьевъ 22 числа двинулся обратно, и на третій день прибылъ на кепыкевскую позицію. Здѣсь эриванцы, въ виду Карса, отпраздновавъ свой полковой праздникъ въ день Петра и Павла—29 іюня, перешли въ слѣдующее утро съ разгульной кавказской пѣсней на позицію Тикмэ.

Полумѣсячная стоянка въ лагерѣ при Тикмэ для полка ничѣмъ неознаменовалась особеннымъ, а потому переходу къ описанію движенія Муравьева съ частію корпуса къ Кеприкеву, по арзерумской дорогѣ, съ цѣлью разсѣять отрядъ Велипаши и тѣмъ отнять у осажденнаго карскаго гарнизона всякую надежду на помощь со стороны Арзерума.

Генералъ-маршъ 19-го іюля возвѣстилъ походъ; 1-й и 3-й

баталіоны эриванцевъ въ первомъ эшалонѣ, подъ начальствомъ полковника князя Тарханъ-Моуравова, двинулись съ Муравьевымъ за Саганлугъ, а 2-й и 4 батал. съ остальною частію корпуса, подъ предводительствомъ генерала Бриммера, перешли на позицію Команцуръ—ближе къ Карсу.

Эшалонъ князя Тарханова въ пять дней усиленными маршами, не взирая на палящій зной іюльскаго солнца, достигъ Керши-кева, на р. Араксѣ, гдѣ 23 іюля соединился съ отрядомъ генерала Суслова, выдвинутаго сюда со стороны Эривани.

Вели-паша, намѣревавшійся дѣйствовать къ Карсу, при появленіи русскихъ отступилъ въ безпорядкѣ къ Арзеруму, гдѣ заперся, въ ожиданіи подкрѣпленій, оставивъ неприкрытымъ чрезвычайно красивенькій городокъ Гасанъ-кале съ казеннымъ имуществомъ. Уничтоживъ замыслы Вели-паши, желавшаго подать помощь Карсу, и наведя страхъ на столицу Анатолиі, Муравьевъ 25 іюля обратно выступилъ къ Карсу, взявъ съ собою нѣсколько семействъ грековъ, прибѣгшихъ подъ нашу защиту, и образовалъ изъ нихъ ополченцевъ.

Нельзя гезамѣтить, что 3-й баталіонъ велъ замѣчательнаго плѣнника—странствующаго дервиша (пилигрима), заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. Ему было по наружности за 50 лѣтъ; маленькіе черные его глаза, бѣгали быстро,—мѣдно-красное рябое лицо его было окаймлено всклокоченною русою бородой, вся-же осанка и поступь плѣнника выражали строгость, надмѣнность и презрѣніе. На немъ надѣто было семь бязевыхъ бѣлыхъ рубашекъ, поверхъ конхъ развивалась звѣриная шкура; голову дервиша прикрывала, вмѣсто шапки, лодкообразная жестяная чашка, а въ рукѣ онъ держалъ длинную палку, всю обвязанную разноцвѣтными кусочками матерій, которые означали города, посѣщенные плѣнникомъ. Солдаты, обступивъ плѣнника, съ большимъ любопытствомъ осматривали и дѣлали замѣчанія относительно его шутовскаго костюма, а ротные краснобаи вступили даже съ нимъ въ разговоры, ко-

веркая русскія слова на татарскій ладъ. Вскорѣ, однакожъ, убѣдились, что это былъ не шпіонъ, и отпустили его.

Къ полудню 30-го іюля отрядъ, совершивъ пріятный и длинный походъ въ глубь Анатолиі, вернулся изъ подъ Керпи-кева и сталъ на прежней позиціи, при сел. Тикмэ, на р. Карсъ-чаѣ. Ниже, въ шести верстахъ по теченію рѣки, стоялъ Бримеръ на каманцурской позиціи, откуда опъ, въ отсутствіе главнокомандующаго, дѣлалъ 26-го іюля усиленную фуражировку къ стѣнамъ Карса, съ намѣреніемъ уничтожить хлѣбныя посѣвы и запасы фуража; но не рассчитавъ хорошо разстояніе, подвелъ войска черезъ-чуръ близко къ крѣпости: турки, подпустивъ наши колонны, открыли огонь. Ядра съ крѣпости не только наносили вредъ, но даже далеко перелѣтали за наши колонны. Бримеръ, очутившись въ сферѣ огня и теряя бесполезно людей, вынужденнымъ нашелся посильно отступитъ. Въ этой неудачной фуражировкѣ участвовалъ 2-й баталіонъ барона Врангеля, который, прикрывшись курганомъ, предохранилъ эриванцевъ отъ напрасной потери (*).

2-го августа корпусъ соединился подлѣ развалинъ деревни Чивтли-каѣ, на весьма живописной мѣстности, и раскинулъ на ней палатки по обоямъ берегамъ Карсъ-чая, которая рѣзала позицію на двѣ равныя части—верхній и нижній лагерь. По правую сторону рѣки, на обширной площади, спускавшейся небольшимъ обрывомъ къ рѣкѣ, стоялъ верхній лагерь, гдѣ на правомъ флангѣ его былъ размѣщенъ въ колонахъ къ атакѣ, въ двѣ линіи Эриванскій полкъ. Впереди стояли 3-й и 4-й баталіоны, прикрываясь съ фронта хребтомъ,—вдоль-же лѣваго берега рѣки, гдѣ стоялъ нижній лагерь, тянулся широкій и длинный лугъ на разстояніи семи верстъ, т. е. до самаго Карса.

Главная квартира корпуса и походная парусинная церковь, осѣненная деревяннымъ крестомъ, находились въ верхнемъ лагерѣ, противъ самыхъ развалинъ Чивтли-каѣ, неподалеко отъ палатки Н. Н. Муравьева.

(*) Здѣсь убитъ генер. Куколевскій—всего убито и ранено въ этой фуражировкѣ 38 чел.

Нѣсколько дней спустя, черезъ рѣку былъ устроенъ прочный мостъ, прямо противъ ставки главнокомандующаго.

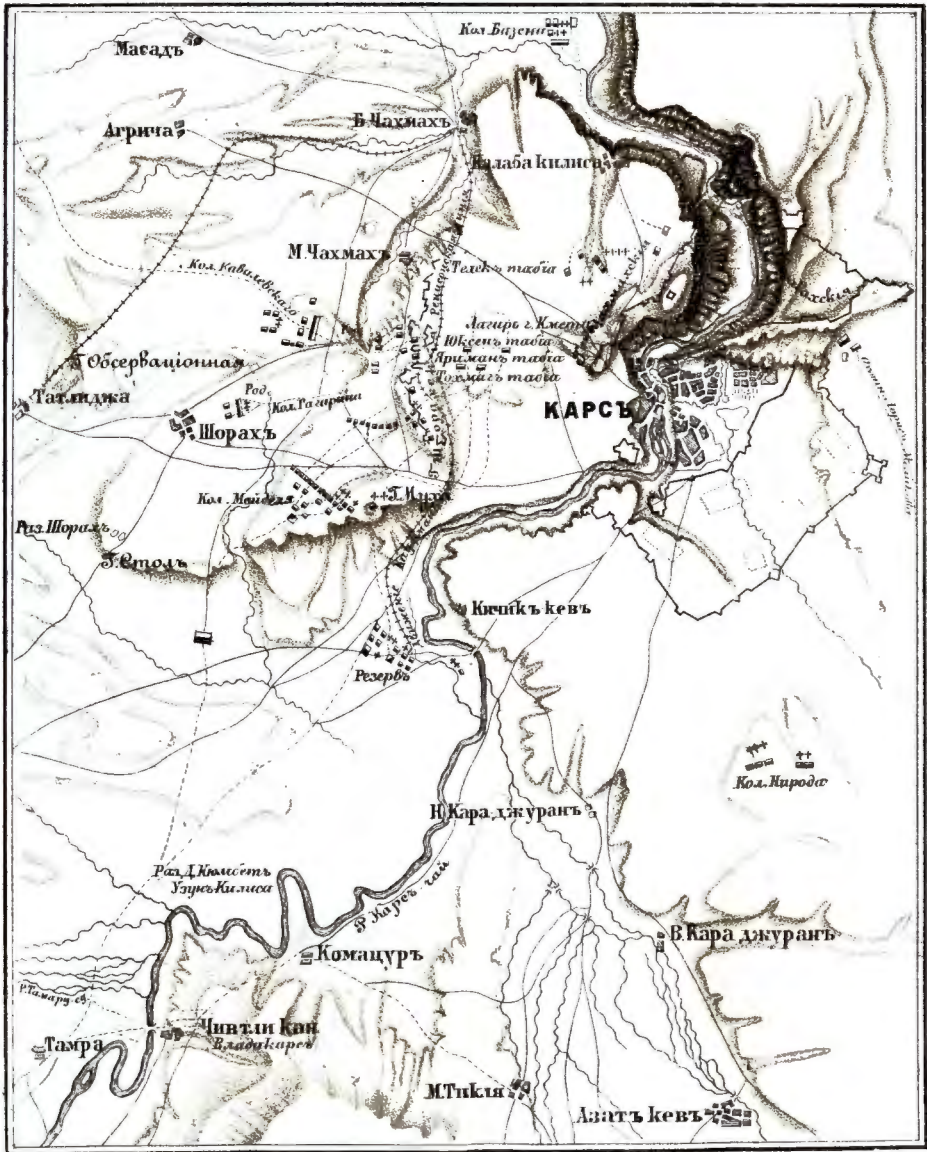
Съ занятіемъ чавтливской позиціи, началась тѣсная блокада Карса; дѣйствующій корпусъ обложилъ крѣпость отдѣльными отрядами со всѣхъ сторонъ. Эриванцы во все время усиленной блокады стояли на занятой позиціи при Чивтликаѣ, охраняя нашъ правый флангъ; однообразная аванпостная служба поля изрѣдка оживлялась приказаніями усилить бдительность въ цѣпи, по мѣрѣ того, какъ получались извѣстія изъ Карса о намѣреніяхъ части гарнизона пробиться сквозь блокирующіе отряды. Предметомъ ежедневнаго разговора какъ въ офицерскихъ, такъ и солдатскихъ палаткахъ естественно былъ Карсъ и всѣми желанный штурмъ его. Иногда молодецкія ночныя эволюціи генерала Баглапова подъ стѣнами Карса приводили всѣхъ въ восторгъ—онъ неоднократно отбивалъ и скотъ, и хлѣбъ, и даже пикеты подъ непріятельскими укрѣпленіями, и всегда счастливо, безъ потери, возвращался въ лагерь.

Въ ночь, на 29-е августа, генералъ Ковалевскій съ частію отряда (*) получилъ приказаніе двигаться по горамъ къ сел. Пенякъ, откуда турки намѣревались прорваться съ провіантомъ въ Карсъ. Въ летучій отрядъ Ковалевскаго вошелъ 3-й баталіонъ эриванцевъ, маіора Кобіева, который, слѣдуя за кавалеріею, на первый день заночевалъ на аджикальской долинтѣ; отсюда, чуть свѣтъ, продолжалъ движеніе дальше самымъ усиленнымъ шагомъ. Кавалерійская колона настигла непріятеля врасплохъ, и смѣло атаковавъ, взяла съ бою 4-ре горныхъ орудія, много запасовъ и даже самого ихъ отрядного начальника, Али-пашу, захватила въ плѣнъ; третій баталіонъ, пройдя въ этотъ день около 70-ти верстъ, хотя и не принималъ прямого участія въ дѣлѣ, но составлялъ близкій и вѣрный резервъ кавалеріи. Ковалевскій доноситъ: (**) «Эриванцы, привыкшіе

(*) 6 батал., 8 эскадроновъ, 10 сотенъ казаковъ.

(**) Тифл. арх. Секр. дѣло 2 отдѣл. ген. шт., № 2, за 1855 г.

ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ КАРСА
 съ околностию и нитурнъ 17го Сент. 1855 г.

Масштабъ въ 2 мили 2 версты 60

- Части Русскихъ войскъ
- Элевации

къ труднымъ переходамъ, для которыхъ утомленіе исчезало, когда являлась надежда на близкую встрѣчу съ неприятелемъ, шли по слѣдамъ кавалеріи.»

На другой день, въ сумерки, въ русскомъ лагерѣ подъ Карсомъ получено было это радостное для всѣхъ извѣстіе о взятіи Али-паши.

Муравьевъ, въ знакъ торжества, приказалъ пустить нѣсколько ракетъ и играть въ полкахъ музыкѣ. Звуки ея далеко разносились по полю и, по показанію перебѣжчиковъ, слышны были въ Карсѣ. Вечеръ стоялъ тихій и теплый, гармонирующій общему веселію въ русскомъ станѣ.

Долгая стоянка подъ Карсомъ на одномъ мѣстѣ въ бѣздѣйствіи—стала обнаруживаться (при неизбѣжныхъ матеріальныхъ лишеніяхъ войскъ) эпидеміею.

Въ первыхъ числахъ сентября показались первые признаки холеры; полковое начальство приняло самыя дѣятельныя мѣры къ ея прекращенію: солдатамъ приказано носить набрюшники, запрещено ловить рыбу и купаться, а маркигантамъ запрещено имѣть въ продажѣ рыбу и фрукты, ученья были прекращены—вмѣсто ихъ солдаты устраивали разныя игры,—монотонная жизнь оживилась и повеселѣла. Винная порція увеличена: вмѣсто трехъ чарокъ, положенныхъ прежде въ недѣлю на человѣка, отпускали по пяти. Солдаты обѣдали въ девятомъ часу утра, а въ пятомъ передъ ужиномъ пили водку съ тинктурой доктора Иноземцева. Эпидемія хотя и продолжалась до первыхъ чиселъ ноября, но случаи заболѣванія чаще встрѣчались въ полкахъ, недавно прибывшихъ изъ внутреннихъ губерній имперіи; въ Эриванскомъ-же полку, вѣроятно, вслѣдствіе большого знакомства съ климатомъ и энергичности принятыхъ мѣръ, заболѣвало весьма мало, а смертные случаи были чрезвычайно рѣдки; такъ что недѣли черезъ двѣ, послѣ появленія болѣзни, солдаты начали о ней забывать. Надо замѣтить, что одновременно съ появленіемъ у насъ холеры она появилась въ Карсѣ, и сильно тамъ свирѣпствовала.

Наконецъ, настало 16-е сентября—канунъ карскаго штурма: въ лагерѣ Эриванскаго полка музыка и пѣсенники не умолкали; предъ палаткой полковаго командира, со дня появленія холеры варился постоянно глинтвейнъ для офицеровъ; въ этотъ день въ особенности часто группировались офицеры возлѣ серебряной кастрюли съ этимъ напиткомъ; все веселилось—солдаты впереди фронта палатокъ играли въ городки. Главнокомандующій, обходя полки, подошелъ къ играющимъ эриванцамъ и спросилъ: «Ну, а если турка придется выбивать?» и указалъ при этихъ лаконическихъ словахъ на Карсъ. Играющіе карабинеры поняли намекъ и единодушно откликнулись: «За нами дѣло нестанетъ». Объ этомъ намекѣ шелъ послѣ оживленный разговоръ; по о предстоящемъ штурмѣ въ лагерѣ эриванцевъ никому ничего не было извѣстно, кромѣ слуха, носившагося о какой-то бомбардировкѣ, на томъ основаніи, что изъ вагенбурга (устроеннаго на Мугараджикѣ) велѣно было привезти осадныя орудія.

Между тѣмъ, роковой въ жизни многихъ часъ штурма безостановочно приближался.

Вотъ какъ объ этомъ событіи извѣщаетъ генер. Муравьевъ военнаго министра для доклада ГОСУДАРЮ (*):

«Болѣе чѣмъ трехмѣсячная блокада Карса и рядъ безпрерывныхъ стычекъ съ карскимъ гарнизономъ, постоянно неудачныхъ для турокъ, не могли произвести благопріятнаго для насъ вліянія на непріятеля. Можно было надѣяться, что при продолженіи такого способа дѣйствій—Карсъ, а вмѣстѣ съ нимъ анатолійская армія—падутъ, но для этого требовалось время. Между тѣмъ, съ конца августа начались постоянно получаться извѣстія о сильныхъ подкрѣпленіяхъ, идущихъ на освобожденіе Карса. Въ первыхъ числахъ сентября получено положительное свѣдѣніе о десантахъ, сдѣланныхъ турками въ Батумѣ и Трапезунтѣ и о начатомъ ими исправленіи дороги

(*) Тифл. арх. Сегр. дѣло, № 2, по генерал. шт. 2 отдѣл., отъ главнокоманд. военному министру, № 1337, отъ 30-го сентября, 1853 года.

отъ Батума къ Ахалциху. 11-го сентября карскій гарнизонъ получилъ извѣстіе о занятіи союзниками южной части Севастополя и праздновалъ его парадомъ и салютаціею. Я не вѣрилъ этому извѣстію, потому что турки не разъ распускали ложные слухи о нашихъ неудачахъ, но 15-го сентября получены официальные газеты, подтвердившія это извѣстіе. Нельзя было не опасаться, что обстоятельства заставятъ насъ снять блокаду Карса, чрезъ что всѣ жертвы и труды нынѣшней кампаніи остались-бы бесполезны; тогда какъ успѣшный штурмъ Карса, еслибъ даже онъ и былъ сопряженъ съ большими потерями, доставилъ-бы намъ надежную опору впереди границы, совершенно уничтожалъ анатолійскую армію и, освобождая войска дѣйствующаго корпуса отъ необходимости быть сосредоточенными у Карса, позволялъ направлять ихъ всюду—куда-бы не потребовали обстоятельства. 15-го сентября я собралъ военный совѣтъ— всѣ голоса были въ пользу штурма».

Главнымъ пунктомъ для атаки при штурмѣ былъ избранъ Шорахъ—самыя важныя полевыя укрѣпленія турокъ. Шорахскій хребетъ тянется параллельно теченію рѣки Карсъ-чая и образуетъ три отдѣльныя высоты—изъ нихъ двѣ, прилегающія къ рѣкѣ, малыя, а третья довольно продолговата и крута съ юго-запада. Ближайшая къ рѣкѣ возвышенность была укрѣплена флешью—укрѣпленіе это называлось Томасъ-табія.

Фасы этой флешы были удлинены небольшимъ эполементомъ у самаго спуска къ Карсъ-чаю—томасъ-табія была вооружена 11 орудіями; на средней возвышенности находился редутъ Ючекъ-табія съ 6 орудіями. Редутъ этотъ былъ фланкированъ слѣва люнетомъ Яршманъ-тобія съ двумя орудіями, а справа укрѣпленною линіею, названною ренисонскою, съ 4 орудіями; на третьей возвышенности, на правомъ флангѣ ея была построена батарея Талекъ-табія на два орудія.

Сзади шорахской линіи тянулась почти параллельно другая, внутренняя линія на высотахъ чохмахскихъ, названная англійскою—она простиралась почти на 4 версты.

Всѣ укрѣпленія расположены были такъ, что взаимно фланкировали другъ друга. Укрѣпленія 2-й линіи, сильной профили, обстрѣливали промежутки укрѣпленій и тылъ ихъ. Всѣ укрѣпленія Шораха и Чохмаха обстрѣливались изъ бомбическихъ орудій цитадели, и были такъ пристрѣлены, что могли, когда давали знать въ цитадель какое изъ укрѣпленій взято, по извѣстному углу возвышенія, стрѣлять съ увѣренностію, что снаряды будутъ ложиться въ занятія нами укрѣпленія.

Лучшая часть анатолійской арміи была расположена на шорахскихъ высотахъ, господствующихъ надъ прочими, и потому можно было надѣяться, что съ занятіемъ ихъ падетъ и самый Карсъ.

На этихъ соображеніяхъ рѣшено было штурмовать эти высоты. День штурма избранъ 17-го сентября и диспозиція утверждена слѣдующая: 1-я колонна, генераль-лейтенанта Ковалевскаго, состояла: изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ кавалерійскихъ полковъ и двухъ батарей—она должна была штурмовать правый непріятельскій флангъ.

Вторая (правая колонна) подъ начальствомъ генераль-маіора Майделя: два первыхъ баталіона эриванцевъ, четырех-ротнаго состава; первымъ баталіономъ командовалъ маіоръ Викторъ Врангель, вторымъ—подполковникъ Богданъ Врангель, а четвертымъ завѣдывалъ маіоръ Визировъ; при батал. находился полковой командиръ, полковникъ Моллеръ, и его адъютантъ штабсъ-капитанъ Мендѣевъ, ознаменовавшій себя доблестію героя. Кромѣ эриванцевъ, въ колоннѣ состояли: три баталіона грузинцевъ, подъ командою полковника князя Гарханъ-Моуравова,—два баталіона Рязскаго полка, три роты саперъ и двѣ роты кавказскихъ стрѣлковъ, подъ командою полковника Бузанова, бывшаго эриванца; батарейная № 1-го батарея—подполковника Брискорна и легкая № 2-го батарея—полк. де-Саже, дивизіонъ горной артиллеріи, наканунѣ сформированный изъ отбитыхъ въ Пенякѣ орудій, и сводный полкъ кавалеріи.

Сборный пунктъ этой колонѣ назначенъ у горы Столь, а въ 4 часа утра приказано быть у горы Муха, вмѣстѣ съ тѣмъ этой колонѣ было назначено диспозицію:

«Будетъ-ли эта колонна во время движенія своего замѣчена непріателемъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ, тотчасъ по прибытіи на мѣсто, т. е. на небольшую возвышенность, не доходя горы Муха и нѣсколько лѣвѣе ея, батарея де-Саже выдвигается на гору Муха подъ прикрытіемъ части стрѣлковъ и саперъ (*)».

«Двумя-же своими линіями генераль Майдель продолжаетъ наступленіе по возможности въ тишинѣ и, если не будетъ къ тому вынужденъ, то безъ выстрѣла занимаетъ самую лѣво-фланговую (отъ насъ правую) непріятельскую батарею».

Для большей совокупности дѣйствій первыхъ двухъ колонъ, была составлена промежуточная колонна генераль-лейтенанта Гагарина изъ 4½ баталіоновъ и 4-хъ орудій.

Резервная колонна генераль-лейтенанта Бриммера, состоявшая изъ 10¼ баталіоновъ, 5-ти сотенъ кавалеріи, при 22-хъ орудіяхъ, должна была наблюдать за сѣвѣрною стороною Карса, отдѣлять части на усиленіе штурмующихъ войскъ и, въ случаѣ ихъ успѣха, ворваться въ самый Карсъ; въ числѣ этихъ войскъ состоялъ 3-й баталіонъ эриванцевъ, подъ начальствомъ маіора Кобіева. Сборнымъ пунктомъ этой колонѣ назначена была разоренная деревня Кюмбетъ.

Отрядъ генерала Базена, состоявшій изъ 8-ми баталіоновъ и кавалеріи Бауланова, долженъ былъ дѣйствовать на укрѣпленія Чохмахъ; сверхъ того, кавалерійскія колонны полковника графа Нирода и полковника Лорисъ-Меликова назначены были демонстрировать со стороны города и Карадага.

Въ 10½ часовъ вечера эриванцы стали въ ружье—фельдфебеля на-скоро сдѣлали расчетъ; черезъ четверть часа бата-

(*) Военному министру отъ генерала Муравьева, № 1337, отъ 30 сентября, 1855 г.

ліоны, перекрестившись, тронулись съ мѣста: строго воспрещалось курить, разговаривать, даже команда произносилась въ полголоса. Движеніе наше сначала имѣло какой-то неопредѣленный, таинственный характеръ—баталіоны, путаясь, двигались вправо, влѣво, впередъ и назадъ; наконецъ, перешли на лѣвую сторону Карсъ-чая, на берегу которой, нахмуривъ сѣдыя брови и сложивъ на груди руки, стоялъ главнокомандующій, наблюдавшій за переходомъ войскъ на противоположный берегъ. Его сосредоточенное, задумчивое выраженіе лица показывало, что настала рѣшительная часъ. Привѣтствуя проходящихъ мимо его эриванцевъ, онъ полку пожелалъ успѣха въ предстоящемъ штурмѣ. Такимъ образомъ цѣль ночнаго движенія выяснилась.

Среди морозной лунной ночи, темными пятнами колонны двигались молча по направленію къ крѣпости—думы каждаго были далеко на родинѣ; въ природѣ было все тихо и спокойно, только изрѣдка гулъ колесъ артиллеріи, стучавшей по каменной мѣстности, нарушалъ ночное молчаніе, но и это обстоятельство вскорѣ было устранено: колеса обмотали соломкою. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало распоряженіе опустить штыки внизъ, чтобъ они, отражая свѣтъ луны, не выдали неприятельскимъ часовымъ нашего движенія. Собаки, которыя такъ охотно пристають къ солдатамъ изъ опустѣвшихъ ауловъ, собрались въ лагерѣ въ огромномъ количествѣ; съ выступленіемъ колонъ онѣ шли съ войскомъ, во время движенія грызлись, лаяли, выли, что легко могло быть одною изъ причинъ, которая предупредила турокъ о предстоящемъ штурмѣ.

Пройдя версты четыре, войска были остановлены—генер. Муравьевъ нашелъ полезнымъ дать солдатамъ порцію спирта для бодрости: многіе пили крышки по двѣ, по три, а нѣкоторые совершенно не пили; воодушевивъ войска, двинули ихъ дальше. Пронеслось нѣсколько низкихъ, особенно блестящихъ метеоровъ—старые служивые стали дѣлать свои замѣчанія: «Знаменіе Господне—какъ знать: къ худу или добру?» «На все воля Божія»—отвѣчали другіе.

У подножія шорахскихъ высотъ генералъ Майдель далъ своей колонѣ привалъ; передъ разсвѣтомъ сдѣлалось довольно холодно—утренній сонъ клонилъ, нужно было удерживаться отъ дремоты; многіе прилегли было хоть немного соснуть, но холодъ вскорѣ поднялъ на ноги. Въ это время, гдѣ-то далеко отъ Саганлуга, послышался пронзительный, злобщій крикъ филина—невольно суевѣрное чувство заставило каждого вздрогнуть; примѣта, во всякомъ случаѣ, нехорошая, но для кого—еще вопросъ.

На привалѣ Майдель построилъ войска въ боевой порядокъ: 1-й и 2-й баталіонъ эриванцевъ въ ротныхъ колонахъ (знамена были оставлены въ лагерѣ) и два баталіона мингрельцевъ составляли первую штурмовую линію; 4-й баталіонъ эриванцевъ со знаменемъ и три баталіона грузинцевъ въ баталіонныхъ колонахъ заняли вторую линію; остальные войска составили частный резервъ. Отсюда до турецкихъ укрѣпленій оставалось отъ 2-хъ до 3-хъ верстъ, а такъ какъ общая атака, по диспозиціи, назначена была въ 4 часа утра, то Майдель въ началѣ четвертаго часа двинулъ свои линіи впередъ на гору. Не смотря на то, что у насъ всѣ приготовленія къ штурму дѣлались въ тайнѣ и во время движенія были приняты мѣры предосторожности, однакожь, турки знали о нашемъ наступленіи и ожидали его: пѣхота стояла въ ружье, артиллерійская прислуга на батареяхъ, а стрѣлки въ ровикахъ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ предъ укрѣпленіями. Нечаянный-же выстрѣлъ, сдѣланный солдатомъ въ колонѣ ген. Ковалевскаго верстахъ въ двухъ или трехъ отъ Шораха, еще болѣе убѣдилъ турокъ, что войска наши двигаются.

Грозная туча надвинулась. Блеснулъ огонекъ на Томастабія, когда наши колонны первой линіи находились верстахъ въ двухъ отъ укрѣпленій, и гранулъ первый выстрѣлъ въ 4³/₄ часа. Это раздалось далеко и свистъ ядра пронесся надъ колонами, какъ-бы возвѣщая о страшномъ кровопролитіи. Вслѣдъ за сигнальнымъ выстрѣломъ на шорахскихъ высотахъ засвер-

кали огоньки, сопровождаемые какъ-бы раскатомъ грома, и непрерывная линия огня, извиваясь, охватила шораксія укрѣпленія. Непрiятель былъ совершенно готовъ къ бою—это видно было по его стрѣльбѣ сначала ядрами, потомъ съ приближенiемъ колонъ картечью и послѣ уже непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Орудiйный и ружейный огонь былъ такъ частъ, что выстрѣлы слились въ одинъ общiй гулъ.

На утренней зарѣ, на темномъ фонѣ неба, вмѣсто падающихъ звѣздъ, проносились свѣтащiяся ядра и огоньки гранатъ. Эриванцы, предводимые отважными начальниками: Мендѣлеевымъ, Кантуровымъ, Шлиттеромъ, Ноне м. Врангелемъ, Рогожипымъ и другими, ихъ достойными сподвижниками, взявъ ружье на руку, по приказанiю ген. Майделя, крикнули ура, и почти бѣгомъ двинулись по весьма крутой горѣ къ передовымъ укрѣпленiямъ подъ убiйственнымъ артиллерiйскимъ и штуцернымъ огнемъ. Въ темнотѣ ночи огонь выстрѣловъ съ передовыхъ укрѣпленiй обманулъ нашихъ въ разстоянiи ихъ: продолжительное быстрое движенiе въ гору утомляло, а цѣль къ которой стремились, была еще далека.

Ура эриванцевъ то усиливалось, то опять утихало; наконецъ, вошли въ сферу перекрестнаго огня—роты, какъ волны во время сильной бури, гнѣвно стремясь къ берегамъ, разбиваясь объ утесы, отскакиваютъ и съ возрастающею силою повторяютъ свой приливъ—такъ и эриванцы въ этотъ рѣшительный моментъ напрягали всѣ усилiя, чтобъ взобраться на брустверъ укрѣпленiй. Долго-долго роты, то бросались впередъ, то относились залпами назадъ. Наконецъ добрались до ровиковъ, изъ которыхъ турецкiе стрѣлки, при первомъ нашемъ натискѣ штыками, поспѣшили убратся.

Многiе эриванцы, въ особенности командиры ихъ, уже были убиты или ранены, но живые, крича и стрѣляя, бросались впередъ, устилая гласисъ вновь убитыми (*). Добравшись до бруст-

(*) Шт.-кан. Кантуровъ, ведшiй впередъ гетъхъ 3-й ет. р., получилъ рану, но продолжалъ наступать, пока отъ истекающей крови окончательно не обезсилялъ.

вера правой оконечности укрѣпленія, 1 и 2-й баталіоны эриванцевъ съ немовѣрными усиліями, безъ лѣстницъ и фашинъ, заваливая ровъ трупами убитыхъ товарищей, взбирались по крутому контръ-эскарпу на наружную отлогость бруствера, вырывая въ землѣ руками уступы, становясь другъ другу на плечи въ совершенной темнотѣ, подъ страшнымъ огнемъ. Между тѣмъ, 4-й баталіонъ, шедшій по дорогѣ, кинулся въ интервалъ между двумя сомкнутыми укрѣпленіями; впереди баталіонъ халъ неустрашимый маіоръ Визировъ, а возлѣ знамени наступалъ поручикъ Мартуладзе 1-й съ уцѣлѣвшею горстью своей знаменной роты. Онъ охранялъ святыню баталіона, и по мѣрѣ бывшихъ изъ фронта ассистентовъ, замѣнялъ ихъ новыми.

Смѣлый натискъ увѣнчался успѣхомъ—эриванцы взяли часть вала, опрокинули стоявшую за нимъ турецкую пѣхоту, и быстро вскочивъ на батарею, завладѣли двумя орудіями, стоявшими въ послѣднемъ исходящемъ углѣ; мингрельцы, въ свою очередь, взяли тоже два орудія, стоявшія на фасѣ, ближе къ редуту. Начало разсвѣтать, и успѣхъ войскъ остановился передъ батареями, построенными правѣе редута и передъ самыми редутами, коихъ профили со стороны горжи были подняты въ ту-же высоту, какъ и передовыхъ фасовъ.

За ротами 1-й линіи вошла въ укрѣпленіе 2-я линія.

Генералъ Майдель лично повелъ эриванцевъ и мингрельцевъ на редуты и батареи, а капитану генеральнаго штаба Романовскому приказалъ выдвинуть кавалерію. Ближайшія толпы турокъ были опрокинуты и наша пѣхота ворвалась по ихъ слѣдамъ въ лагерь подъ сильнымъ огнемъ изъ палатокъ и другихъ каменныхъ построекъ—въ это время Майдель успѣлъ занять батарею (въ 4 орудія), устроенную лѣвѣе редута Томасъ-табія. Овладѣвъ этимъ пунктомъ, онъ обратилъ изъ находившихся у него подъ рукою войскъ—роты эриванцевъ, 1-го и 2-го баталіоновъ—на главный редутъ Томасъ-табія, а мингрельцевъ—на редутъ, лежащій правѣе Томасъ-табія, для связи-же между этими войсками и для наблюденія за непріателемъ

со стороны лагерей послалъ команду охотниковъ. Маіоръ Врангель, настойчиво штурмуя редутъ, получилъ тяжелую рану; замѣнившій его маіоръ Рогожинъ, ободряя подчиненныхъ, подвергся той-же участи; офицеры были перебиты или переранены, солдаты, лишившись начальниковъ, остановились.

Между тѣмъ колоны ген. Ковалевскаго и кн. Гагарина, не выдержавъ убійственнаго огня, въ безпорядкѣ отступили, лишившись почти всѣхъ начальниковъ. Такой исходъ дѣла и явная демонстрація наша на прочихъ пунктахъ дозволила неприятелю снять оттуда почти всѣ войска. Успѣхъ, пріобрѣтенный турками противъ Ковалевскаго и Гагарина, ихъ ободрилъ. Совершенно уже разсвѣло, и Вильямсъ, провѣривъ ходъ дѣла на мѣстѣ боя, направилъ свои резервы на шорахскія высоты, противъ войскъ Майделя; раненый въ руку Майдель, съ своими храбрыми и истерзанными остатками, все еще бросался на редутъ Томасъ-табія, но вскорѣ вторая рана (пулею въ грудь) лишила его возможности дѣйствовать, и онъ, обливаясь кровью, передалъ приказаніе достойному своему сподвижнику, полковнику кн. Тарханъ-Моуравову: «Держаться на занятой позиціи до послѣдней крайности». Наступилъ самый отчаянный и рѣшительный моментъ боя—князь Тарханъ-Моуравовъ 2-й, обратясь къ своимъ гренадерамъ и старымъ сослуживцамъ-эриванцамъ, напомнилъ имъ прежнюю ихъ славу, и сгруппировавъ нѣсколько сотенъ человекъ возлѣ знамени, бросился на редутъ, неся и соединивъ вмѣстѣ знамена 2-го бат. грузинцевъ и 4 бат. эриванцевъ. Солдаты, одушевленные его отвагою, пренебрегая всякою опасностію, бросились на батарею подъ залпами картечи. Горсть, обрызганная кровью своихъ товарищей и спасенная чудомъ, достигла подошвы редута, лѣзла на высокій брустверь, уже нѣсколько человекъ вскочили на него, другіе ворвались въ выходъ редута, а поручикъ Денфортъ сталъ рубить артиллеристовъ, но толпа османовъ подняла его и другихъ на штыки и сбросила въ ровъ. Самолюбіе эриванцевъ и грузинцевъ было сильно задѣто — но сред-

ства непріятеля къ оборонѣ были велики; кровь лилась повсюду. Штабсъ-кап. Мендѣевъ, схвативъ знамя 4-го батал., снова бросился съ полковникомъ Лузановымъ на тотъ-же редутъ Томасъ-табія, противъ внутреннихъ его фасовъ, но и ихъ отчаянная атака имѣла тотъ-же результатъ: Мендѣевъ получилъ рану, Лузановъ убитъ, а добѣжавшіе до бруствера, наткнулись на волчьи ямы и взлетѣли отъ взрывовъ на воздухъ. Не смотря на все это, полковникъ кн. Тарханъ-Моуравовъ настаивалъ на исполненіи даннаго ему приказанія—держаться до послѣдней крайности въ занятыхъ укрѣпленіяхъ и овладѣть редутами. Онъ, вмѣстѣ съ раненымъ штабсъ-кап. Мендѣевымъ, безпрестанно собиралъ и устраивалъ людей подъ убійственнымъ огнемъ, воодушевляя подчиненныхъ своимъ примѣромъ неустрашимости и самоотверженія—онъ самъ водилъ собранныя части то противъ турецкихъ войскъ, старавшихся вытѣснить насъ изъ укрѣпленій, то противъ редутовъ; бой на этомъ мѣстѣ былъ ужасный—удѣлѣвшая отъ побоища горсть храбрыхъ нашихъ людей выказывала отчаянныя усилія овладѣть редутомъ, потучи свинца и чугуна дѣлали усилія эти невозможными: навѣрно можно сказать, что кровавая исторія Кавказа не представляетъ въ своихъ лѣтописяхъ другого такого побоища—все пространство отъ занятаго нами бруствера до батареи Томасъ-табія было облито кровью и усѣяно убитыми и тяжело ранеными.

Когда колона Майделя была окончательно разстроена, то къ ней тогда хотя и прислали резервы, но они были уже бесполезны и только увеличивали число жертвъ. Только послѣдній изъ резервовъ, 1-й баталіонъ Рязанскаго полка, подъ командою подполковника фонъ Кауфмана, усиленный охотниками отъ эрванцевъ и другихъ частей, направился на Томасъ-табія, но былъ встрѣченъ перекрестнымъ огнемъ и отрѣзанъ отъ штурмующей колонны. Въ такую критическую минуту Кауфману предстояло пробиваться сквозь массу турокъ къ колонѣ штурмующей, или пробиваться черезъ линію укрѣпленій къ колонѣ

ген. Базена, дѣйствовавшей со стороны чахмахскихъ высотъ. Турки, завидя у себя внутри между 1-й и 2-й линіей своихъ укрѣпленій русскій баталіонъ, сначала не могли стрѣлять по немъ, не нанося вреда своимъ, но когда баталіонъ прорѣзалъ ихъ линію укрѣпленій, то они ударили во флангъ и открыли огонь. При этомъ случаѣ молодой офицеръ Эриванскаго полка подпоручикъ Вл. Маѣевъ, состоя при Кауфманѣ, былъ раненъ и контуженъ, но оставался на лошади и передавалъ приказанія подъ гибельнымъ огнемъ, когда-же лошадь подъ нимъ убили, то, не смотря на рапы, шелъ пѣшкомъ въ ряду охотниковъ.

Между тѣмъ, войска Майдели и присланные резервы, смѣшавшись въ общую толпу, оставались на занятой позиціи за брустверомъ передовыхъ занятыхъ укрѣпленій, въ полной увѣренности, что съ наступленіемъ почи они будутъ усилены свѣжими войсками и возобновятъ штурмъ. Для кавказскаго солдата, когда начало уже сдѣлано, отступленіе казалось дѣломъ невѣроятнымъ; тѣмъ болѣе турки никакимъ образомъ не осмѣлились-бы насъ выбить изъ за бруствера. Но дѣло вышло иначе: главнокомандующій прислалъ изъ резерва отрядъ подъ командою генерала Бриммера съ приказаніемъ или возобновить атаку шорахскихъ высотъ, или-же, если первое окажется невозможнымъ, отступить. Бриммеръ, оставивъ приведенный имъ резервъ въѣ выстрѣловъ, въ томъ числѣ и 3-й бат. эриванцевъ, и найдя невозможнымъ продолжать штурмъ, приказалъ полковнику кн. Тарханову отступать—это было въ 11 часовъ утра.

Не-легко было князю Тарханову исполнить это приказаніе въ виду ожесточеннаго непріятеля, усиленнаго свѣжими баталіонами и карскими жителями съ оружіемъ въ рукахъ. Князь Тархановъ къ этой трудной операціи приступилъ съ тѣмъ-же невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ какимъ шелъ на батареи; онъ сначала отправилъ два непріятельскія орудія, взятая нами изъ укрѣпленія, и раненыхъ; потомъ, подъ це-

умолкаемымъ огнемъ, собрали знамена всѣхъ частей войскъ и приказали знаменщикамъ двигаться по направленію къ горѣ Муха, по гребню коей былъ уже развернутъ 3-й баталіонъ эриванцевъ, получившій приказаніе вмѣстѣ съ батал. рязанцевъ и 3-ми орудіями прикрывать отступленіе колонны Майделя; вслѣдъ за знаменами кн. Гархановъ приказалъ остальнымъ войскамъ, находившимся только въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ турокъ, проворно отбѣжать подъ прикрытіе; турки пытались было преслѣдовать, но встрѣченные залпомъ 3-го баталіона и 3-хъ орудій, остановились, провозжая наше дальнѣйшее отступленіе только крѣпостнымъ огнемъ.

Эриванцы, сгруппировавшись возлѣ своего полкового командира, котораго до этихъ поръ считали въ числѣ убитыхъ, построились по-баталіонно.

Еще ранѣе отступленія, тяжело раненаго капитана Василія Соколовскаго изъ редута несли на рукахъ нѣсколько солдатъ и такъ какъ турки стали наступать, то онъ, не желая подвергать другихъ гибели, попросилъ, чтобъ его оставили, передавъ солдатамъ письмо къ женѣ, бывшее при немъ, и орденъ, висѣвшіе на груди, сказавъ «Письмо и орденъ — женѣ»; затѣмъ тутъ-же и умеръ.

Многіе раненыя, съ запекшеюся кровью на лицѣ и рукахъ, ползли и прихрамывая спускались внизъ, гдѣ четыре сотни казаковъ ихъ собирали и свозили на перевязочный пунктъ, устроенный у подошвы горы Муха.

Колонна Майделя на этомъ штурмѣ съ честью сражалась и сдѣлала все, что только было въ силахъ людей, одушевленныхъ отвагою и мужествомъ. Этотъ штурмъ еще болѣе утвердилъ за полкомъ эпитетъ: «Желѣзные карабинеры». Нельзя исчислить всѣхъ случаевъ безпредѣльной храбрости и полного самоотверженія, съ какимъ какъ офицеры, такъ и солдаты Эриванскаго полка по нѣскольку разъ бросались на штурмъ подъ картечнымъ огнемъ; колонна Майделя выполнила диспозицію, потерявъ почти всѣхъ начальниковъ и половину людей.

Въ полку изъ трехъ баталіоновъ, бывшихъ въ бою, убито: оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 176 челов., ранено: штабъ-офицеровъ 5, оберъ-офицеровъ 26 и нижнихъ чиновъ 663.

ВѢДОМОСТЬ

убыли людей по-ротно слѣдующая:

Баталіоны.	Роты	Убито.	Безвѣст. пропав.	Ранено.	Всего.
1-го бата- ліона.	Е. В. .	25	—	77	102
	1 егерс.	4	14	67	85
	2 —	13	4	39	56
	3 —	11	17	54	72
Всего.		53	35	237	315
2-го бата- ліона.	2 кар.	12	—	43	55
	4 егер.	18	—	55	73
	5 —	7	12	44	73
	6 —	6	21	55	82
Всего.		43	33	197	283
4-го бата- таліона.	4 кар.	37	—	51	88
	11 егер.	22	—	82	104
	12 —	22	—	62	84
Всего.		81	—	195	276

Причины неудачи штурма и большой растраты людей скорѣе падо искать въ общихъ распоряженіяхъ, нежели въ недостаткѣ храбрости въ войскахъ при исполненіи ихъ (*). Многіе изъ участвовавшихъ на штурмѣ единодушно приписываютъ неудачу слѣдующимъ причинамъ:

1-е) Главкомандующій не имѣлъ ни точныхъ свѣдѣній,

(*) Вся наша потеря на штурмѣ по официальнымъ донесеніямъ—убито: шт.-офиц. 41, об.-офиц. 65 и нижн. чин. 2,278; ранено и контужено: генерал. 4, шт.-офиц. 23, обер.-офиц. 149, нижн. чинов. 4,784, взято въ плѣнъ 164, всего—7,226 человекъ.

ни подробнаго плана шорахскихъ высотъ; а главное—не было проводниковъ, знающихъ мѣстность, вслѣдствіе чего колонны пачальники рано ударили атаку и крикнули ура, обнаруживъ тѣмъ мѣсто своего движенія. Наконецъ, не имѣя при себѣ лѣстницъ, добѣжавъ до бруствера, гибли сотнями, пока взлѣзли на валъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по недоступности батарей, отступали съ громадною потерей назадъ.

2-е) Первая линія была растянута ротными колонами, имѣя за собой во второй линіи баталіоны не своего полка, что увеличивало общее разстройство: первая и вторая линіи, лишившись своихъ начальниковъ и смѣшавшись съ резервами другихъ частей, потеряли связь и строй; при размѣщеніи полковъ вглубь имѣлось-бы больше нравственной силы и порядка.

3-е) Резервы, находясь чрезвычайно далеко, не были употреблены въ время и прислались дробными частями.

4-е) Раскинутое дѣйствіе колонъ (съ четырехъ пунктовъ, кромѣ кавалеріи) подвергало ихъ всѣхъ сразу губительному огню непріятельскихъ батарей. Если пужно было привести непріятеля въ заблужденіе относительно главнаго пункта атаки, то для демонстраціи можно было употребить роты, но не цѣль для колонны, тѣмъ болѣе, что штурмъ предполагалось начать ночью,—и

5-е) Необходимо было, судя по крутизнѣ подъема, начинать штурмъ не въ четыре часа, а несравненно ранѣе; колонна Майделя имѣла большой успѣхъ до разсвѣта и если-бы ночь продлилась еще часъ, то, по увѣренію самихъ турокъ, шорахскія высоты были-бы ими окончательно очищены—темнота и ура всегда наводятъ на турокъ панической страхъ.

Въ 4 часа по полудни эриванцы, вмѣстѣ съ другими, усталымъ шагомъ возвращались въ лагерь, неся съ собою послѣднихъ раненыхъ съ перевязочнаго пункта; полкъ занялъ свое прежнее мѣсто и блокада была восстановлена.

18-го сентября, съ утра, печальные звуки похороннаго рожка и барабана раздавались по всему лагерю: наши войска отдавали

последнюю почесть своимъ убитымъ товарищамъ, а музыка провожала тѣла убитыхъ офицеровъ въ Александрополь, гдѣ на берегу Арпачая, у подножія крѣпости, и теперь возвышается одинокій холмъ, далеко видимый изъ предѣловъ Турціи и названный «Холмомъ чести»; тамъ въ теченіе трехлѣтней кампаніи образовано огромное кладбище, осененное могильными крестами.

Послѣ отбитія штурма, генералъ Вильямсъ дѣятельностію своею поддерживалъ оборону Карса, ободрялъ османовъ скорымъ прибытіемъ Омерь-паши съ войскомъ и ложнымъ извѣстіемъ о взятіи имъ Ахалциха (*).

Лордъ Стратфордъ-Камнинъ въ двухъ письмахъ увѣдомлялъ Вильямса (**), что онъ приложилъ всевозможныя старанія у Порты, дабы ускорили высылку помощи Карсу; дѣйствительно, Омерь-паша уже сосредоточилъ въ Гуріи 32-тысячный отрядъ, при 60 орудіяхъ, возлѣ рѣчки Чурукъ-су.

Муравьевъ съ своей стороны употребилъ все мѣры, чтобъ поддержать и продлить самую тѣспую блокаду—имъ даже были потребованы офицеры и роты, оставшіеся въ штабъ-квартирахъ, въ томъ числѣ и женатая рота эриванцевъ.

Бдительность нашихъ разъѣздовъ приводила въ отчаяніе турокъ—они не могли показываться внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ, ни одна ночная вылазка не удавалась: открываемые нашими пикетами, они быстро возвращались въ крѣпость. Убѣдившись, наконецъ, въ бесполезности всѣхъ своихъ покушеній прорваться сквозь наши пикеты и разъѣзды, турки, истомленные службою и голодомъ, стали дезертировать къ намъ въ лагерь, но были отправляемы обратно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Саганлугъ покрылся спѣгомъ и холода сдѣлались весьма ощутительными,—главнокомандующій приказалъ раздать солдатамъ полунубки и строить

(*) Отъ главноком. военному министру, № 1364, отъ 4-го октября, 1855 г. Т. ар

(**) Письмо Муравьева военному министру, отъ 14-го октября, 1855 г., № 36.

для помѣщенія зимніе бараки, чтобъ этимъ отнять у гарнизона послѣднюю надежду на спасеніе, которую въ нихъ Вильямсъ поддерживалъ, говоря: «Русскіе съ первымъ снѣгомъ снимутъ блокаду крѣпости».

Бараки устраивались такимъ образомъ: рыли для роты длинныя и значительной глубины четырехъ-угольныя ямы, потомъ стѣны выкладывали дерномъ и камнемъ,—сверху ставили стропила, связывая ихъ рейками, и переплетая послѣднія хворостомъ, наконецъ, поверхъ хвороста насыпали песокъ—и крыша была готова,—печки клали изъ камня и глины; дома начальствующихъ лицъ крылись тесомъ и украшались рѣзными расшивами.

Непріятное впечатлѣніе, произведенное штурмомъ, стало при работѣ забываться; солдаты: плотники, столяры и каменщики, которыхъ очень много было между эриванцами, съ щегольствомъ отдѣлывали дома баталіонныхъ и ротныхъ командировъ; лѣсъ возили изъ Саганлуга.

Къ 9-му октября бараки окончены, палатки исчезли и вмѣсто ихъ явились дома, образовавъ правильныя улицы; возлѣ рѣки Карсъ-чая были устроены бани и открытъ базаръ—купцы привезли шубы, теплыя сапоги и даже нѣкоторые предметы роскоши; греки устроили пекарни, между которыми явились даже кондитерскія. Этотъ новый городокъ, выстроенный въ теченіи двухъ недѣль, генераль Муравьевъ назвалъ «Владикарсомъ».

Въ концѣ октября открыта почтовая дорога изъ Владикарса въ Александрополь, все разстояніе, 80 верстъ, раздѣлено на 3 станціи; сверхъ того, учреждены этапы—одинъ изъ нихъ на Мугараджиевѣ заняла женатая рота Эриван. полка, выдвинутая туда въ половинѣ октября.

Между тѣмъ какъ у русскихъ былъ во всемъ достатокъ и изобиліе (такъ что эриванцы варили щи съ капустой), турки въ то время испытывали всѣ ужасы голода: они ѣли полудохлыхъ лошадей, разныя корни и небольшую дачу сухарей.

Бѣдственное ихъ положеніе еще болѣе усилилось съ наступившими морозами. Вильямсъ пытался было разобрать на дрова деревню Шорахъ, находящуюся въ сферѣ ихъ артиллерійскаго огня, на разстояніи $2\frac{1}{2}$ верстъ отъ батарей, а потому выдвинутая 22-го октября наша колонна подъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ, разобрала деревню на дрова, а остальное сожгла; тогда Вильямсъ вынужденнымъ нашелся разобрать на топливо деревянныя строенія въ Карсѣ.

10-го ноября получено генер. Муравьевымъ извѣстіе, что турки къ чему-то готовятся; на этомъ основаніи у насъ усилена блокадная линія, цѣпи и аванпосты удвоены,—сверхъ того, войскамъ приказано не раздѣваясь ложиться спать и дана диспозиція на случай, еслибъ турки пожелали пробиться.

Во 2-мъ часу дня, 12-го ноября, явился адъютантъ генерала Вильямса, маіоръ Тиздель, съ письмомъ, въ которомъ Вильямсъ просилъ разрѣшенія прибыть на слѣдующій день къ намъ въ лагерь. Муравьевъ, чрезвычайно обрадованный видимымъ началомъ переговоровъ, пазначилъ для встрѣчи Вильямса почетный караулъ, но, не довѣряя искренности турокъ и держась своей осторожной системы, приказалъ до окончательнаго занятія нами крѣпости усиливать на ночь пѣхотою кавалерійскій отрядъ Корсакова.

На другой день въ полудню прибылъ Вильямсъ; когда онъ вѣхалъ на мостъ, то нѣсколько солдатъ 3-й роты Эриванскаго полка удивили его: выпарившись въ банѣ до-красна, выбѣжали гурьбой и, по русскому обычаю, бросились въ холодную рѣку. Вильямсъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нихъ и, пожавъ плечами, улыбнулся.

Болѣе получаса Вильямсъ велъ переговоры съ главнокомандующимъ, потомъ, подписавъ предварительныя условія о сдачѣ крѣпости, пошелъ въ сопровожденіи дежурнаго адъютанта осмотрѣть нашъ станъ.

День стоялъ ясный, на небѣ не было ни облочка—эриванцы передъ своими бараками цѣли пѣсви и забавлялись отъ

души въ разныя игры, полковая музыка играла звучный кюрукъ-даринскій маршъ впереди фронта ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА роты. Вильямсъ заходилъ въ нѣкоторые офицерскіе и солдатскіе бараки и удивлялся прекрасному ихъ устройству и быстротѣ, съ которою они были построены на такой большой корпусъ; эриванцы, въ свою очередь съ большимъ любопытствомъ осматривали интереснаго гостя, а нѣкоторые солдаты дѣлали на его счетъ свои замѣчанія: «А вотъ и англійскій паша пріѣхалъ съ Карсу—онъ у нихъ, говорятъ, за старшаго; да какой онъ молодець—добавилъ другой—совсѣмъ на турка не похожъ.» Дѣйствительно, Вильямсъ былъ стройнаго, высокаго роста, съ открытымъ и привлекательнымъ лицомъ; его усы и волосы съ просѣдою, и морщины, проведенныя на лицѣ, показывали ему лѣтъ подъ пятьдесятъ; одѣтъ онъ былъ въ мѣховой бекешѣ поверхъ мундира и въ фуражкѣ, съ околышемъ изъ золотого галуна. Подъ вечеръ Вильямсъ уѣхалъ, обѣщая на другой день пріѣхать съ уполномоченнымъ отъ турецкаго мупира Васифъ-паши для подписи условій и назначенія дня сдачи.

15-го поября Вильямсъ окончательно подписалъ условія сдачи; онѣ заключались, въ главныхъ чертахъ, въ слѣдующемъ: 1) крѣпость должна быть сдана совсѣмъ оружіемъ и казеннымъ имуществомъ; 2) вся анатолійская армія, безъ исключенія, слагаетъ оружіе и сдается въ плѣнъ безусловно. По предложенію Вильямса, Муравьевъ соглашался отпустить по домамъ милицію и выслужившихъ сроки, но съ тѣмъ, чтобъ они не призывались на службу во все время войны.

Официальнымъ путемъ заключенныя условія о капитуляціи крѣпости вскорѣ разнеслись между эриванцами—всѣ радовались и поздравляли другъ друга съ окончаніемъ похода и со скорымъ выступленіемъ на зимовку въ штабъ-квартиру. Одно только возмущало эриванцевъ, что турки сдаются безъ боя.

Поздно вечеромъ того-же дня 1-й баталіонъ, выступивъ въ ночные «въ Дундуковку»—такъ солдатами была названа сто-

янка отряда полковника Дундукова-Корсакова; гдѣ-же стоялъ Эриванскій полкъ на Чифликъ-каѣ, это мѣсто называлось Царское село».

Наконецъ, насталь холодный и чрезвычайно пасмурный день 16-го ноября, рѣшившій судьбу карскаго гарнизона. Въ два часа по полудни явился Васиѣ-паша и объявилъ генер. Муравьеву о готовности къ сдачѣ выведенныхъ имъ уже войскъ изъ Карса. Наши полки съ утра стояли въ боевомъ порядкѣ съ заряженными ружьями, поджидая прибытія военно-плѣнныхъ турокъ.

При этомъ торжествѣ на долю шефской роты лейбъ-Эриванскаго ЕЮ ВЕЛИЧЕСТВА полка пришлось принимать турецкія знамена. Едва только ихъ офицеры-знаменщики передали свою святыню (12 знаменъ) въ наши руки, какъ громкое ура огласило воздухъ, музыка заиграла по всей линіи, а шефская рота, предшествуемая своею полковою музыкою, стройно съ непріятельскими знаменами пошла къ бараку ген. Муравьева. Знамена были сданы подѣ карауль.

Вслѣдъ затѣмъ 15-ти-тысячный остатокъ отъ 30-ти-тысячной анатолійской арміи, начавшей кампанію этого года, прошелъ унылымъ шагомъ мимо генерала Муравьева и вступилъ въ нашъ станъ, гдѣ ихъ ждалъ обѣдъ; изъ другой-же половины въ теченіе лѣта взято въ плѣнъ до 2-хъ тысячъ; изъ крѣпости бѣжали домой 3 тысячи, при штурмѣ 17-го сентября, въ разновременныхъ перестрѣлкахъ, отъ холеры и голода погибло до 8 тысячъ, а 1800 человекъ оставались въ карскихъ госпиталяхъ больными при 87 медикахъ и аптекаряхъ.

Сдавшіеся защитники Карса имѣли весьма жалкій видъ: лица ихъ выражали мученія голода и болѣзни,—сверхъ того, на всѣхъ была чрезвычайно дурная и ветхая одежда, а вмѣсто сапогъ, даже у многихъ офицеровъ, были надѣты поршни.

Одновременно со сдачею анатолійской арміи нашъ гарнизонъ, подѣ командою будущаго командира Эриванскаго пол-

ка, полковника де-Саже, вступилъ въ крѣпость и занялъ караулы. Каждый нашъ часовой смѣнялъ турецкаго, который, скинувъ перевязь и отдавъ ружье, отправлялся разоруженный къ сборному пункту.

Въ Карсѣ взято 130 орудій, 30 тысячъ ружей и значительный запасъ пороху и разныхъ боевыхъ снарядовъ.

На слѣдующій день небольшая наша колонна, въ коей находился и 2-й баталіонъ эриванцевъ, сопровождала до сел. Катанлы 6 тыс. редифовъ, отпущенныхъ на родину. На дорогѣ, по предложенію командира баталіона подполковника Врангеля, редифы, заподозрѣнные въ укрывательствѣ знаменъ, были обысканы и дѣйствительно у нихъ нашли 38 знаменъ и значковъ.

Остальные военнопленные въ трехъ эшалолахъ отправлены были чрезъ Тифлисъ въ Россію; первый эшалонтъ, въ числѣ 980 пленныхъ, конвоировала женатая рота эриванцевъ до Манглиса. Несчастные пленники отъ сильнаго холода, тоски и неумѣренности въ пище послѣ голода, въ большихъ размѣрахъ умирали на дорогѣ.

Чрезъ 17-й дней послѣ паденія Карса, полкъ 4-го декабря получилъ предписаніе выступить на зимовку въ свою штабъ-квартиру, сопровождая до Александрополя часть взятыхъ орудій въ Карсѣ.

Медленное путешествіе полка, тянувшася по грязи шагъ за шагомъ съ безпрестанными остановками, съ вытаскиваніемъ завязшихъ орудій, было чрезвычайно невыносимо; тѣмъ болѣе стояла самая ужасная—сырость, вѣтеръ и холодъ пронизывали до костей, а къ тому-же у всѣхъ завѣтною мечтою было пробраться поскорѣе въ уютный и почти родной уголокъ Манглиса. Наконецъ, на четвертый день, дотянувъ больше на себѣ орудія, въ Александрополѣ полкъ оставилъ ихъ въ крѣпости и, не смотря на глубокій снѣгъ и трескучіе морозы, почти бѣгомъ пробѣжалъ Мокрыя горы и спустился въ манглискую котловину.

Такъ завершили эриванцы трехъ-лѣтнюю войну. Всѣ очевидцы по самой строгой критической оцѣнкѣ единодушно признають, что въ полку главными и неустрашимыми бойцами были: князь Тарханъ-Моуравовъ 2-й, Мендѣлеевъ, Кантуровъ, Турчановскій, Шаликовъ и Богданъ Врангель.

Имъ и ихъ сподвижникамъ полкъ обязанъ и новою славою, и георгиевскими знаменами, и благосклоннымъ вниманіемъ Монарха.

Парижскій миръ, заключенный въ началѣ 1856 года, прекратилъ упорную и кровопролитную борьбу.

ГЛАВА XXI.

Стоянка полка въ 1856 году въ Манглисѣ. Реформы. Сформированіе стрѣлковыхъ ротъ. Походъ въ Дидо въ 1857 году; дѣло 11 іюня; уничтоженіе дидойскихъ ауловъ. Походъ въ 1858 г. въ Анцухъ—взятіе гурухмсейрскихъ высотъ. Разореніе анцухскихъ ауловъ. Голодъ. Знаменитое отступленіе съ Анцуха ночью. Штурмъ Китури. Пріѣздъ Ихъ Высочествъ МИХАИЛА и НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧЕЙ въ Телавъ. Комета.

Послѣ парижскаго трактата полкъ почти весь 1856 г. провелъ въ штабъ-квартирѣ, отдыхая и готовясь къ горской войнѣ.

Въ манифестѣ по случаю прекращенія турецкой трехъ-лѣтней кампаніи, между прочимъ, было выражено: «*Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности*». Слова эти произвели во всей имперіи могучее дѣйствіе и коснулись полка—всѣ встрепенулись, всѣ вдругъ пожелали сбросить съ себя старую рутину, много мѣшавшую успѣхамъ нашего оружія. Дорогие опыты, приобретенные въ войнѣ, показали, что арміи нашей, кромѣ мужества, лѣтны и шагистики, нужно хорошее оружіе и умственное развитіе.

Въ началѣ 1856 года командиромъ полка назначенъ былъ полковникъ де-Саже — человекъ умный и образованный. Подъ его руководствомъ баталіоны сначала вооружались ударными турецкими ружьями, взятыми въ Карсѣ, а послѣ нарѣзнымъ оружіемъ.

Для полка настало время трудовъ и новой, болѣе разумной дѣятельности: стрѣльба, правила какъ обращаться съ оружіемъ, фехтованіе и грамота — наполнили учебные часы въ ротахъ; тихій-же учебный шагъ, приемы на погребеніе и многіе другіе — были отмѣнены вовсе.

Кромѣ теоретическихъ занятій, полкъ строилъ въ Манглисѣ выше лагеря люнетъ съ флангами, а въ роцѣ для лѣтней стоянки устраивалъ для себя лѣтніе бараки изъ зелени, крытые древесною корою.

Между тѣмъ, отмѣнено ротамъ называться карабинерными и сгерскими, а повелѣно именоваться впредь каждаго полка нумерами: 1-го батал. — 1-я, 2, 3, 4 роты; 2-го батал. — 5-я, 6, 7, 8 роты и т. д. Высочайшимъ-же приказомъ, въ 17 день апрѣля, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было наименовать полкъ 13-мъ лейбъ-гренадерскимъ Эриванскимъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкомъ и назначить ему почетное мѣсто перваго полка въ кавказской гренадерской дивизіи. Полковникъ де-Саже, извѣщая объ этомъ своихъ лейбъ-гренадеровъ, выразился въ приказѣ такъ: «Наименованіе полка измѣнялось съ 1642 года не разъ, но любовь къ отечеству, повиновеніе и доблесть въ бою два вѣка хранятся подъ знаменами. Эриванцы, полкъ нашъ поставленъ первымъ въ ряду кавказской арміи — лучшей въ мірѣ. На насъ лежитъ высокая обязанность оправдать довѣріе августѣйшаго шефа» (*).

Де-Саже гордился славою полка, возбуждалъ въ офицерахъ ту-же гордость и любовь къ своему мундиру.

Онъ въ день Петра и Павла, 29 іюня, устроивъ въ Манглисѣ великолѣпный полковой праздникъ, стоившій ему около

(*) Приказъ по полку, отъ 1856 года. 29 мая.

4000 руб. сер. Одинъ павильонъ, выстроенный для этого случая въ сосновомъ паркѣ и украшенный полковою арматурою, стоилъ до полуторы тысячи. Къ этому дорогому для полка дню были приглашены на праздникъ главнокомандующій Н. Н. Муравьевъ и В. О. кн. Бебутовъ.

При почетномъ караулѣ находились всѣ отставные солдаты, служившіе при Муравьевѣ въ полку; между сѣдыми стариками, увѣшанными орденами, онъ узналъ стараго заповалу и своего банщика. Эти старые представители полка составили, по желанію главнокомандующаго, его караулъ—съ ними онъ долго бесѣдовалъ о прошломъ, а также разговаривалъ со многими офицерами, въ особенности съ пгг.-капит. Мендѣлеевымъ, подвиги котораго ему были извѣстны. Въ день пріѣзда гостей полковникъ де-Саже, зная національныя привычки главнокомандующаго, угостилъ его банею, гдѣ старый банщикъ, 30 лѣтъ тому назадъ парившій Н. Н. Муравьева, былъ и въ этотъ разъ при немъ. Затѣмъ главнокомандующій объѣзжалъ штабъ-квартиру, когда-то имъ основанную среди дремучаго лѣса и теперь разроснууюся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Вечеромъ люди всего полка гуляли на церковномъ плацу, среди щитовъ съ вензелями шефа и главнокомандующаго, горѣвшими предъ окнами его; пѣсенники воспѣвали подвиги своихъ любимыхъ начальниковъ:

Турчановскій, маіоръ храбрый,
Это въ дѣлѣ доказалъ;
На турецкихъ батареяхъ—
Онъ смерть славную сыскалъ.

На другой день главнокомандующій, отслуживъ благодарственный молебенъ въ церкви, выстроенной имъ во имя Петра и Павла, уѣхалъ съ княземъ Васиіемъ Осиповичемъ Бебутовымъ. Вслѣдъ за ними выступилъ 3-й баталіонъ въ Коджоры для занятія тамъ карауловъ и для исправленія коджорскаго спуска въ Тифлисъ.

Остальные-же баталіоны, по случаю ремонта казармъ, стали въ іюнѣ мѣсяцѣ въ баракахъ. Стоянка эта подъ сосновыми деревьями, въ прекрасномъ климатѣ и въ верстѣ отъ казармъ, была во всѣхъ отношеніяхъ привольна — солдаты, послѣ походной жизни, видимо поправлялись.

Высочайшій приказъ, состоявшійся 9-го февраля 1856 года о сформированіи стрѣлковыхъ ротъ, по одной при каждомъ баталіонѣ, былъ осуществленъ не ранѣе іюля, по недостатку людей въ полку; стрѣлковыя роты комплектовались молодыми, лучшими по стрѣльбѣ людьми (*); на нихъ были отпущены въ поле 7-ми-линейныя наръзныя ружья; по штату полагалось имѣть въ ротѣ одного ротнаго командира, четырехъ субалтернъ-офицеровъ (по числу полувзводовъ), одного фельдфебеля, каптенармуса, 8 унтеръ-офицеровъ, двухъ горнистовъ, 96 стрѣлковъ и 9 рядовыхъ безъ ружей для ротныхъ расходовъ по хозяйству; всѣ роты въ административномъ порядкѣ непосредственно подчинялись своимъ баталіоннымъ командирамъ; образованіе-же стрѣлковъ возлагалось на особаго штабъ-офицера, именуемаго начальникомъ стрѣлковъ. Съ вооруженіемъ всего полка наръзнымъ оружіемъ предполагалось штатъ усилить до 160 стрѣлковъ въ ротѣ; при сформированіи стрѣлковыхъ ротъ назначены были командирами ихъ поручики: первой — Сергей Башмаковъ, второй — Владиміръ Макѣевъ, третьей — Николай Шлиттеръ и четвертой — Ѳедоръ Штоквичъ.

Въ дни именинъ первыхъ трехъ ротныхъ командировъ установлены ротные праздники.

Стрѣлки систематически и усердно начали заниматься стрѣльбою подъ руководствомъ капитана Татынина, назначеннаго начальникомъ ихъ; результатъ стрѣльбы вскорѣ далъ хорошіе проценты.

(*) Первая рота комплектовалась людьми 1-го баталіона, такимъ образомъ, изъ шефской роты составилось 4-е отдѣл. 1-й стрѣлковой роты, изъ 2-й роты — 2-е отдѣл., изъ 3-й роты — 3-е отдѣл., изъ 4-й роты — 4-е отдѣл.; точно также формировались 2, 3 и 4-я стр. роты.

Пули, попадавшія въ яблоко мишени, были нерѣдкость; барабанщики не били уже полного похода виновнику счастливаго выстрѣла, какъ дѣлалось прежде.

По предложенію полковника де-Саже, учреждена опять офицерская сумма, которая передъ турецкою кампаніею была разобрана на руки собственниками-офицерами.

Правила для офицерскаго капитала составлены комитетомъ на болѣе лучшихъ началахъ—съ каждаго офицера опредѣлено вычитать въ треть въ основной капиталъ по 10 руб., пока капиталъ не возрастетъ каждаго до двух-сотъ рубл. сер.; выдавать заимообразно разрѣшалось не болѣе третнего жалованья и то за поручительствомъ офицеровъ; проценты, по 4% съ руб., поступали въ пользу собственниковъ. Сверхъ того, де-Саже далъ средства офицерамъ устроить табель-дотъ, общій столъ, и самъ въ немъ участвовалъ. Въ табель-дотѣ хорошій обѣдъ и ужинъ въ мѣсяць стоили 5 руб. сер. При его содѣйствіи это полезное учрежденіе имѣло правильный ходъ и значительно сокращало расходы офицеровъ (*).

Въ октябрѣ 1-й и 3-й баталіоны заняли въ Тифлисѣ гарнизонъ; здѣсь баталіоны, простоявъ зиму и получивъ благодарность отъ новаго главнокомандующаго, ген.-адъют. князя Барятинскаго, выступили раннею весною на лезгинскую линію вмѣстѣ съ двумя стрѣлковыми ротами—1-ю и 4-ю.

Въ рядахъ эриванцевъ уже многихъ не было изъ старыхъ карабинеровъ-бакенбардистовъ, дѣлавшихъ лезгинскія экспедиціи: одни изъ нихъ сложили свои молодецкія кости въ турецкую войну, другіе выпли за ранами въ неспособные, а третьи, прослужа по 30 лѣтъ (по случаю отечественной войны), выпущены въ отставку. Не многіе уцѣлѣвшіе ветераны руководили молодыми новобранцами и развивали въ нихъ боевой духъ.

Перейдя за Алазань, эриванцы расположились на живописномъ утхлѣтихельскомъ перевалѣ, въ переходѣ отъ укрѣ-

(*) Де-Саже отпускалъ отъ полка бесплатно хлѣбъ, овощи, кромя того, разрѣшилъ держать при табель-дотѣ команду охотниковъ.

плениа Лагодехъ, среди огромныхъ чинарей и орѣховъ, только что одѣвшихся въ свѣжую зелень—нѣкоторыя палатки раскинуты были подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ.

Баталіоны сначала рубили просѣку къ Лагодехамъ, потомъ, перейдя къ селенію Каратубанъ и оставивъ здѣсь палатки и тяжести, поднялись на уроч. Химрикъ, по крутизнамъ котораго расположились бивуакомъ, выше опушки лѣса на ружейный выстрѣлъ, въ полосѣ альпійскихъ травъ. Отсюда баталіоны разработывали спускъ къ Каратубани на разстояніи 28 верстъ—кирки, лопатки и мотыги пошли въ работу; къ первымъ числамъ іюля зигзаги были проложены—баталіоны спустились на плоскость, а къ 6-му іюля опять поднялись на главный кавказскій хребетъ, къ кодорской башнѣ. Генералъ Вревскій, принявъ отрядъ и желая обзрѣть дидойское общество, сталъ наступать; проходя по снѣговымъ ложбинамъ и глечерамъ главнаго хребта и разработывая на пути слѣдованія тропу, онъ къ 10-му іюля сосредоточился на урочищѣ Хупросъ-тави, гдѣ раскинулъ свой бивуакъ—палатки только взяты были для офицеровъ. Сюда съ Тушетинъ, черезъ гору Лай, долженъ былъ прибыть къ 14 іюля съ небольшимъ отрядомъ полковникъ Шаликовъ.

Генералъ Вревскій, осмотрѣвъ мѣстность и убѣдившись, что для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Дидо прежде всего необходимо проложить дорогу въ Хупро, черезъ лѣсистый гребень, представлявшій непріятелю всѣ удобства для защиты; 10-го іюля назначилъ колонѣ полковника де-Салле для просѣки и уничтоженія заваловъ, преграждавшихъ доступъ къ ауламъ; эриванцы, подгоняемые морозомъ и желаніемъ отличиться, быстро прошли пространство, отдѣляющее бивуакъ отъ горскихъ заваловъ; дидойцы сначала тихо сидѣли въ своемъ укрытіи, но вотъ наши орудія снялись съ выюковъ, раздался выстрѣлъ, другой, третій—и горцы съ бранью стали бросать завалы и укрываться въ лѣсъ, примыкающій къ заваламъ. Тушины, схвативъ винтовки, устремились за ними, а встѣдъ за тушина-

ми, по сигналу впередъ, бодрымъ шагомъ повесились въ атаку роты 1-го баталіона Эриванскаго полка; въ нѣсколько минутъ люди взбѣжали на заваль и заняли башню, стрѣлковая цѣпь охватила опушку лѣса—началась перестрѣлка; на наши частые, глухіе выстрѣлы, стали отвѣчать звучные и рѣдкіе выстрѣлы горцевъ. Показались въ лѣсу кое-гдѣ разноцвѣтные непріятельскіе значки, которые все ближе и ближе подступали къ цѣпи—пустили нѣсколько ручныхъ гранатъ, тушины кинулись въ шашки, а 9-я рота эриванцевъ, капитана Завріева, ударила въ штыки; значки отскочили, но уже нѣсколько отрубленныхъ непріятельскихъ рукъ были у тушинъ на дрогикахъ, а также отбитый пятисотенный непріятельскій значокъ былъ результатомъ ихъ удачной схватки; въ цѣпи, между тѣмъ, перестрѣлка становилась жарче и жарче—въ особенности съ лѣвой стороны, гдѣ мѣстность, по густотѣ лѣса и крутизнѣ оврага, способствовала горцамъ наносить вредъ 1-й стрѣлковой и 4-й нумерной ротѣ; цѣпь немного приподнялась вверхъ, стрѣлковые офицеры опредѣляли прицѣльныя линіи и стрѣляли по значкамъ, возлѣ которыхъ иногда группировались горцы: ружья хватили далеко и пули ложились мѣтко, что вызывало у горцевъ удивленіе и брань; они, имѣя до сихъ поръ дѣло съ кремневыми ружьями и зная преимущество своихъ выштовокъ передъ нашими, были, повидимому, озадачены.

Генералъ Вревскій, осмотрѣвъ спускъ въ дидойское общество и срывъ завалы, въ 4 часа далъ сигналъ къ общему отступленію на бивуакъ; дидойцы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, рассчитывая отмстить намъ при отступленіи, неоднократно бросались было преслѣдовать, но лишь только они показывались на открытомъ мѣстѣ, какъ стрѣлки мѣткими выстрѣлами заставляли ихъ укрываться въ лѣсъ.

Столь успѣшное дѣло стоило эриванцамъ—убить 1, ранено и контужено 22 человекъ—въ томъ числѣ маіоръ Казначеевъ, командиръ 5-го баталіона; Вревскій, свидѣтельствуя о мужествѣ и отличной дисциплинѣ войскъ, съ особенною по-

хвалою отзывается о полковникѣ де-Саже, который по представленію получилъ перстень съ вензелевымъ изображеніемъ высочайшаго имени (*).

Стрѣлки Эриванскаго полка, подѣ командою капитана Татьянина, первые въ русской арміи по сформированіи стрѣлковыхъ ротъ, были введены въ бой, и произвели должное дѣйствіе: дидойцы, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ впередъ, остановились въ недоумѣніи; далекій и мѣткій полетъ пуль, коническая ихъ форма и широкія рапы, подѣйствовали на горцевъ неблагопріятно. Между тѣмъ, нашему солдату придали ту вѣру въ свое ружье, которая играла весьма важную роль при окончательномъ умиротвореніи горскихъ племенъ.

Съ этихъ поръ кавказскіи солдаты, кромѣ личной храбрости, необыкновенной терпѣливости и труда—могъ противопоставить врагамъ еще оружіе; отсюда начинается небезпозная трата патроновъ, а стрѣльба, наносившая существенный вредъ неприятелю—самыя раны, получаемыя горцами, требовали серьезнаго и болѣе продолжительнаго леченія, чѣмъ прежде. Колона де-Саже подѣ прикрытіемъ стрѣлковыхъ ротъ поручиковъ Башмакова и Алферова, безъ потери возвратилась на бивуакъ Хупросъ-тави; войска здѣсь испытали сильную стужу; ночью съ 13 на 14-е іюля повалилъ хлопьями снѣгъ, поднялась къ утру сильная метель: снѣгъ замель спящихъ солдатъ, и только по маленькимъ бугоркамъ снѣга можно было опредѣлить мѣсто лежащихъ ротъ; утромъ выглянуло солнышко, проснулся лагерь, захрустѣлъ подѣ ногами бѣгающихъ солдатъ морозъ—въ лагерь сдѣлалось весело: шутки, смѣхъ раздавались всюду; зима, среди лѣта, для многихъ была явленіемъ неслыханнымъ; отъ холода эриванцы отшутились, но вскорѣ обна-

(*) Награды въ полкѣ: майоръ Рубенцъ и капитанъ Татьянинъ—чины.

Капитанъ Забрѣвъ.	} Орд. св. Анны 3-й ст.	Майоръ вв. Абалидзе.	} Станислава 2-й ст. съ мечамн.
Шт.-кап. Маркеничъ.		Капитанъ Рославель.	
Антоновъ.		Шт.-кап. Шлаттеръ.	
Поручикъ Свѣшнъ.	Орд. св. Станислава 3-й ст.	Поручики: Смирновъ.	Башмаковъ.

Нижеизъ чинамъ георіевскихъ крестовъ 31 Прик. по полку, 4 августа, 1838 г., № 216.

ружился недостатокъ въ провіантѣ: этотъ врагъ былъ сильнѣе перваго; за сухарь, уцѣлѣвшій у старыхъ солдатъ, каждый готовъ былъ отдать все, что было подъ рукой дорогого; между тѣмъ, сугробы снѣга, завалившіе дорогу, мѣшали транспорту съ провіантомъ присоединиться къ отряду; когда-же немного обогрѣло и ожидаемый транспортъ привезъ сухари, то отрядъ 16 іюля, съ разсвѣтомъ, 2 эшалонами двинулся къ аулу Хупро. Эриванцы шли во 2-мъ эшалонѣ полковника де-Саже, дорога пролегла по трудной мѣстности, отчего эриванцы только въ 6 часовъ вечера могли сосредоточиться на хупринскихъ пашняхъ; непріятель, напуганный 11-го числа, очистилъ аулъ и ограничился стрѣльбою съ далекаго разстоянія; наступила темная ночь—эриванцы, повзводно, соблюдая очередь, ложились спать; ночью внизу горѣлъ аулъ, на противоположной сторонѣ ущелья дидойцы пѣли предсмертныя заунывныя пѣсни—изрѣдка стрѣляя; ночь прошла быстро, съ разсвѣтомъ эриванцы занялись истребленіемъ хлѣба на корню и проложеніемъ дороги по занимаемой позиціи. Между тѣмъ, генералъ Вревскій, увѣдомленный о движеніи полковника Шаликова на Цендока, и желая съ нимъ соединиться, предписалъ де-Саже съ эриванцами въ ночь на 18-е іюня подняться на Хупросъ-тави, и пользуясь внезапностію, занять аулъ Хитраха и разработать къ нему лѣсистый спускъ; маневръ этотъ совершенъ удачно—горцы, отвлеченные Вревскимъ въ Хупро, почти безъ сопротивленія отдали Хитрахо, черезъ которое лежалъ путь къ Шаликову, который 20-го числа соединился съ высланною къ нему командою; де-Саже послѣ этого движенія поручалось еще разработывать прямую дорогу отъ Кодоръ въ Дидо. Тѣмъ эриванцы закончили первый періодъ лѣтнихъ дѣйствій, въ продолженіе которыхъ почти мѣсяць были въ движеніяхъ, бояхъ и работѣ.

Съ 7-го августа де-Саже проложилъ отличную выючную дорогу на Кодоръ, сталъ двигаться по главному хребту на уроч. Пахалисъ-тави, къ сборному пункту отряда. Тропа, по

которой велъ де-Саже эриванцевъ, едва доступна пѣшему челювѣку, и представляла на каждомъ шагу неимовѣрныя препятствія; съ помощію лома и лопатокъ, одолѣвъ кое-какъ непроходимыя мѣста, эриванцы къ 13-му августа присоединились къ отряду.

Посланные въ горы лазутчики, доставили генер. Вревскому слѣдующія свѣдѣнія: первое—дидойцы, уstraшенные нашими дѣйствіями, обратились къ Шамилю съ просьбою о присылкѣ войскъ; второе—Шамиль уже выслалъ противъ Вревскаго сына своего Кази-Магому съ сильнымъ скопницею и 15-ю наибями Чечни и Дагестана, при 4-хъ орудіяхъ, —и третье—что дидойцы и Кази-Магома, изумленные безпрестанными передвиженіями нашихъ отрядовъ чрезъ мѣста, ими нерасчитываемыя (*), перѣшajúтся вступать въ бой.

Вревскій, на основаніи этихъ показаній и желая доказать дидойцамъ все ничтожество присланной имъ Шамилемъ помощи, сдѣлалъ обратное движеніе и рѣшилъ сбить ихъ съ занимаемой позиціи.

Августа 16-го Вревскій стянулъ отрядъ на уроч. Нивикостьце и открылъ свои дѣйствія: въ 14 дней почти уцѣлѣвшіе дидойскіе аулы были уничтожены, въ чемъ эриванцы принимали весьма дѣятельное участіе—особенно при уничтоженіи ауловъ Элбаки, Кидеро (гдѣ жилъ дидойскій наибъ) и Видія. Очистивъ все пространство отъ Тушетіи до Капучи, Вревскій сталъ отступать,—но такъ какъ горцы укрѣпили дорогу на Кодоръ завалами, то войска 26-го августа, сбивъ Кази-Магому съ пахалиставскихъ высотъ, прошли по скалистымъ отрогамъ на Шильди, по тропѣ, совершенно неразработанной. При взятіи пахалиставскихъ высотъ майоръ Ружевичь съ 1-мъ баталіономъ и стрѣлками по крутому подъему зашелъ во флангъ, а полковникъ де-Саже съ 3-мъ баталіономъ ударилъ съ фронта; совокупное и дружное дѣйствіе эриванцевъ заставило гор-

(*) Репортъ генер. Вревскаго къ Барятинскому, отъ 14-го августа, 1857 г., № 497.

цевъ на этомъ пунктѣ бѣжать. Этимъ ударомъ окончилась экспедиція 1857 года. Къ чести полка нужно отнести и то обстоятельство, что, не смотря на ужасные труды и лишения, за все время похода не было ни одного бѣжавшаго, и «духъ полка—доносить Вревскій—возрасталъ по мѣрѣ трудовъ» (*).

Спустившись съ горъ, 3-й баталіонъ остался на зимовку въ Кахетіи, а 1-й баталіонъ и стрѣлковыя роты возвратились въ Манглись.

Съ окончаніемъ турецкой войны и съ назначеніемъ главнокомандующимъ кавказскою арміею князя Барятинскаго, правительство, поддерживая постоянно на Кавказѣ достаточныя силы и матеріальныя средства, для пастойчиваго веденія войны, сформировало въ концѣ 1857 года пять баталіоны въ 1-й бригадѣ кавказской гренадерской дивизіи.

На сформированіе 5-го баталіона въ Эриванскомъ полку постунили люди изъ гренадерскаго корпуса и резервн. баталіоновъ кавказской гренадерской дивизіи.

Роты 5-го баталіона названы: 17, 18, 19, 20 и 5-я стрѣлковая—баталіонъ получилъ аннинское знамя.

Къ веснѣ 1858 года полкъ, приведенный въ 5-ти-баталіонный составъ, имѣлъ по списку 5,868 челов. и былъ уже совершенно готовъ для военныхъ дѣйствій. По первому удару барабана, 1-й баталіонъ маіора Рукевича, 2-й баталіонъ кн. Абашидзе 2-го, 4-й баталіонъ маіора Татьянина и первые 4-ре стрѣлковыя роты, подъ командою маіора Антоневича, двинулись къ подножію главнаго хребта со стороны Алазани; лезгинскому отряду, какъ и въ прошломъ году, поставлялось задачею—разорять непокорныя общества южнаго Лезгистана и тѣмъ отвлекать непріятеля отъ главнаго пункта нашихъ операцій со стороны Чечни. вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалось на отрядъ проложить вычюныя дороги во внутрь горъ.

Въ первыхъ числахъ іюня всѣ три баталіона и четыре

(*) Рапорты Вревскаго кн. Барятинскому, №№ 436 и 497. Тифл. арх., дѣло по секр. описи генерал. штаба 2-го отдѣл., за 1857 годъ.

стрѣлковыя роты, въ колонѣ своего полкового командира, полковника де-Саже, поднялись на уроч. Пахались-тави, откуда до 22-го іюля разработывали спускъ къ шуагорской башнѣ; 24-го іюля прибылъ въ Пахались-тави по разработанной дорогѣ генер Вревскій.

Вечеромъ въ отрядную канцелярію по барабану собрались адъютанты за приказаніемъ и вскорѣ во всемъ лагерѣ сдѣлалось извѣстно, что на другой день назначенъ походъ къ горы.

Еще до свѣта пообѣдали роты и, окруживъ свои зажженные балаганы, смазывали саломъ кто сапоги, а кто и ружье, въ ожиданіи фельдмарша; построились въ ружье, проѣхалъ по бивуаку начальникъ отряда, привѣтствуя людей, вытянулся авангардъ, за тѣмъ передовая колона, выюки, прикрытіе и аррьергардъ; на пути слѣдованія къ этой части отряда присоединилась колона полковника Карганова.

Утро въ горахъ стояло пасмурное, по временамъ шелъ мелкій, но частый дождь; вершины горъ были плотно увуганы густымъ, непроницаемымъ туманомъ, а внизу надъ алазанской долиной стояло совершенно безоблачное небо, солнечные лучи золотили всю природу.

Къ полудню, не-много не доходя до главныхъ вершинъ, отрядъ сталъ располагаться лагеремъ по крутой ложбинѣ; пикетамъ, выдвинутымъ впередъ, не приказано показываться на вершинахъ, чтобъ тѣмъ не обличить наше движеніе; спустя часъ, начальникъ отряда съ стрѣлками и эриванск. ротами поднялся въ горы, имѣя въ виду осмотрѣть путь нашего наступленія. Впереди стрѣлковъ ѣхалъ полковникъ де-Саже; разсѣявшійся къ полудню туманъ опять спустился и помѣшалъ произвести дальнѣйшую рекогносцировку. Приказано отступать— вскорѣ у эриванцевъ поднялась общая тревога: не оказалось полкового командира. Четвертая стрѣлковая рота бѣгомъ выдвинута впередъ, горнисты, выставленные на вершины, стали подавать сигналы. Прошелъ часъ въ тщетномъ розыскѣ, а ту-

манъ къ вечеру все болѣе и болѣе сгущался. Наконецъ, гдѣ-то далекій послышался голосъ, бросились по направленію къ ущелью, голосъ раздался опредѣленно—то кричалъ заблудившійся вмѣстѣ съ де-Саже фурштатъ его, Леонтьевъ. У всѣхъ мелькнула мысль не попали-ли горцы уже на полковника—побѣжали впередъ, и къ общей радости нашли его живого, но совершенно измученнаго; лошадь-же его, выбившись изъ силъ, почти не двигалась. Де-Саже, сбившись съ дороги и попавъ въ какое-то бездонное ущелье, едва могъ выкарабкаться вверхъ, на звуки рожковъ; при этомъ случаѣ полковникъ и Леонтьевъ взаимно помогали другъ другу взлѣзть на скалы.

На слѣдующій день генераль Вревскій двинулся въ глубь горъ по мечитльскому хребту, лежащему на границѣ между Дидо и Капучею: хребетъ этотъ имѣетъ тактическія удобства постояннымъ командоваіемъ надъ окружающею мѣстностію; но вмѣстѣ съ тѣмъ разработка дороги, по узкому скалистому гребню его, представляла чрезвычайныя затрудненія, тѣмъ болѣе, что онъ лежитъ въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ, безъ топлива и воды, не имѣетъ даже пунктовъ для расположенія лагеря; по такой опасной стезѣ Мечитля могъ съ трудомъ пробираться только пѣшій горець.

Непріятная мѣстность, постоянный туманъ, холодъ и дождь, длившійся цѣлую недѣлю, понудили Вревскаго перевести войска на болѣе низкое мѣсто—Дабаль-гори. Отсюда люди должны были ходить на разработку дороги, отъ 10 до 15-ти верстъ, по самому крутому подъему, продолжавшемуся до 4-хъ часовъ ходьбы; на Дабаль-гори полкъ 29-го іюня отпраздновалъ свой полковой праздникъ.

Въ первыхъ числахъ іюля отрядъ снова поднялся съ Дабаль-гори на Мечитль и, пробивая по немъ тропу, грозно двигался въ области снѣговъ и кавказскаго радодендрона къ жилищамъ лезгинъ; на этомъ пути радодендронъ составлялъ единственное топливо, а снѣгъ замѣнялъ воду.

Вревскій, вступая въ раіонъ общества Капучи, предло-

жилъ жителямъ его покориться добровольно, обѣщая за то не трогать ихъ ауловъ и хлѣбовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ имъ двѣ недѣли сроку на размышленіе. Дидойское-же населеніе, доведенное до крайности прошлогоднимъ погромомъ, и проведя зиму безъ крова и пищи, издали только слѣдило за движеніемъ отряда (*).

15-го іюля Вревскій, безъ палатокъ, съ 10-ти-дневнымъ провіантомъ двинулся въ общество Анцухъ, оставивъ вагенбургъ на позиціи Зивари-котъ, и отправилъ наканунѣ выступленія транспортъ на плоскость за провіантомъ.

Общество Анцухъ расположено въ бездонныхъ ущельяхъ, образуемыхъ заоблачными отрогами богозскаго хребта; въ двухъ главныхъ ущельяхъ Анцуха текутъ быстрыя и глубокія рѣчки, которыя по слияніи своемъ составляютъ аварское Койсу. Препятствія, противопоставленныя природою и жителями, были чрезвычайны: скалистые обрывы, лѣса, каменные аулы, цѣлыя системы прочныхъ заваловъ, башенъ и укрѣпленій съ орудіями—составляли почти непроницаемый оплотъ; дорога, избранная для движенія въ Анцухъ, пролегаетъ по ущелью, образуемому отрогами богозскаго хребта, и подымается на высоту Эжеходо; высота была занята передовымъ скопищемъ, но оно, по приближеніи нашего авангарда, очистило высоту; на Эжеходо отрядъ расположился на ночлегъ.

На слѣдующее утро, 16-го іюля, лишь только занялась заря, отрядъ тремя штурмовыми колоннами, съ резервомъ, спустился въ мрачное ущелье, на днѣ котораго мчится потокъ Хванторъ; войска, переправясь по зыбкому мосту чрезъ рѣчку, стали подыматься на крутыя горухъ-меэрскія высоты, увѣнчанныя завалами и занятыя сильнымъ непріателемъ; завалы составляли главную защиту Анцуха. Три роты эриванд.—7-я и 8-я нумерныя и 4-я стрѣлк.—подъ командою капит. Кавторадзе, находились въ штурмовой центральной колонѣ полковника Карганова. Остальныя затѣмъ роты составляли резервъ.

(*) Рапортъ Вревскаго кн. Бяратинскому, отъ 15-го іюля, 1838 г., № 103. Тифл. арх.

Едва колонны поднялись до полугоры, какъ раздались предсмертныя пѣсни горцевъ, звуки которыхъ, какъ вой бури и клокотаніе моря, разливались по ущельямъ. Вслѣдъ за пѣснею они открыли жестокой, перекрестный огонь, а на колону полк. Карганова, гдѣ шли эриванцы, пустили тучи камней и бревень, которые, ударяясь о груды каменныхъ обваловъ, лежащихъ по крутому спуску, увлекали ихъ и вмѣстѣ стремительно летѣли въ бездну. «Моментъ былъ торжественный». Эриванцы и другія войска не дрогнули, но, лавируя по горѣ, двигались впередъ и, взявъ ружье на руку, тѣснили горцевъ изъ заваловъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ побѣдою, взопли на Гору хъ-меэръ—солдаты назвали эту гору *чортова лѣстница*, потому что она возвышалась крутыми террасами до 6 верстъ и казалась нескончаемою.

Взобраться на такую высоту въ жаркій іюльскій день, вступить съ непріателемъ въ бой и побѣдить его—могъ только кавказскій солдатъ.

На ночлегъ войска расположились въ уроч. Царахаритъ, гдѣ послѣ жары и сильнаго пота едва отъ холода попадали зубъ на зубъ.

На другой день 12 ротъ эриванцевъ, въ колонѣ де-Саже, сожгли аулъ Харада—мѣстопробываніе анцухскаго намба, штурмомъ взяли крѣпость Гетини-генъ съ двумя орудіями и расположились бивуакомъ около ауловъ Чадокала и Гольтрасо, на широкомъ плоскомъ хребтѣ, покрытомъ почти поспѣвшимъ хлѣбомъ. Отсюда 20-го іюля 1-й баталіонъ и двѣ стрѣлковыя роты ходили въ колонѣ ген. Дадіана чрезъ ущелье Сара-оръ къ главному аулу Мачара; горцы пытались его защищать, но обойденные съ хребта, вынужденными нашлись очистить аулъ, который тутъ-же былъ разоренъ и преданъ огню. Уничтоживъ Мачара, колона отступила, анцухцы съ ужаснымъ остервенѣніемъ подбѣгали почти въ упоръ къ арріергарду, который составляли эриванцы, но поражаемые пулями стрѣлковъ, устилали дорогу тѣлами, не причиняя намъ вреда.

Въ Анцухъ еще никогда не проникало русское оружіе, а потому здѣсь мюридизмъ крѣпко сплотилъ общественное устройство горцевъ, и они дрались съ полнымъ увлеченіемъ и удивительнымъ единодушіемъ.

Въ этотъ и слѣдующій день горцы по чадокольской нашей позиціи, съ противоположнаго берега Сара-оръ, стрѣляли изъ орудія каменными ядрами, безвредно для насъ, ибо ихъ ядра, то перелетали, то не долетали до бивуака.

На этой позиціи эриванцы испытали недостатокъ въ провіантѣ, а въ особенности въ соли—нѣсколько дней солдаты варили себѣ кашу изъ намолоченной, но еще недоспѣвшей ржи, отчего появились спазматическія боли въ желудкѣ; соль продавалась дороже сахара—отъ 30 до 50-ти коп. за фунтъ.

Разоривъ анцухскія деревни, Вревскій сталъ демонстрировать къ Анцросо, и привлекиши въ ту сторону вниманіе горцевъ, 22-го іюля началъ отступленіе съ Анцуха.

Избранный имъ путь пролегалъ по узкой тропѣ, по боку лѣсистаго и глубокаго ущелья, вверхъ по лѣвому берегу Койсу. Надо было выиграть время—по этому обратное слѣдованіе началось въ два часа ночи. Эриванцы прикрывали отступленіе отъ Анцуха.

По мѣрѣ того, какъ баталіоны снимались съ позиціи и вытягивались по горной тропѣ, партія горцевъ, зорко слѣдившая за нашими дѣйствіями, все болѣе и болѣе увеличивалась и приближалась къ лагерю. Когда-же тронулся послѣдній съ позиціи 1-й батал. эриванцевъ, то горцы, какъ коршуны, слетѣлись на мѣсто русскаго лагеря, на которомъ еще дымились бивуачные огоньки. Вслѣдъ за тѣмъ партія до 10,000 чел., подъ начальствомъ 9-ти наибовъ, двинулась съ барабаннымъ боемъ и пляскою по слѣдамъ нашего арріергарда. Они, рассыпавшись по верховью ущелья, въ которое спускался отрядъ, и занявъ правый берегъ Койсу, по скалистому склону Шубдигеэра открыли перестрѣлку. Имъ съ противоположнаго лѣси-

стаго гребня удачно отвѣчали стрѣлковыя роты Эриванскаго полка—стрѣльба шла черезъ глубокой оврагъ.

Горная тропа извивалась по лѣвому скалистому склону ущелья, съ одной стороны тропы вверхъ по косогорамъ возвышался лѣсъ, а съ другой почти отвѣсно, сажень въ 50, падала скала къ руслу ущелья, по дну котораго, съ шумомъ разбиваясь въ дребезги, текла рѣка.

Пока по такой стезѣ выюки и люди вытягивались въ нитку, арріергардъ застигла на дорогѣ ночь. Отрядъ, а въ особенности эриванцы, шедшіе сзади всѣхъ, были поставлены въ самое затруднительное положеніе, въ какомъ когда-либо находился кавказскій солдатъ—отовсюду угрожала опасность: арріергардъ могъ быть отрѣзанъ и сброшенъ въ ущелье; всю колону, вѣскольکو человекъ, засѣвшихъ въ лѣсу, могли остановить и истребить на выборъ; наконецъ, сгустившаяся темнота ночи заставила солдатъ оцупью блуждать надъ бездною; всякій нетвердый шагъ могъ стоить жизни.

Арріергардныя эриванскія роты, понимая всю важность своего положенія, до самой ночи оставались въ верховыхъ ущельяхъ, давая этимъ возможность остальнымъ войскамъ и выюкамъ безъ суеты спуститься внизъ; потомъ роты одна за другою быстро стали перебѣгать и занимать скалистые гребни, рѣзавшіе тропу подъ прямымъ угломъ; когда-же совершенно стемнѣло и маркитантскій скогъ, загородивъ тропу, остановилъ роты, то полковникъ де Саже, видя невозможность останавливать движеніе, счелъ необходимымъ сбросить скогъ въ ущелье: съ мычаньемъ и грохотомъ полетѣли быки въ пропасть и гдѣ-то далеко стали падать въ клокотавшую рѣчку; часть-же скота была оставлена на тропѣ въ добычу непріятели. Алчность горцевъ этимъ удовлетворилась—они, занявшись скотиною, прекратили преслѣдованіе и тѣмъ дали возможность арріергаду выйдти изъ опаснаго положенія; стрѣлковыя роты, стрѣлявшія черезъ оврагъ, тоже отошли благополучно; къ 2 часамъ ночи послѣдніе люди стянулись къ аулу Энзеба; тутъ роты, оста-

навливаясь на ночлегъ, до того были измучены, что въ полномъ походномъ облаченіи, даже нѣкоторыя съ ружьями въ рукахъ, заснули гдѣ кто могъ: утомленіе, бессонница и скудность пищи—ужасно изнурили эриванцевъ; начальникъ отряда, страдавшій слячкою и измученный отступленіемъ—заснулъ на дорогѣ: его на бурѣѣ принесли на позицію.

Солнце поднялось высоко надъ горами, когда отрядъ проснулся и двинулся далѣе. При отступленіи изъ Анцуха кавказскій солдатъ вполне показалъ себя первымъ воиномъ въ мірѣ, покорившимъ непроходимыя и недоступныя твердыни Кавказа. вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что нарѣзное оружіе и въ этотъ день еще разъ доказало всю его пользу.

Разореніемъ Анцуха былъ потрясенъ весь Анкратль; духъ горцевъ отъ понесенныхъ пораженій замѣтно падалъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на донесеніи о дѣйствіяхъ въ Анцухѣ собственноручно изволилъ начертать: *«Молодецкая экспедиція, за которую объявить благоволеніе ген.-лейт. бар. Вревскому и всѣмъ начальствовавшимъ, нижнимъ чинамъ по 2 р. сер., и войти съ представленіемъ объ отличившихся»*.

Въ серединѣ лѣта отрядъ занялъ огромный капучинскій аулъ Калаки, ибо жители Капучи все еще колебались изъяснить покорность. Въ Калаки присоединился вагенбургъ съ позиціи Зикаро-котхъ, оказія съ больными и ранеными подъ прикрытіемъ двухъ ротъ эриванцевъ спустилась на плоскость. Простоявъ пять дней въ Калаки, отрядъ перешелъ на позицію Танагу, куда изъ Сацхениса прибыла оказія съ большимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ войска терпѣли нужду; на Танагѣ сосредоточился весь отрядъ; эриванцы, получивъ сухари, были готовы къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Съ перваго августа Вревскій открылъ наступленіе въ общество Анцосо; въ теченіе четырехъ дней онъ вездѣ разбивалъ горцевъ, гдѣ только они непооявлялись, и взялъ съ бою аулъ Тларата—резиденцію анкратльскаго наиба, а также ве-

лучій туда мостъ чрезъ р. Чермь-оръ, уже зажженный горцами. Затѣмъ уничтожилъ всѣ аулы, хутора и отбилъ огромное количество разнаго имущества, оружія и до 3-хъ сотъ штукъ рогатаго скота.

Необыкновенный успѣхъ дѣйствій въ Анцросо былъ результатомъ блистательнаго пораженія Анцуха—сердца всего нетропутаго до этой поры Анкратля.

На позицію Саратло 9-го августа явился въ Вревскому посланный съ изъявленіемъ покорности отъ бывшаго анцухскаго намба Шаго и большой части Анцуха. Примѣру Шаго послѣдовало все безъ исключенія общество Капуча.

2-й баталіонъ опять ходилъ въ Анцухъ, но уже не для завоеваній, а для переселенія покорившихся жителей на плоскость. Нельзя не замѣтить, что во время переселенія горцевъ пожити и маленькихъ дѣтей несли женщины, а мужчины или ѣхали верхомъ или-же шли безъ всякой ноши.

Переселивъ покорившихся, Вревскій поручилъ полковнику де-Саже съ большею частію отряда двинуться въ общество Иланъ-хеви, съ цѣлью уничтожить аулъ Китури—постоянное сборное мѣсто скопищъ, грабившихъ Кахетію.

Де-Саже въ 7 часовъ утра, на-легкахъ, двумя колонами выступилъ къ аулу Китури; аванградъ его составляли четыре стрѣлковыя роты эриванцевъ, подъ командою маіора Антоневица; 5-я и 6-я роты маіора кн. Абашидзе слѣдовали за авангардомъ; въ 12 часовъ дня обѣ колоны соединились на вершинѣ Бешо.

Иланхевцы, увѣдомленные сторожевыми пикетами о движеніи нашихъ войскъ, быстро стали уходить въ горы, унося изъ аула Китури свое имущество и угоняя стада.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сосѣднихъ обществъ Богоса и Циндахо показались значительныя партіи Бакракъ-али, спѣшившія къ иланхевскому ущелью на помощь Китури.

Де-Саже, сообщая объ этомъ генералу Вревскому, вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ у него разрѣшенія—какъ поступить въ данномъ случаѣ: наступать къ аулу или остановить движеніе? Вревскій далъ приказаніе занять аулъ; на этомъ основаніи де-Саже усиленнымъ шагомъ двинулся съ авангардомъ къ Китури, чтобъ до соединенія непріятельскихъ партій занять аулъ и, если представится возможность, отбить горскія семейства и стада.

Ауль Китури расположенъ на одномъ изъ отроговъ богескаго хребта, при соединеніи двухъ ущелій, подъ самымъ скалистымъ обрывомъ, по правому берегу Илянхевъ-оръ; съ лѣвой стороны въ эту рѣчку упираются лѣсистые спуски хребта Бешо, по одному изъ нихъ спускались къ аулу наши войска. Китури былъ сильно укрѣпленъ: въ серединѣ его возвышалась каменная двухъ-этажная башня съ узкими бойницами, — къ этой башнѣ, командующей надъ всѣмъ ауломъ, вели кривыя улицы между укрѣпленными каменными саклями; какъ башня, такъ и сакли были заняты непріятелемъ, приготовившимся къ упорной защитѣ; съ фронта аула протекала стремительная рѣчка Илянхеви-оръ, а на флангахъ справа и слѣва возвышались каменистые отроги, — въ тылъ-же аула спускался скалистый обрывъ и ложбина. Столь сильная окрестная мѣстность аула Китури, еще незаятая непріятелемъ; побудила де-Саже безотлагательно обложить аулъ, и тѣмъ, лишивъ защитниковъ его всякой внѣшней помощи, принудить къ сдачѣ; лишь только милиція и стрѣлковыя роты маіора Антоневица прошли рѣчку въ бродъ, и по мосту, и стали подыматься къ аулу, какъ были встрѣчены сильнымъ огнемъ изъ башни, передовыхъ сакль и прочныхъ заваловъ. Эриванскіе стрѣлки, выйдя на лѣвый берегъ Илянхевъ-оръ, получили приказаніе остановиться въ 300 шагахъ отъ аула, а милиціи и взводу отъ четвертой стрѣлковой роты дано приказаніе тотчасъ идти въ обходъ—справа и слѣва отъ аула для занятій богескихъ высотъ. Полковникъ де-Саже, тѣмъ временемъ осмотрѣвъ Китури, полагалъ возмож-

нымъ подъ прикрытіемъ самой мѣстности штурмовать хотя часть аула; съ этою цѣлью онъ 2-ю стрѣлковую роту, поручика Алферова, выдвинулъ влѣво на бугоръ; одному-же взводу, отъ первой стрѣлковой роты, велѣлъ занять высоту вправо отъ аула; третьей-же стрѣлковой ротѣ, поручика Шлиттера, и первому взводу 1-й стрѣлковой роты, подпоручика Микеладзе, подъ командою маіора Антоновича, приказалъ штурмовать съ фронта, направивъ главный ударъ на правый уголъ аула. Стрѣлки быстрымъ, молодецкимъ ударомъ совершенно ошеломили дзегинъ, такъ что они, очистивъ переднія сакли, отступили въ глубь аула, куда за ними проникъ съ полувзводомъ прапорщикъ Макѣевъ; завязалась общая перестрѣлка и огонь сдѣлался такъ частъ, что впереди идущій прапорщикъ Микеладзе палъ пораженнымъ смертельно; командиръ 1-й стрѣлковой роты, подпоручикъ Микеладзе, раненъ (его мѣсто замѣнилъ поручикъ Свѣчинъ). Много солдатъ убито и ранено, въ особенности въ полувзводѣ Макѣева. Дальнѣйшее наступленіе къ башнѣ и заваламъ по узкимъ улицамъ, подъ перекрестнымъ огнемъ, сдѣлалось невозможнымъ. Макѣевъ далъ своему полувзводу сигналъ отступленія—сигналъ по ошибкѣ былъ принятъ всей колоной (*). Стрѣлки отбѣжали отъ аула, но лишь только получили приказаніе вновь штурмовать аулъ, всѣ они съ тѣмъ-же блистательнымъ мужествомъ вторично ворвались въ переднюю часть аула и утвердились въ немъ. Такой, истинно отважный подвигъ могли совершить войска, проникнутыя геройскимъ духомъ. Отчаянная защита горцевъ побудила де-Саже подвести артиллерию двѣ мортиры и два горныхъ единорога) и прикрывъ ее въ 300 шагахъ отъ аула эполементами, открыть канонаду; эполементы съ удивительной быстротою устроили саперы и взводъ 3-й стрѣлковой роты прапорщика Макѣева, тутъ-же раненаго. Открытая нами бомбардировка изъ орудій малаго діаметра не приносила непріятелю большаго вреда—только вѣскольکو гранатъ сквозь бойницы проникли въ башню.

(*) Изъ разсказа капитана Фозъ-дери-Моне.

Съ послѣдовательнымъ прибытіемъ войскъ, де-Саже вводилъ ихъ въ дѣло: 5-й и 6-й ротамъ, подъ командою маіора кн. Абашидзе, приказано штурмовать ауль съ лѣвой стороны. Передъ 6-ю роту шли подъ выстрѣлами кн. Абашидзе, поруч. Вашклевичъ, юнкера Спировъ и Церетели, а впереди 5-й роты наступалъ фельдфебель Литвиненко. Князь Абашидзе людьми этихъ ротъ занялъ ближайшія сакли и сталъ ихъ жечь, но тутъ-же былъ раненъ. Одновременно съ кн. Абашидзе прибылъ подполковникъ Габаевъ съ 4-мя ротами грузинцевъ; Габаевъ мужественно пошелъ на штурмъ, но встрѣченный сильнымъ огнемъ, остановился; между тѣмъ, у насъ въ тылу на лѣсистомъ отрогѣ хребта Бешо показался Бакракъ-али съ скопичемъ; для удержанія Бакракъ-али, покушавшагося дѣйствовать намъ въ тылъ, де-Саже выставилъ двѣ роты гамбургскихъ стрѣлковъ гренадерскаго батал. и одну роту грузинцевъ.

Положеніе наше сдѣлалось крайне затруднительнымъ; генераль Вревскій, слѣдившій съ горы Бешо за ходомъ штурма, явился самъ на мѣсто боя вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба подполковникомъ Гарднеромъ; Вревскій войсками съ фронта усилилъ фланги и поручилъ начальство надъ лѣвымъ Гарднеру, а самъ распоряжался дѣйствіями праваго фланга; онъ, устремляя на штурмъ войска, сказалъ: «Надо доказать горцамъ, что если русскіе начали штурмъ, то не отступать, не взявши аула, хотя-бы то стоило большихъ жертвъ: разъ начатое дѣло — надо кончить». Лучше здѣсь потерять нѣсколько десятковъ людей, чѣмъ, отступивши, тратить мелочами, а главное пельзя позволить непріятелю, упавшему уже духомъ, почувствовать свои силы, и тѣмъ затормозить покореніе горъ.

Впереди 4-й стрѣлковой и 5-й ротъ эриванцевъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ наступалъ по кособору полковникъ Гарднеръ; къ общему сожалѣнію, онъ въ началѣ атаки былъ раненъ 3-мя пулями; стрѣлки 4-й роты, слѣдовавшіе за нимъ, потеряли сильную потерю въ людяхъ. Наступленіе на этомъ пунктѣ обратилось въ бойню: узкая тропа покрылась ранены-

ми и убитыми—каждый шагъ впередъ стоилъ жизни многимъ; Гарднера, истекавшаго кровью, нѣсколько разъ прапорщикъ Ульяновъ 4-й пытался вынести, но всякій разъ градъ новыхъ пуль дѣлалъ предпріятіе невозможнымъ. Только къ вечеру, когда горцы, значительно поуменивъ свои боевые сваряды, ослабили огонь; Гарднера вынесли на носилкахъ люди 4-й стрѣлковой роты; онъ покойно, безъ стонувъ, лежалъ изувѣченный одинадцатью ранами и обезсиленный отъ потери крови.

Съ противоположной стороны нашего праваго фланга кинулись въ атаку 3-я стрѣлковая и 6-я роты, подъ начальствомъ поручика Николая Шлиттера. Роты смѣло проникли въ самый центръ аула къ подножію башни, впереди наступалъ начальникъ дивизіи ген. Вревскій; онъ, ободряя солдатъ, говорилъ: на штыки ихъ—на штыки; къ несчастію, столь отважный и одинъ изъ лучшихъ кавказскихъ генераловъ, онъ палъ смертельно раненый двумя пулями. Шлиттеръ, пренебрегая опасностію и желая подать скорѣйшую помощь, приказалъ людямъ своей роты вынести раненаго начальника дивизіи. У Шлиттера въ этотъ моментъ прострѣлена шапка и сюртукъ. Между тѣмъ, солдаты, окруживъ башню, но не имѣя лѣстницъ и не видя никакой возможности штурмовать ее, усѣлись у ея подошвы, куда не проникали выстрѣлы. Наступившія сумерки въ такомъ положеніи застали штурмующія войска. Начальникъ кодоны, полковникъ де-Саже, рѣшилъ, убравъ раненыхъ, оттащить баталіоны на позицію, съ тѣмъ, чтобъ съ разсвѣтомъ возобновить штурмъ. Но мѣрѣ того, какъ солдаты очищали аулъ, горцы съ дикими возгласами и остервенѣніемъ бросались на оставленные нами тѣла убитыхъ: раздѣли ихъ до-гола, изрубали въ куски и предали поруганію.

Ночью защитники Китури, по неимѣнію болѣе патроновъ, рѣшили на джемаѣ (совѣтъ) оставить аулъ. На этомъ основаніи они во второмъ часу ночи стали между пылающими саклями пробираться въ ущелье; часть нашихъ войскъ, какъ доносить де-Саже, ихъ преслѣдовала.

Потеря Вревскаго и его начальника штаба была глубокимъ горемъ для всего отряда.

Боевая служба Вревскаго на Кавказѣ составила ему имя дѣятельнаго, предприимчиваго и храбраго отряднаго начальника — онъ былъ изъ числа тѣхъ, которому вполне довѣряли войска: солдаты безъ ропота перенесли всѣ тяжелыя требованія, которыя вызываються горною войною, зная, что всѣ лишения происходятъ не отъ распорядительности начальника, но именно отъ тѣхъ неизбежныхъ жертвъ, которыми покупаются благопріятные результаты экспедиціи; офицеры точно и охотно исполняли всѣ его распоряженія, сознавая, что отъ него много можно научиться, а знаніе этой науки было сильно развито боевою дѣятельностію кавказскихъ войскъ. Сколько разъ отрядъ Вревскаго былъ окруженъ скопищами и казался поставленъ въ безвыходное положеніе, но предприимчивый Вревскій, знавшій вполне непріятеля, съ которымъ имѣлъ дѣло, умѣлъ пользоваться всѣмъ ловко и счастливо, и не только выводилъ отрядъ изъ такого положенія, но и достигалъ того результата, задачей котораго было предпринимаемое имъ движеніе.

Въ этой послѣдней кровавой схваткѣ русскихъ съ лезгианами, гдѣ эриванцы столько пролили драгоцѣнной для соотечественниковъ крови, исполняя честно и мужественно свой долгъ, палъ въ рядахъ эриванцевъ генераль Вревскій, такъ долго и искусно руководившій отрядами. вмѣстѣ съ нимъ палъ какъ мы видѣли, молодой, полный жизни и надеждъ генеральнаго штаба полковникъ Гарднеръ, услѣдшій уже пріобрѣсти между кавказцами репутацію смѣлаго боевого офицера.

Въ столь упорной и продолжительной китурской битвѣ эриванцы понесли уронъ убитыми 23 и ранеными 90 человекъ (*). Убитые похоронены на берегу рѣки Илянхевъ-оръ.

За оказанные подвиги при взятіи штурмомъ Китури поручикъ Николай Шлиттеръ, по опредѣленію кавалерской думы, удостоился получить орденъ св. Георгія 4 степени.

(*) Рапортъ де-Саже, отъ 23-го августа, 1858 г., № 132. Тифл. арх.

Бромъ Шлиттера, де-Саже въ своемъ донесеніи, въ числѣ особенно отличившихся, выставляетъ маіора Антоновича, поручиковъ Алферова и Свѣчина, подпоруч. Микеладзе и прапорщ. Ульянова 4-го, Сливацкаго и фонъ-деръ-Ноне. Очевидцы еще съ похвалою отзываются о хладнокровномъ и смѣломъ дѣйствиі поруч. Вашклевича и въ особености о фельдфебель Литвиненко, который, защищая себя и товарищей дубовою доскою, первый приблизился къ башнѣ и изыскивалъ всѣ средства зажать ее,—но такъ какъ она была сложена изъ прочнаго камня, безъ дерева, то всѣ его попытки остались тщетны (*).

Эриванцы, почувъ въ мрачномъ ильмхевскомъ ущельи, поджидали съ часу на часъ нападеніи Бакракъ-али, занявшаго горы; но онъ, не смотря на всѣ выгоды, какія ему представляла эта ночь, не отважился вступить въ дѣло.

На другой день послѣ разоренія Китури войска печально отошли въ лагерь на уроч. Кхедо; партія горцевъ около 500 человекъ преслѣдовала отрядъ, но нарѣзные ружья ихъ удерживали въ отдаленіи.

Съ Кхедо 23-го августа колонна, въ томъ числѣ и четыре роты эриванцевъ, сопровождали на плоскость равненьхъ и большихъ,—остальная часть отряда, съ 10-ти-дневнымъ провіантомъ, безъ палатокъ, подъ начальствомъ полковника Карганова, занявшаго мѣсто отрядного начальника, передвинулась на уроч. Барисъ-мейданъ, для дѣйствиі въ Дидо. Здѣсь участвовали восемь ротъ эриванцевъ при вторичномъ разореніи аула Хитрахо и 28-го августа при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Циберо, который былъ защищаемъ отважнѣйшими мюридами изъ шайки Даніель султана. Мюриды въ этомъ аулѣ, точ-

(*) Награды за Ануштъ и Китури получены: полк. де-Саже, маіоры: Абашидзе 2-й, Антоновичъ, шт.-кап. Потебля, Каменскій, Шлиттеръ, Ирминскій, поручики: Смирновъ, Свѣчинъ, Мамацевъ, Макеевъ, Алферовъ, подпоруч. Семеновъ, прапорщики: Маргуладзе 2-й, Макеевъ 3-й, Гапоновъ и фонъ-деръ-Ноне—награждены слѣдующими чиномъ: маіоръ Татъяшинъ—орд. Станислава 2 ст., поруч. Ждановъ—этого-же ордена 3-й степ. Нижнимъ чинамъ пожаловано 33 знаковъ отличія военнаго ордена. Въ числѣ послѣднихъ фельдфебель Литвиненко получилъ золотой крестъ 1-й ст., а Бережной—такой-же крестъ, 2-й степени.

но также, какъ и въ Китурѣ, засѣли въ трехъ-этажную башню— въ надеждѣ отстоять ее, но по разореніи стѣнъ артиллеріею, погибли на штыкахъ. Завершивъ этимъ штурмомъ дѣйствія въ Дидо, Каргановъ въ тотъ-же день началъ отступление. Горцы, лишеныя всѣхъ средствъ къ жизни, рассыпались по горамъ и, какъ-бы въ послѣдней агоніи своего существованія, напрягая всѣ силы, старались отмстить «гяурамъ». Нѣсколько разъ они съ отчаяннымъ остервенѣніемъ бросались въ кинжалы на хвостъ арріергарда, но обезсиленное ихъ мужество въ долгой борьбѣ съ русскими—видимо угасало.

Молебствіемъ 30-го августа въ день тезоименитства Государя Императора закончена многотрудная экспедиція въ горы. Въ этотъ и слѣдующій день выпалъ въ горахъ снѣгъ, поднялась метель и настала столь сильный холодъ, что легко одѣтые солдаты и неспіе въ голыхъ рукахъ ружья, отмораживали пальцы. Эриванцы, промерзнувъ до костей, спустились по андаразанскому отрогу въ теплую и благодатную Кахетію, которая съ своимъ виноградомъ, молодымъ виномъ, казалась въ то время, безъ преувеличенія, раемъ. Изъ сел. Кварели 1-й баталіонъ и стрѣлковая рота эриванцевъ несли въ городъ Телавъ раненыхъ ген. Вревскаго, подполков. Гарднера и подпоруч. Микеладзе; оба первые скончались отъ ранъ, Гарднеръ умеръ на алазанской переправѣ, а Вревскій скончался въ Телавѣ. Эриванцы, сопровождая гробъ начальника дивизіи, отдали послѣднюю мірскую почесть его браннымъ останкамъ.

Вскорѣ затѣмъ посѣтили Телавъ Ихъ Высочества НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ и МИХАИЛЬ НИКОЛАЕВИЧЪ. Эриванцы въ этотъ пріѣздъ въ первый разъ представились МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ, будущему своему главнокомандующему и однополчанину. Ихъ Высочества посѣтили раненыхъ и каждому сказали по нѣскольکو благосклонныхъ словъ. Кахетинскіе помѣщичьи дѣлали балъ для Ихъ Высочествъ, павильонъ для котораго былъ устроенъ изъ виноградныхъ лозъ съ кистями свѣжаго винограда; колонны, обвитыя гирляндами и увѣшанныя туръ-

ими рогами, отдѣланными въ серебро, украшали колонны. Кахетинскія княжны и княгини подъ звуки свирѣли и неумолкаемой зурны танцовали лезгинку въ присутствіи Ихъ Высочествъ. Офицеры Эриванскаго полка были приглашены на этотъ балъ, а солдаты принимали участіе въ народномъ гуляньи; полковая музыка играла нѣсколько пьесъ предъ балкономъ Ихъ Высочествъ и удостоилась получить похвалу «славно».

Одновременно съ стоянкою эриванцевъ въ Телавѣ показала на сѣверѣ комета. Старые солдаты по поводу явившейся кометы пророчили себѣ новый походъ, и дѣйствительно 1-й и 3-й батал. съ своими стрѣлковыми ротами, лишь только прибыли въ Тифлисъ, какъ получили маршрутъ для слѣдованія на лѣвое крыло кавказской линіи.

Полковникъ де-Саже, извѣщая выступающія части полка о новомъ походѣ, выразился въ приказѣ: «1-й батал., 1-я и 3-я стр. роты, только что совершивъ достопамятный походъ въ горы Анкратля, нынѣ избраны съ 3-мъ батал. для участія въ экспедиціи въ Чечнѣ. Имъ предстоятъ новые труды, новые подвиги, столь испытаннаго ихъ мужества. Похвалы Державнаго шефа полка направятъ силы ихъ къ благородному соревнованію».

ГЛАВА XXII.

Чеченскій походъ 1-го и 3-го баталіоновъ. Взятіе аула Ведено. Полковникъ Фохтъ. Лезгинскій походъ 2-го батал. и трехъ стрѣлковыхъ ротъ. Взятіе аула Шаури. Покореніе Анкратля. Князь Варягинскій наступаетъ въ Андію. Взятіе Гуниба. Шамиль. Смерть Фохта. Полковникъ Борисъ Федоровичъ князь Голицынъ.

Силы Шамиля въ послѣдніе два года войны значительно поослабли, но онъ съ дѣятельностію, возраставшею по мѣрѣ обрушавшихся на него бѣдствій, надѣялся еще отстоять Ич-

(*) Приказъ по полку, отъ 1-го октября, 1838 г., № 280.

керію. Собравъ полчище съ выше 12/т. человѣкъ, онъ трудился надъ сооруженіемъ новыхъ укрѣпленій при выходѣ на таузенскую долину, для защиты доступа къ аулу Ведено—центру Ичкеріи, бывшему въ теченіе послѣднихъ 14-ти лѣтъ любимую его резиденціею.

Зимою 1859 года эриванцы, 1-й и 3-й баталіоны, въ новыхъ полушубкахъ, пройдя чрезъ снѣжный переваль главнаго кавказскаго хребта, съ 25-го октября вошли въ галашевскій отрядъ генерала Евдокимова. Сначала баталіоны прикрывали переселеніе назрановцевъ, а потомъ, съ 1-го ноября, приступили къ просѣки дремучихъ лѣсовъ малой Чечни у предѣловъ военно-осетинскаго округа. Въ этой странѣ, по безводнымъ дѣбрямъ гнѣздились еще разбойничьи деревушки бѣглецовъ и абрековъ. Просѣка производилась по акіюртскому ущелью на рѣчки Мужичъ и Алкунъ галашевскаго общества. Здѣсь оба батал., подъ командою полковника Фохта, будущаго своего полкового командира, участвовали при занятіи высотъ Басынъ-берды. Холодъ былъ ужасный (*)—на Басынъ-берды замерзло шесть казенно-подъемныхъ лошадей. Затѣмъ оба баталіона вошли въ составъ отряда, предназначеннаго дѣйствовать въ большой Чечнѣ. Передъ рождествомъ эриванцы изъ Шали двинулись въ Ичкерію, по ущелью Басы—люди были бодры, веселы и смѣло двигались къ непокорному аулу Агашты, работывая дорогу и ведя перестрѣлки. На другой день рождественскихъ праздниковъ, 26-го декабря, пѣхота, вышедшая на рубку, замѣтила въ большихъ массахъ непріятеля, который сейчасъ-же завелъ перестрѣлку и началъ напирать на правую цѣпь; придвинулись наши резервы и въ теченіе трехъ часовъ удерживали напоръ горцевъ, которые вскорѣ затѣмъ скрылись. На слѣдующій день эриванцы, въ колоннѣ полковника Бажанова, выступя по обыкновенію въ 7 часовъ утра на просѣку, нашли въ четырехъ верстахъ отъ своего лагеря по сре-

(*) Репортъ ген. Евдокимова кн. Барятинскому, отъ 3-го ноября, 1858 года, № 1895. Тифл. арх.

динѣ просѣки большой заваль, занятый горцами и влѣво отъ него другой на горѣ. Выждавъ приближенія орудій, Бажановъ, открылъ артиллерійскій огонь, и приказалъ двумъ эриванскимъ ротамъ капитана Шлиттера занять заваль, находящійся влѣво на горѣ; порученіе это было исполнено скоро и смѣло: заваль заняли и разбросали, потерявъ только двухъ рядовыхъ ранеными. Одновременно съ штурмомъ завала влѣво полк. Бажановъ повелъ атаку на другой заваль съ фронта — горцы держались; тогда колонный пачальникъ направилъ въ обходъ по баталіону отъ эриванцевъ и грузинцевъ; лишь только показались эти баталіоны въ тылу завала, горцы, сдѣлавъ залпъ, бросились бѣжать (*). Потерявъ завалы, чеченцы въ теченіе дня ограничивались только стрѣльбою изъ орудія. Спустя три дня, именно 29-го декабря, горцы, собравшись значительнымъ скопищемъ, открыли сильную перестрѣлку и кидались съ ожесточеніемъ то съ фронта, то на правую, то на лѣвую цѣпи, но вездѣ ихъ встрѣчалъ нашъ мѣткій огонь и осаживалъ назадъ. Въ этотъ-же день двѣ роты эриванцевъ, находясь въ колонѣ, выдвинутой впередъ, участвовали при взятіи завала, преграждавшаго доступъ къ аулу Агашты. 31-го декабря старый 1858 годъ эриванцы завершили взятіемъ аула Агашты. Въ теченіе упомянутыхъ дѣлъ всего ранено 6 чел.

Въ первый день поваго 1859 года эриванцы участвовали на рекогносцировкѣ, предпринятой съ цѣлью осмотрѣть таузенское ущелье; оказалось, что оно сильно укрѣплено бревенчатыми завалами и покрыто лѣсомъ, а потому генералъ Евдокимовъ пачалъ рубку въ глубь ущелья. Въ полночь, съ 14 на 15 января, восемь ротъ эриванцевъ въ авангардѣ, подъ начальствомъ полк. Бажанова, были направлены въ тылъ неприятельскихъ укрѣпленій; двѣ-же роты, въ колонѣ ген.-маіора Кемферта, двигались въ правой цѣпи прямо по ущелью.

Горцы, какъ казалось, думали упорно защищаться, но увидѣвъ обходную колону полковн. Бажанова, совершавшую

(*) Рапортъ генер. Евдокимова кн. Барятинскому, отъ 4-го января, 1859 г., № 11.

по снѣжнымъ горамъ переходъ, послѣ кратковременнаго сопротивленія, очистили завалы; такимъ образомъ заняты Таузенъ, весьма важный пунктъ въ стратегическомъ отношеніи, какъ узелъ дорогъ, ведущихъ въ Ведено, Андію и Шатой (*).

По взятіи аула Таузенъ и заваловъ по рѣкѣ Бассѣ, эриванцамъ вмѣстѣ съ другими частями войскъ предстояли обыкновенные труды—очищеніе пройденнаго пространства отъ лѣса шириною въ 600 сажень и устройства колеснаго сообщенія отъ прежней позиціи къ новой; сверхъ того, необходимо было устроить промежуточное укрѣпленіе у аула Таузенъ для дальнѣйшихъ дѣйствій; при общемъ усердіи какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, къ 26-му января работы были окончены.

Февраля 7-го генералъ Евдокимовъ предпринялъ движеніе къ аулу Ведено; дорога, ведущая къ резиденціи Шамиля, на каждомъ шагу представляла горцамъ удобныя оборонительныя позиціи и давала возможность оспаривать каждый нашъ шагъ впередъ.

Шамиль и Кази-Магома съ большею частью тавлинскихъ набовъ, имѣвшихъ до 6/т. человекъ, при 6-ти орудіяхъ, занимали Ведено, а мелкія партіи были рассыпаны по дорогѣ и въ окрестностяхъ Ведено.

Чтобы лишить горцевъ возможности къ упорной войнѣ и пройти къ Ведено безъ большихъ потерь, генералъ Евдокимовъ снова предпринялъ движеніе: съ фронта главными силами и въ обходъ; 3-й баталіонъ, подполковника Абашидзе 1-го, въ обходъ колонъ полковника Бажанова; 6-го февраля, въ 8-мь часовъ вечера, двинулся съ бивуака и къ полуночи, при свѣтѣ луны, перейдя оврагъ, сталъ подыматься въ горы по едва замѣтной тропинкѣ, мѣстами пропадавшей въ глубокомъ снѣгу; обходныя войска двигались цѣлую ночь и къ 8-ми часамъ утра заняли вершину хребта, въ виду изумленныхъ защитниковъ Ведено, а нѣсколько позже, часть колонны заняла аулъ Хорочой на

(*) Рапортъ ген. Евдокимова кн. Бяратцскому. Тифл. арх., секр. дѣло по генер. штабу 2-го отдѣл. за 1859 г., № 5.

дорогѣ изъ Ведено въ Андію; партія наиба Эдиля и другія, обойденныя въ тылъ Бажановымъ, безъ бою очистили завалы, и посильно отступили въ Ведено, открывъ тѣмъ дорогу къ аулу. Однако, сама дорога представляла большія затрудненія: непрерывныя подъемы и крутыя спуски, покрытые то гололедицею, то глубокою грязью, до крайности утомляли движеніе главной колонны генерала Кемферта, въ которой состоялъ 1-й баталіонъ эриванцевъ, подполковника Таманскаго; войска въ теченіи восьми часовъ только могли пройти 10 верстъ и вышли на поляну къ аулу Джантемиръ-юрту, лежащему почти на половинѣ дороги къ Ведено.

До начала какихъ-либо наступательныхъ дѣйствій на Ведено, генераль Евдокимовъ рѣшился сперва устроить туда дорогу и вырубить лѣсъ; эриванцы, не смотря на ужасную распутицу и холодъ, усердно занимались рубкою просѣки и проложениемъ колеснаго сообщенія между Алистанжи и Джантемиръ-юртомъ; что-же касается до Шамиля, то онъ напрасно призывалъ ополчиться подвластныя ему общества Чечни и Дагестана и распространялъ слухъ, будто-бы появлявшаяся комета въ концѣ прошлаго года была вѣстницею гибели христіанъ: его пророчествомъ народъ болѣе неувлекался и вообще на призывъ имама немного стекалось фанатиковъ—часъ его пробилъ. Шамиль, потерявъ надежду отстоять Ведено, возложилъ оборону аула на 14 тавлинскихъ наибовъ, подчиненныхъ Кази-Магомы, а самъ, 10-го февраля, выѣхалъ изъ него въ ичкеринскій аулъ Гуни, взявъ съ собою большую часть кавалеріи и два горныхъ орудія; цѣль поѣздки Шамиля заключалась въ томъ: онъ желалъ принудить чеченское населеніе переселиться въ глубь горъ. Евдокимовъ, проникнувъ въ замыслы Шамиля, сосредоточилъ у Шали отдѣльный отрядъ, туда-же 20-го февраля перешелъ 1-й баталіонъ эриванцевъ, который зянялъ тамъ карауль. Перваго марта этотъ баталіонъ съ своею стрѣлковою ротою поступилъ въ составъ летучаго отряда полковн. графа Ностица—ему поручалось прикрыть чеченцевъ, отторгнувшихъ отъ Шамиля

и изъявившихъ желаніе переселиться къ намъ на плоскость. Противъ чеченцевъ, колебавшихся въ преданности Шамилю, дѣйствовала партія наиба Дуба. Графъ Ностицъ передвинулся въ горы; 1-я рота капитана Шлиттера и первая стрѣлковая рота, подъ общею командою капитана Саранчева, составили авангардъ графа Ностица и заняли постъ, укрѣпленный засѣкою на горѣ, въ верстѣ отъ расположенія отряда; впереди поста выставленъ былъ еще полувзводный шкетъ, на который горцы неоднократно пытались напасть, но встрѣчаемые всегда залпомъ, поспѣшно разбѣгались; испытавъ неудачи при нападеніяхъ, партія наиба Дубы подвезла орудіе и открыла огонь: ядра ложились мѣтко—одно упало предъ самымъ фронтомъ; тогда взводъ казачей артиллеріи съ первою стрѣлковою ротою быстро выдвинулись на позицію и дали залпъ; непріятель, опасаясь потерять орудіе и быть отрѣзаннымъ охотниками изъ стрѣлковъ, проворно снялъ орудіе и сталъ увозить его въ горы.

Во все это время 3-й баталіонъ князя Абашидзе, оставаясь въ главномъ отрядѣ, окружалъ свой лагерь засѣками и до 13-го марта продолжалъ просѣку и разчистку дороги; дожди, въ перемежку съ снѣгомъ шедшіе въ теченіе двухъ недѣль, замедляли дѣйствія. Положительно не было никакой возможности подвезти снаряды къ отряду, необходимые для осады Ведено; даже привозъ провіанта сопряженъ былъ съ величайшимъ затрудненіемъ; въ половинѣ марта погода прояснилась, а 17-го числа, въ 3 часа по полуночи, 3-й баталіонъ въ колоннѣ Бажанова участвовалъ при заложеніи редута въ 450 саж. отъ первыхъ чеченскихъ укрѣпленій, подъ огнемъ ихъ артиллеріи.

Къ вечеру редутъ почти былъ оконченъ, къ утру другого дня вооруженъ четырьмя орудіями—эта операція стоить эриванцамъ только трехъ человѣкъ ранеными.

Съ этихъ поръ 13½ баталіоновъ начали осаду аула Ведено, расположеннаго на правомъ берегу лѣваго притока рѣки Хулхулау, при выходѣ изъ лѣсистаго и почти неприступ-

наго ущелья. Ауль огражденъ былъ отвѣсными обрывами; сверхъ того былъ обнесенъ укрѣпленіями, состоявшими изъ толстыхъ и высокихъ брустверовъ, сложенныхъ изъ бревенъ и туровъ въ 1½ аршина въ діаметрѣ, пересыпанныхъ землею, съ глубокими рвами, палисадами, блиндажами и туръ-бастіонами. Сѣверная сторона аула укрѣплена была даже двумя параллельными брустверами, а на западной, отъ вершины Бѣня-кортъ по гребню, тянулись шесть редутовъ—сильнѣйшій изъ нихъ былъ нижній, обороняемый андійцами: онъ считался ключемъ позиціи; съ потерей его, непріятель терялъ возможность успѣшно держаться въ аулѣ.

Къ 13-му марта войска окончили осадныя работы, а потому 1-го апрѣля, въ шесть часовъ утра, наши батареи, вооруженныя 24-мя орудіями, открыли частый огонь, продолжавшійся до 6-ти часовъ вечера; на закатѣ солнца колона полковника Бажанова атаковала андійскій редутъ и мгновенно взяла его; въ этой колонѣ во второй линіи состоялъ 3-й баталіонъ эриванцевъ; съ потерей андійскаго редута горцы бросили остальные редуты.

Такимъ образомъ крѣпость открыта была нашему прицѣльному огню сверху, а показавшаяся колона полковника Черткова, по ущелью Хулхулау, на пути отступленія горцевъ, покончила дѣло; горцы въ 9 часовъ вечера, зажегши ауль и укрѣпленія, бросили ихъ и отступили на гору Мѣня-кортъ, освѣтивъ се своими бивуачными огнями; въ 10-ть часовъ вечера весь ауль, мѣстами еще пылающій, былъ нами занятъ.

Успѣхъ въ такомъ важномъ дѣлѣ намъ доставилъ не упорный бой и мужество, а необыкновенные труды и желѣзное терпѣніе, съ какимъ солдаты, обливаясь кровавымъ потомъ среди зимы, прокладывали себѣ ломомъ и топоромъ путь къ резиденціи Шамиля.

По взятіи Ведено, войскамъ главнаго отряда данъ роздыхъ.

Между тѣмъ, летучій отрядъ графа Ностица 10-го апрѣля разорялъ хутора, при чемъ 1-я стрѣлковая рота имѣла пе-

рестрѣлку. Тѣмъ завершёнъ былъ зимній періодъ дѣйствій чеченскаго отряда.

Пока означенные баталіоны трудились въ Чечнѣ, второй баталіонъ Эриванскаго полка, прозимовавъ въ Кахетин, вошелъ въ составъ лезгинскаго отряда вмѣстѣ съ прибывшими изъ Манглиса тремя стрѣлковыми ротами (2, 4 и 5-я); 4-й баталіонъ въ то-же самое время разработывалъ дорогу на суррамскомъ перевалѣ, по кутанскому тракту, а 5-й баталіонъ оставался въ штабъ-квартирѣ.

Въ это самое время, разбросанный по обѣ стороны кавказскаго хребта, полкъ припалъ отъ де-Саже полковникъ Фохтъ, только-что вернувшійся изъ чеченскаго отряда и передъ тѣмъ командовавшій тифлисскимъ учебнымъ баталіономъ.

Де-Саже, отъѣзжая и прощаясь съ полкомъ, выразился въ приказѣ такъ (*): «Полкъ, покрытый славою, передаю пріемнику моему. Благодарю васъ, товарищи эриванцы, за вашу доблесть въ бояхъ и примѣрную службу.»

Сверхъ того, де-Саже помѣстилъ въ полковыхъ приказахъ сравнительный и пелищенный интереса отчетъ о состояніи полка въ теченіе его трехъ-лѣтняго командованія; пѣкоторыя свѣдѣнія заимствованныя изъ отчета, помѣщаемъ (*):

	Г о д ы.		
	1856	1857	1858
<i>Офицерскій капиталъ:</i>			
Офицерской суммы состояло.	320	3929	6038
Библиотечной	365	641	700
Табль-дотной	»	2531	941
На библиотечную сумму выписано книгъ.	218	691	330

Кромѣ того, еще на 1859 годъ сдѣлана выписка книгъ на 276 рублей; всего съ 30-го марта 1856 года по 1-е марта 1859 г. выписано книгъ, газетъ и журналовъ на 1676 руб. 79 к.

(*) Приказъ по полку, отъ 23-го марта, 1859 г., № 82.

(*) Тамъ-же, отъ 13-го марта.

Ротное хозяйство.

«Касаясь этой основной силы полка—пишетъ де-Саже— я долженъ съ особеннымъ удовольствіемъ благодарить господъ ротныхъ командировъ за ихъ добросовѣстную заботливость; не смотря на постоянные походы и высокія цѣны на продукты, роты вольнонаемными работами и другими хозяйственными средствами успѣли собрать капиталы для улучшения своего содержанія.

	Г о д ы:		
	1856	1857	1858
Ротныя суммы: 1-го баталіона . . .	2147	4793	4764
2-го — — . . .	3505	4983	5385
3-го — — . . .	7115	5298	7111
4-го — — . . .	2692	6060	6317
5-го — — . . .	»	»	3803
Стрѣлковыя роты: 1-я	»	234	880
2-я	»	532	864
3-я	»	413	763
4-я	»	277	1102
5-я	»	»	638
Полковая унтеръ-офицерская школа . .	»	709	1154

Изъ приведеннаго отчета видно, что суммы ежегодно возрастали: въ 1856 году состояло всего. 18,418 р.
— 1857 — — — — 36,262 —.

Прибыло . . . 17,844 р.

Изъ числа этихъ суммъ хранилось въ кавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія харчевыхъ 5820 руб., артельныхъ—13,050 руб.

Полковое хозяйство.

Независимо отъ ремонтірованія казенныхъ зданій, построены вновь: 1) казарма для помѣщенія фурштатской роты; 2) новый домъ (еще неоконченный) для помѣщенія командира

Въ концѣ 1858 года введена грамотность въ стрѣлкахъ и разсыпной строй съ примѣненіемъ къ мѣстности.

	Г о д ы.		
	1856	1857	1858
Числительность полка по спискамъ . .	4794	4711	5868
Изъ нихъ умерло	147	119	94
Процентное содержаніе смертности . .	3	2,5	1,6
Преступленій совершено	7	3	10
Поступило въ полкъ: офицеровъ . .	»	»	22
нижнихъ чиновъ.	»	»	2246

Полковникъ Фохтъ, принявъ полкъ, съ сильною энергіею приступилъ къ разнымъ реформамъ по управленію полкомъ и сталъ настойчиво требовать отъ боевого кавказца, пропитаннаго нѣкоторою самостоятельностью и оригинальностью, точнаго и буквальнаго исполненія нововведеній. Такая метода имѣла въ основаніи очень много хорошаго, но не-могла выразиться вдругъ; полкъ, занятый войною, не легко разставался съ прежними своеобразными порядками, въ теченіе многихъ лѣтъ сложившимися.

Руководство свое, принятое во всей кавказской арміи для обученія стрѣлковъ, Фохтъ ввелъ цѣликомъ въ полкъ и требовалъ какъ отъ офицера, такъ и нижнихъ чиновъ твердаго и сознательнаго знанія этого руководства; офицерамъ и солдатамъ опредѣлены курсы и введена программа.

Порядокъ, установленный Фохтомъ, и знанія, распространенныя въ полку, пустили хорошіе корни и дали благодѣтельные результаты, такъ что полкъ, поставленный имъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ на довольно высокую степень какъ по фронту, такъ и по стрѣльбѣ—долго держался его методы.

Кромѣ того, по его распоряженію, въ полку учреждены для солдатъ дубильные и синильно-красильный заводы; огоро-

жена сосновая роца для лѣтнихъ гуляній, расчищены и разбиты аллеи въ паркѣ, установлены таксы полковыхъ мастерскихъ, чѣмъ значительно сокращены расходы офицеровъ. Словомъ, во всѣхъ его учрежденіяхъ видно, какъ выяснилось въ послѣдствіи, желаніе улучшить благосостояніе полка. Правда, мѣры его подѣ-часть бывали круты—онъ строго требовалъ исполненія каждымъ своихъ обязанностей, никого не щадя, по за то и польза для полка была громадна.

Пока въ штабъ-квартирѣ шли преобразованія, 2-й батал. и три стрѣлковыя роты въ отрядѣ генерала князя Меликова, въ началѣ лѣта, поднялись на уроч. Чельтистави. Съ 5-го по 15-е іюля отрядъ занимался разработкою дороги съ плоскости къ иланхевскому обществу и заготовливалъ провіантъ; 17-го отрядъ прибылъ на хребетъ Бешо, съ котораго ведутъ три спуска въ иланхевское ущелье и всѣ они лѣсисты и трудно доступны, въ особенности спускъ къ аулу Шаури, лежащему на днѣ дикаго ущелья, въ верховьяхъ андійскаго Койсу; въ этихъ почти недоступныхъ дебряхъ скрывались, какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ, семейства дидойцевъ и иланхевцевъ.

Князь Меликовъ, 22-го іюня сдѣлавъ демонстрацію на аулѣ Азильто и привлеки вниманіе горцевъ, быстро направилъ колону полковника Мамацева къ Шаури. Въ этой колонѣ находился 2-й батал., подѣ командою маіора кн. Абашидзе 2-го, и стрѣлковыя роты маіора Антоневица. Горцы бросились къ аулу Шаури и къ завалу, но уже было поздно—эриванцы бѣгомъ спустились подѣ гору и заняли аулъ, затѣмъ стрѣлки оцѣпили окрестности.

При этомъ нельзя не упомянуть о весьма замѣчательномъ эпизодѣ: на разстояніи почти 1,200 шаговъ отъ цѣпи три горца показались на высотѣ—стрѣлки открыли по нимъ огонь; вскорѣ пули свалили двухъ горцевъ, а оставшійся горецъ то отходилъ, то приближался къ цѣпи и дѣлался мишенью, вырывая пули, ложившіяся возлѣ него, не обращая никакого вниманія на нашу стрѣльбу; онъ будто былъ закол-

дованъ — пули взрывали у ногъ его землю, но ни одна въ него не попадала; самолюбіе стрѣлковъ было сильно задѣто — они до самаго почти отбоя стрѣляли по горцу то увеличивая, то уменьшая прицѣльную линію; наконецъ, къ общей радости, одна пуля наизлетѣ сбила съ него папаху; тогда горецъ обернулся къ стрѣляющимъ, что-то крикнулъ и медленно спустился въ ущелье. Это необычайное спокойствіе горца вызвало едиподушное удивленіе всѣхъ очевидцевъ и о подвигѣ этомъ долго потомъ толковали наши солдаты.

Отрядъ заночевалъ на занятыхъ мѣстахъ; на этомъ основаніи, для прикрытія бивуака, въ сумеркахъ, приказано 5-й стрѣлковой ротѣ эриванцевъ и взводу гомборскихъ стрѣлковъ, перейдя Койсу, занять командующія высоты; лишь только рота вытянулась въ одного человѣка по крутому гребню, какъ горцы дали залпъ — пули пронеслись, но ни'кого не зацѣпили; затѣмъ горцы скрылись, а стрѣлки поднялись на террасу. Знойный день смѣнила холодная, темная ночь — всѣмъ хотѣлось послѣ сильной усталости отдохнуть, но такъ какъ 5-я стрѣл. рота охраняла спокойствіе всего отряда, то людямъ строго воспрещалось спать. Однако, сверхъ силъ человѣческихъ было устоять отъ дѣйствія сна, и многіе на разсвѣтѣ уснули съ ружьями въ рукахъ, такимъ крѣпкимъ сномъ, что когда получено было приказаніе отступать, то нѣкоторыхъ долго не могли привести въ себя.

Дѣломъ при Шаури, можно сказать, эриванцы завершили свои боевыя дѣйствія противъ лезгинъ; вслѣдъ за этимъ одно общество за другимъ изъявляли покорность, а при черельскомъ мосту старшины анкратльскаго общества присягнули на подданство Россіи; послѣ чего лезгинскій отрядъ спустился на плоскость. Эриванцы разбили лагерь возлѣ красивой опушки лѣса, въ переходѣ отъ укрѣпленія Лагодехъ, откуда командиръ Тифлискаго полка, полковникъ Врангель, бывшій командиръ 2-го баталіона эриванцевъ, пріѣзжалъ навестить старыхъ своихъ сослуживцевъ, съ которыми такъ геройски отличился при Кюрукъ-дара.

Офицеры 2-го баталіона и трехъ стрѣлковыхъ ротъ щедро награждены за окончательное покореніе Лезгистана, а также 78 нижнихъ чиновъ удостоились получить георгіевскіе кресты.

Между тѣмъ, 1-й и 3-й баталіоны, по разрушеніи Ведено, занимались разработкою дороги на андійскій хребетъ. Горцы не переставали тревожить насъ. Во время этихъ работъ 22-го мая, командовавшій 1-ю стрѣлковою ротою прапорщикъ Ваксель отправилъ изъ лагеря при аулѣ Зардачи въ Хоби-шавдонъ пару ротныхъ лошадей для отвоза туда свѣжей чаремши подъ прикрытіемъ шести человекъ; не доѣзжая версты до колоны 3-го баталіона, засѣвшіе за бревнами чеченцы залпомъ изъ ружей встрѣтили команду и убили двухъ рядовыхъ и артельную лошадь; вслѣдъ за выстрѣлами чеченцы, до 50-ти челов., бросились въ пашки, тогда остальные четыре солдата ретировались въ лѣсъ и тѣмъ спаслись (*). Такъ слѣдили чеченцы за каждымъ нашимъ шагомъ.

Въ половинѣ іюля въ чеченскій отрядъ прибылъ главнокомандующій кн. Барятинскій на ур. Яни-амъ и тотчасъ приказалъ авангарду, подъ начальствомъ ген.-маіора барона Николаи, занять позицію въ 12 верстахъ впереди, у озера Эзель-амъ или Ретло; въ авангардѣ состоялъ 1-й баталіонъ эриванцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Барятинскій, подъ прикрытіемъ авангарда, сдѣлалъ рекогносцировку мѣстности и дорогъ, ведущихъ въ андійское общество. 22-го іюля отрядъ, разработавъ дорогу и устроивъ редутъ для склада провіанта у Зель-амъ, вступилъ въ предѣлы Андіи и расположился на высотахъ Арджи-ламъ.

«Андія и окружающіе ее четыре аула, какъ доноситъ главнокомандующій, были въ огнѣ. Шамиль зажигалъ всѣ деревни на лѣвомъ берегу Койсу и силою угонялъ жителей на правый берегъ. Погода была прекрасная и всѣ окрестности были видны на далекое разстояніе»; кое-гдѣ только видѣлись уцѣлѣв-

(*) Приказъ по полку, отъ 2-го марта, 1860 г., № 61.

шіе аулы, окруженные полями и зеленью садовъ. Среди развалинъ обгорѣвшаго аула Гой, стояла пощаженная пламенемъ башня съ изображеніемъ креста на стѣнѣ. Подобные признаки нѣкогда бывшаго въ горахъ христіанства разбросаны по разнымъ частямъ горъ. (На лѣвомъ берегу Кубани, около устья р. Шони, до сихъ поръ сохранился превосходный христіанскій храмъ на высокой обрывистой скалѣ (*).

Помѣрѣ движенія нашихъ войскъ въ глубь страны, децутаты отъ андійцевъ, аварцевъ, ункратльцевъ, богозцевъ, дидойцевъ и другихъ обществъ пріѣзжали въ станъ главнокомандующаго съ изъявленіемъ безусловной покорности. Вскорѣ затѣмъ прибылъ съ повинною головой елисуйскій султанъ Даніель-бекъ, и былъ милостиво принятъ.

Въ лагерѣ при аулѣ Тондо къ кн. Барятинскому явились: начальникъ лезгинскаго отряда кн. Меликовъ, совершивъ съ частію войскъ трудный переходъ черезъ дикіе, только-что покоренныя богезскія горы, и начальникъ дагестанскихъ войскъ генералъ баронъ Врангель. Такимъ образомъ соединеніе частей чеченскаго, дагестанскаго и лезгинскаго отрядовъ въ нѣдрахъ владѣнія Шамиля обѣщало важныя результаты, которые впоследствии и были достигнуты кн. Барятинскимъ.

Шамиль, бросивъ съ 13-ю орудіями крѣпость Ичи-чоли, удалился на гору Гунибъ съ четырьмя-стами преданнѣйшихъ мюридовъ, при 5 орудіяхъ.

2-го августа 1-й и 3-й баталіоны эриванцевъ присоединились къ дагестанскому отряду и вмѣстѣ съ нимъ 8-го августа обложили послѣднее убѣжище Шамиля—гору Гунибъ.

Десять баталіоновъ и семь сотенъ кавалеріи учредили строгую блокаду, а 6½ баталіоновъ, въ томъ числѣ оба батал. эриванцевъ, полкъ драгунъ, 6 сотенъ милиціи, при 14 орудіяхъ, расположились лагеремъ у Кегера, въ виду Гуниба, и составили общій резервъ.

(*) Соч. Дюбуа де Моншеръ • Voyage autour du Caucase • etc.

Гора Гунибъ, прозванная солдатами гитарой-горой, находится въ обществѣ Андалаяль, между рѣками Аварской и Кара-Койсу. Она, возвышаясь на версту, стоитъ уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, командуя надъ ними; скалистые бока Гуниба чрезвычайно круты; верхняя площадь горы заключаетъ не менѣе ста квадратныхъ верстъ—она наклонена съ востока на западъ и прорѣзана рѣчью, низвергающеюся съ ея вершины каскадами въ Койсу.

На горѣ находились: аулъ въ сто дворовъ, прекрасная березовая роща, пастбища и пахатныя поля—все, что нужно для жизни горца.

Единственная тропа съ берега Кара-Койсу извѣдалась на Гунибъ, сжатая на нѣкоторомъ разстояніи отвѣсными скалами; Шамиль перегородилъ тропу высокою стѣною съ бойницами. Такимъ образомъ, повсюду преслѣдуемый орелъ кавказскихъ горъ, наконецъ, остановился на высочайшей скалѣ Гуниба.

Вотъ эту-го гору-крѣпость, созданную самою природою и занятую отчаянными приверженцами Шамиля, предстояло во что-бы то ни-стало взять и тѣмъ приблизиться къ концу кавказской войны. Съ отвагою и мужествомъ кавказскаго солдата трудно спорить. Началась блокада; Шамиль съ начала прислалъ парламентеровъ съ предложеніемъ перемирія, но такъ какъ изъ переговоровъ видно было его желаніе только протянуть время до зимы, то войска продолжали блокаду и подступы. Имамъ, взроспій въ ненависти къ русскимъ, до послѣдняго вздоха хотѣлъ бороться, и выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ, которыми заканчивалъ послѣдніе переговоры: «Гунибъ высокая гора—я сижу на ней; на-до мною еще выше Богъ. Русскіе стоятъ внизу—пусть штурмуютъ». Послѣ такого отвѣта оставалось силою оружія взять послѣднюю, ему подвластную свалу.

Штурмъ 25-го августа рѣшилъ участь когда-то сильнаго

повелителя горъ. Въ два часа по полудни Шамиль вышелъ изъ аула и сдался побѣдителямъ (*).

Подробное описаніе штурма не входитъ въ текстъ, такъ какъ эриванцы не принимали въ немъ непосредственнаго участія, а только блокировали.

По взятіи Шамиля, весь восточный Кавказъ изъявилъ безусловную покорность. Нашихъ плѣнныхъ освобождено свыше 2-хъ тысячъ обоого пола. Князь Барятинскій извѣстилъ армию о совершившемся событіи краткимъ, но многознаменательнымъ приказомъ: «Шамиль взятъ—поздравляю кавказскую армию!» (**)

Весь русскій лагерь и эриванцы торжествовали побѣду.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по прочтеніи всеподданнѣйшаго донесенія о штурмѣ Гуниба и взятіи Шамиля, въ собственноручномъ рескриптѣ къ вн. Барятинскому соизволилъ начертать (***) : «Слава Тебѣ, Господи! и честь и слава тебѣ (кн. Барятинскому) и войскамъ нашимъ—кавказскимъ молодцамъ!»!

Въ ознаменованіе столь важнаго событія ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ день взятія Шамиля, 25-го августа, высочайше повелѣлъ внести въ число табельныхъ дней (****), и всѣмъ кавказцамъ пожалованы серебряныя медали съ надписью: 1857, 1858 и 1859 годъ. Побѣдитель восточнаго Кавказа кн. Барятинскій назначенъ фельдмаршаломъ русскихъ войскъ (*****).

(*) Шамиль родился въ Гирахъ въ 1798 году. Онъ рѣста большого, величественной осанки и красивой наружности; правильный складъ головы, острый носъ, небольшой ротъ, голубые, пронзительные глаза, белокурые волосы и борода весьма иѣжна, блѣлый цвѣтъ кожи—заставляли-бы думать, что онъ скорѣ черкесскаго происхожденія, нежели восточнаго; у него необыкновенно красивые руки и ноги, осанка и движенія горды. Съ дѣтства онъ обнаруживалъ желѣзную силу воли и гордое во всѣхъ своихъ поступкахъ спокойствіе, котораго ни что не могло поколебать; онъ съ дѣтства упражнялся въ гимнастикѣ и фехтовкѣ и считался лучшимъ наѣзникомъ. *Надеждинъ*. Часть 2-я, страница 203

(**) Приказъ по арміи, отъ 26 августа, 1859 года.

(***) Приказъ по кавказск. арміи, отъ 20 сентября, 1859 г., № 353.

(****) Приказъ по кавказск. арміи, отъ 29 апрѣля, 1860 г., № 180.

(*****) Въ полкъ получены награды: полковникъ Фохтъ—орденъ св. Анны 2 ст., подполковникъ Таманскій—ордена св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 ст., майоръ Саранчевъ—орд.

Эриванскіе баталіоны и стрѣлки съ разныхъ сторонъ Кавказа прибыли къ концу года въ свою штабъ-квартиру; стрѣлкамъ тотчасъ объявленъ новый и далекій походъ на западъ Кавказа, гдѣ предстояло одолѣть двухъ враговъ—собственно черкесовъ и убійственныхъ черноморскія лихорадки.

Полковникъ Фохтъ не переставалъ заботиться о полкѣ—главное его вниманіе теперь было обращено на обученіе стрѣлковъ и ихъ снаряженіе къ продолжительному походу.

Среди полезныхъ и разностороннихъ начинаній, достойный командиръ полка полковникъ Фохтъ былъ убитъ подпоручикомъ Макѣевымъ 3-мъ самымъ злодѣйскимъ образомъ; Макѣевъ изъ злостнаго оскорбленія рѣшился на страшную месть: въ ночь съ 13-го на 14-е января 1860 года, прокравшись чрезъ садъ на балконъ дома полкового командира и выслѣдивъ въ окно моментъ, когда Фохтъ проходилъ съ женою черезъ комнату, сдѣлалъ по обоимъ выстрѣлъ—пуля поразила одного Фохта на-смерть; такимъ несчастнымъ случаемъ начался для полка 1860 годъ. Макѣевъ, преслѣдуемый сознаніемъ жестокости своего поступка, и боясь наказанія—бѣжалъ, но былъ пойманъ и подтвержденъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія къ ссылкѣ въ катаргу.

Причиною такой печальной катастрофы была записка полковника Фохта, показанная полковымъ адъютантомъ Макѣеву; въ запискѣ сказано слѣдующее: «Прошу передать мое приглашеніе всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ пожаловать ко мнѣ сегодня на чай, исключая подпоручика Макѣева, который не умѣетъ держать себя въ обществѣ». Такое-то обстоятельство было причиною упомянутой катастрофы: оно весь-

св. Станисл. 2 ст.; капитаны: Шлиттеръ—орд. св. Станисл. 2 ст., съ короною п. Анны 2 ст., Маркевичъ—орденъ св. Станислава 2-й степени.; шт.-кап.: Смирновъ—орденъ св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст.; Шлиттеръ—орденъ св. Анны 3-й ст.; поручики: Свѣчинъ, Идановъ и Федоренко 2-й—ордена св. Анны 3-й ст., Семеновъ—орденъ св. Станислава 3-й ст.; подпоручики: Ваксель, Горка-швили и Кикадзе—ордена св. Станислава 3-й ст.

Сверхъ того, одиннадцать офицеровъ повышены въ чинахъ, а нижнимъ чинамъ пожаловано 193 креста и особо за вятіе Ведено 28 крестовъ.

ма многозначительно; здѣсь ясно высказались какъ характеръ самого полковника Фохта, такъ и характеръ одного изъ храбрѣйшихъ офицеровъ полка по общему отзыву эриванцевъ.

На мѣсто Фохта пріѣхалъ изъ Петербурга командиромъ полка флигель-адъютантъ полковникъ князь Голицынъ; князь Борисъ Ѳедоровичъ Голицынъ, не по назначенію только, но самъ по себѣ, какъ человѣкъ, былъ достойнымъ представителемъ полка. Эта одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ и по принципу честныхъ и добрыхъ натуръ, которыя всегда и вездѣ пріобрѣтаютъ всеобщую любовь и авторитетъ между подчиненными. Такое явленіе дѣйствительно очень рѣдкое, по за-то и уваженіе къ такому человѣку безграничное.

Его командованіе полкомъ имѣетъ ту особенность, что каждый членъ полка на своемъ служебномъ поприщѣ употреблялъ все стараніе и умѣнье, чтобъ ввѣренная ему часть была исправна; княземъ Голицынымъ возбуждено было, болѣе чѣмъ когда либо, самолюбіе въ подчиненныхъ; развитое самолюбіе поставило полкъ высоко какъ въ боевомъ, такъ и общественномъ отношеніи—все дѣлалось по долгу и по глубокому сознанію своихъ обязанностей.

Кромѣ офиціально служебной стороны, княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ было обращено вниманіе на семейную полковую жизнь; при немъ часто устраивались домашніе спектакли въ пользу открытой имъ-же школы для солдатскихъ дѣтей при женатой ротѣ; сверхъ того, полковникъ Берновъ читалъ лекціи изъ тактики и къ нему-же собирались на литературные вечера.

ГЛАВА XXIII.

Выступленіе стрѣлковыхъ ротъ въ кубанскую область. Военныя дѣйствія противъ натухайцевъ и шапсуговъ съ 1860 по 1864 годъ. Постройка станицъ. Разработка дорогъ и рубка просѣкъ. Смерть капитана Шлиттера. Пріѣздъ ГОСУДАРЯ и представленіе ему частей полка. Возвращеніе стрѣлковъ въ Манглисъ.

Въ концѣ 1859 года первыя четыре стрѣлковыя роты, составивъ сводный стрѣлковый баталіонъ, подъ командою ка-

питана Шлиттера, выступили въ далекій путь, чрезъ главный кавказскій хребтъ, къ городу Анапѣ, для военныхъ дѣйствій противъ черкесскихъ племенъ, обитающихъ по гористому черноморскому поморью; стрѣлковыми ротами командовали: 1-ю ротю — подпоручикъ Климовъ 1-й, 2-ю ротю — поручикъ Макѣевъ 1-й, 3-ю ротю — поручикъ Шлиттеръ 2-й и 4-ю ротю — подпоручикъ Ульяновъ 3-й. Роты были укомплектованы молодыми офицерами, искавшими «славы и войны» и самыми отборными нижними чинами, подвергнутыми тщательному медицинскому осмотру.

Покойный командиръ полка Фохтъ щегольски обмундировалъ и снарядилъ стрѣлковъ къ походу. Въ каждую роту выданы были ротные значки разныхъ цвѣтовъ: въ 1-ю роту — красное полотно (аршинъ въ квадратѣ); во 2-ю — бѣлое, въ 3-ю — голубое, а въ 4-ю роту — желтое; посерединѣ полотна вышиты были императорскіе шефскіе вензеля; стрѣлки были одѣты въ дубленые новые полушубки съ расшивными нагрудниками и отороченные сѣрыми и черными смушками. Вновь построенные папахи съ верхушками по цвѣту ротныхъ значковъ составляли красивый головной уборъ; по краснѣ наряда были здоровыя лица молодыхъ, румяныхъ солдатъ.

Офицеры, одѣтые въ мѣховыя бекеши, по-верху коихъ висѣли азійскія шашки, отдѣланныя въ серебро подъ чернѣ, ѣхали на вѣрныхъ, добрыхъ коняхъ; главное богатство и гордость кавказскаго офицера составляла верховая лошадь: ее-то офицеръ съ особенною заботою холилъ во время походовъ.

Кстати здѣсь замѣтить — кавказскіе генералы охотно дозволяли пѣхотнымъ офицерамъ имѣть при себѣ верховыхъ лошадей, такъ какъ польза отъ нихъ была весьма ясна. Офицеръ, проѣхавъ быстрый горный переходъ, оставался свѣжъ, могъ занятую позицію осмотрѣть и расположить на выгодныхъ пунктахъ пикеты и цѣпь.

Стрѣлки, почти не имѣя больныхъ и отставшихъ, прошли зимою военно-грузинскую дорогу и весело шли по станицамъ; казаки и казачки гостепріимно встрѣчали «стрѣлковъ-гренадериковъ». Послѣдніе, въ свою очередь, не оставались въ долгу и угощали хозяевъ чихиремъ, нерѣдко на послѣднія деньги.

Начальникъ стрѣлковъ, маіоръ Антоневицъ, догналъ баталіонъ на дорогѣ и привелъ его къ Анапѣ.

Послѣ тысячеверстнаго перехода данъ мѣсячный роздыхъ.

Въ концѣ іюня стрѣлкамъ предписано прибыть въ укрѣпленіе Крымское, въ составъ адагумскаго отряда, которому при общемъ рѣшеніи вопроса о покореніи западнаго Кавказа поставлялось задачей: устроить адагумскую кордонную линію, съ цѣлью отдѣлить вновь покорившихся намъ натухайцевъ отъ враждебнаго племени шапсуговъ, занимавшихъ пространство отъ натухайцевъ до рѣкъ Псекупса и Шахе, т. е. до земель абадзеховъ и убыховъ; сверхъ того, возлагалось покорить шапсуговъ и занять ихъ землю сѣтью нашихъ станицъ и укрѣпленій, проводя между ними повозочныя дороги.

Шапсуги—вольный горскій народъ, взроспій въ закоренѣлой враждѣ къ русскимъ и въ привычкѣ къ дикой удали и набѣгамъ; они охотно собирались по призыву своихъ старшинъ, съ намѣреніемъ отстоять свою независимость; тѣмъ болѣе, что ихъ къ тому въ послѣднее время воспламеняли турецкіе агенты и польскіе пролетаріи.

Густые лѣса, непреступныя скалы, глубокія ущелья и съ трудомъ проходимыя тропинки—представляли имъ всѣ шанцы къ сильной оборонѣ; посредствомъ-же Чернаго моря они имѣли возможность постоянно получать изъ Турціи порохъ и оружіе. Этимъ-же путемъ къ нимъ пріѣзжали польскіе пропагандисты съ запасомъ прокламацій; одна изъ подобныхъ прокламацій, напечатанная на польскомъ языкѣ съ переводомъ на татарскій, найдена эриванцами при сожженіи одного шапсугскаго аула; прокламація краснорѣчиво описывала угнетенное положеніе Польши и призывала всѣхъ къ явному и тайному

возстанію противъ притѣснителей «москалей». Тайное дѣйствіе въ пользу отчизны должно было заключаться въ поджигательствѣ провіантскихъ и другихъ складовъ, въ уничтоженіи мостовъ, даже входило въ программу дѣйствій начальствующимъ лицамъ, занимавшимъ высшіе административныя мѣста въ Россіи, убаюкивать правительство и опутывать его людьми, сочувствующими польской націи (*).

Однако, не смотря на всю эту обстановку, судьба горцевъ была уже рѣшена тою правильною и настойчивою системою, которою русскіе отряды умиротворяли одно непокорное общество за другимъ; система въ то время вполне выяснилась, чему можетъ служить слѣдующій фактъ: фельдмаршалъ князь Барятинскій, прочитавъ донесеніе генерала Бабича о движеніи съ 18-го по 20-е февраля въ аджарскій лѣсъ и къ р. Шипсъ, предписалъ поставить на видъ генералу Бабичу, что его дѣйствія большею частію сохраняютъ ту характерность, которую имѣли въ прежнія времена наши экспедиціи на Кавказѣ, т. е. похожи болѣе на поиски или набѣги, чѣмъ на систематическое завоеваніе края; такъ, напримѣръ, 18-го февраля, генералъ Бабичъ неожиданно для горцевъ, пройдя аджарскій лѣсъ, убѣдился *«въ невозможности дальнѣйшаго наступленія—предпринялъ отступленіе»*. Но при этомъ, разумѣется, былъ преслѣдуемъ и потерялъ *«только»* десять человѣкъ ранеными; по мнѣнію главнокомандующаго, и десять человѣкъ не стоило терять, чтобъ разорить лишь нѣсколько хуторовъ и сжечь нѣсколько стоговъ сѣна; вмѣстѣ съ тѣмъ генералу Бабичу предписывалось дальнѣйшее покореніе основывать на обширныхъ просѣкахъ, на устройствѣ постовъ и укрѣпленныхъ станицъ въ самыхъ нѣдрахъ горскаго населенія. Успѣхъ болѣе долженъ зависѣть не столько отъ оружія, сколько отъ топоровъ и лопатокъ; начальнику не ставится въ заслугу громкая реляція о какомъ-нибудь от-

(*) Русскій Вѣстникъ, 1869 года

важномъ вторженіи въ непріятельскій край съ цѣлью наказанія(*)).

Генераль Бабичъ въ силу такой инструкціи сталъ дѣйствовать весьма осторожно; устроивъ постоянный лагерь на рѣкѣ Абинѣ, онъ приступилъ къ устройству кордонной линіи, и къ систематическому очищенію края отъ враждебныхъ горцевъ; эриванскіе стрѣлки то работали, то вели перестрѣлки; горцы на первыхъ порахъ дрались горячо и запальчиво: ни одна фуражировка, ни одно движеніе необходимо безъ драки; однако, скоро и здѣсь нарѣзное оружіе произвело должное впечатлѣніе на черкесовъ — они на открытыхъ мѣстахъ стали держаться въ сторонѣ.

Съ 16-го іюля эриванцы приступили къ покосу; 1-го сентября, по окончаніи покоса, Бабичъ направилъ колону подполковника Выберга въ абинское ущелье, съ цѣлью разорить сосѣднія къ абинскому лагерю непріятельскія поселенія.

Выбергъ, имѣя двѣ стрѣлковыя роты эриванцевъ во главѣ колоны, уничтожилъ значительный ауль Одобричъ, причемъ двѣ роты эриванцевъ, подъ начальствомъ капитана Шлиттера, заняли съ бою входъ въ ущелье и вмѣстѣ съ охотниками вошли въ числѣ первыхъ въ ауль, не смотря на упорную оборону горцевъ; въ аулѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ особенно сильно стояли шапсуги, найдено въ землѣ орудіе; въ числѣ отличившихся упомянуть капитанъ Шлиттеръ 1-й (**).

Сентября 28-го, въ 3 часа утра, небольшая колона подполковника Антоневица, пройдя по вновь сдѣланной ольгинской дорогѣ къ низовьямъ р. Бугундыря, на разсвѣтѣ заняла ауль Куй-хабль съ однимъ орудіемъ; непріятель энергически защищалъ ауль, даже нѣсколько стариковъ фанатиковъ сдѣлались жертвою пламени (***). По разореніи Куй-хабля до ян-

(*) Тифл. арх. секр. дѣло № 1 въ генер. штаба, 2-го отдѣл. съ начальника главн. штаба генер.-лейтен. Филиппову, 18-го марта, 1860 года.

(**) Рапортъ генерала Филиппова князю Барятинскому, отъ 9-го сентября, 1860 г., № 503.

(***) Эриванскихъ стрѣлковъ въ теченіе перестрѣлокъ 1860 г. ранено 7 человекъ.

варя эриванскіе стрѣлки то строили мосты чрезъ Абинъ, то рубили лѣсъ къ рѣкѣ Илю, то расчищали и прокладывали дороги между проектированными и строящимися постами и станциями.

Новый 1861 годъ засталъ эриванскихъ стрѣлковъ въ движеніи и работѣ.

Января 28-го графъ Евдокимовъ, припавшій общее начальство надъ всѣми отрядами, дѣйствовавшими противъ западнаго Кавказа, рѣшилъ наказать шебское общество за ихъ набѣги, двинувъ туда подъ личнымъ своимъ начальствомъ отрядъ Бабича (*); эриванцы въ авангардѣ 6-го февраля переночевавъ въ укрѣпленіи Григорьевскомъ, направились вверхъ по рѣкѣ Шебшу; рыхлый снѣгъ, оттепель и глубина рѣчекъ, наполнившихъ котловину Шебша, затрудняли движеніе, а потому, разоривъ передовыя аулы, графъ Евдокимовъ предпринялъ обратное движеніе; 11-го февраля эриванскіе стрѣлки отступили въ арріергардѣ: 2 и 3-я роты по руслу ущелья, 1-я же по правому, а 4-я по лѣвому склону ущелья въ боковыхъ цѣпяхъ.

Шапсуги провозжали арріергардъ и боковыя цѣпи рѣдкимъ огнемъ, а въ одномъ мѣстѣ даже сгруппировались возлѣ нашей охотничьей команды; чтобъ разсѣять шапсуговъ, посланы противъ нихъ рысью драгуны, туда-же поскакалъ со свитою принцъ Баденскій; въ подкрѣпленіе драгунамъ привазано выдвинуть 4-ю стрѣлковую роту подпоручика Ульянова, отступавшаго по косогору; капитанъ Шлиттеръ, командовавшій стрѣлками, желая передать Ульянову приказаніе, чтобъ 4-я рота, повернувъ назадъ, наступала бѣгомъ, наѣхалъ на горцевъ, которые отстрѣливались отъ охотниковъ, а одинъ старикъ, уже раненый, медленно отступалъ, неся на-изготовѣ пистолетъ; къ горцу подскакалъ адъютантъ Шлиттера, подпоручикъ Васильевъ, и намѣреваясь изрубить горца, промахнулся; тогда капитанъ Шлиттеръ, желая скорѣе покончить дѣло съ шапсугомъ, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и ранилъ въ ногу; затѣмъ Шлит-

(*) 10 баталіоновъ пѣхоты, 2 дивизіона драгуновъ, три сотни казаковъ и 14 орудій.

теперь сблалъ двѣ осѣчки—шансугъ успѣлъ спустить курокъ пистолета и пуля прямо въ грудь поразила на-смерть капит. Шлиттера. Охотники, въ буквальномъ смыслѣ, подняли горца на штыки—онъ даже не крикнулъ. Такъ смѣло и упорно дрались и умирали старые горцы.

Наша атака заставила непріятеля умѣрить настойчивость преслѣдованія, но она стоитъ эриванцамъ одного изъ лучшихъ боевыхъ офицеровъ полка.

Вслѣдъ за этимъ движеніемъ эриванцы отошли къ Екатеринодару, гдѣ, похоронивъ бранные остатки Шлиттера, простояли на роздыхъ около двухъ недѣль.

Въ первыхъ числахъ марта ген. Бабичъ собралъ свой адагумскій отрядъ съ зимнихъ квартиръ въ укрѣпленный лагерь на Абинѣ. Отсюда Бабичъ 22-го мая произвелъ усиленную рекогносцировку къ геленджикской бухтѣ.

«Трудно-доступная мѣстность, защищаемая непріятелемъ, много затрудняла движеніе». Эриванскіе стрѣлки и команда охотниковъ каждый перелѣсокъ и каждый оврагъ очищали отъ непріятеля сильнымъ огнемъ. Особенно упорное сопротивленіе черкесы оказали при защитѣ лѣсистаго оврага, преграждавшаго доступъ на хребетъ Кацегуръ къ полянѣ, избранной для расположенія на ней войскъ на ночлегъ. Эриванцы, состоя въ авангардѣ своего начальника дивизіи г.-л. барона Николаи, атаковали лѣсистый оврагъ съ фронта, а кавалерія обскакала въ тылъ. Дружное и одновременное движеніе нашихъ войскъ заставило горцевъ очистить оврагъ. Наши войска, переночевавъ на занятой полянѣ, на слѣдующій день, еще до восхода солнца, стали спускаться тремя частями по чрезвычайно трудно-проходимымъ мѣстамъ въ ущелье р. Адерби, къ аулу, «служившему пѣкогда главнымъ складомъ артиллерійскихъ запасовъ партій флебустьеровъ, возмущавшихъ горцевъ съ 1856—1859 годъ».

Въ Адерби горцы защищались во всякой трещинѣ. Ущелье

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сближалось до крайней степени, образуя дефиле не шире 10 сажень.

Эриванскія роты, разсыпанныя въ цѣпь, шли по полугорѣ, переваливаясь съ отрога на отрогъ. Въ лѣсу стрѣлковымъ звѣннямъ нерѣдко приходилось идти, не видя другъ друга. Движеніе стрѣлковъ, закрытыхъ лѣсомъ и горами, рѣдко было видно съ дороги, по которой слѣдовала главная колона — съ ними разговаривали посредствомъ сигналовъ на рожкѣ.

Шапсуги при движеніи нашемъ по Адерби, занявъ горы, иногда даже бросались въ пашки, но вездѣ получая отпоръ, очищали проходъ. Къ вечеру 24-го мая отрядъ достигъ геленджикской бухты, главной цѣли рекогносцировки. Переночевавъ въ Геленджикѣ и получивъ провіантъ, доставленный сюда на шкунахъ, отрядъ началъ отступленіе въ абинскій лагерь. Во время движенія къ Геленджикѣ и обратно наша убыль простиралась до 50 человекъ (*).

Лѣтомъ эриванскія роты въ районѣ расположенія занимались фуражировками, а также заготовляли сѣно, но и оно добывалось не иначе, какъ подъ выстрѣлами; такъ, 17-го іюля въ сѣнокосной колоннѣ на р. Бугундырѣ, нѣсколько шапсуговъ подкрались къ нашей цѣпи и ранили шт.-кап. Макѣева, который съ 2-ю стрѣлковою ротою прикрывалъ косцевъ (**).

Считаю нужнымъ замѣтить, что одновременно съ этимъ 5-я стр. рота шт.-кап. Шольпа выдвинута была изъ Манглиса въ Абхазію. Рота, высадившись въ Сухумъ-кале и принявъ участіе въ дѣлѣ 6-го іюля, стояла хладнокровно подъ выстрѣлами на пунктѣ, обезпечивающемъ нашу позицію; за что по засвидѣтельствованіи отрядного ген. Кулебакина удостоилась получить награды за отличіе (***). Затѣмъ рота возвращена въ Манглись.

(*) За 1864-й годъ шесть офицеровъ награждены орденами и семь стрѣлковъ георгиевскими крестами.

(**) Тифл. ар. рапортъ ген. Евдокимова кн. Барятинскому, отъ 16-го августа, 1864 года, за № 340.

(***) Шт.-кап. Шольпъ, подпор. Кивнадзе и прап. Яковлевъ — повышены въ чинахъ.

Между тѣмъ, первыя четыре стр. роты, окончивъ покосъ, занимались расчисткою просѣкъ и дорогъ отъ укрѣп. Крымскаго до Константиновской бухты, разумѣется, ведя по временамъ перестрѣлки съ шапсугами (*).

Сентября 11-го ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, высадившись на кавказскій берегъ въ Тамани, изволилъ осматривать съ 21-го сентября адагумскую линію и войска отряда генер. Бабича, стоявшія по пути Императорскаго поѣзда эшалонами и лагеремъ на георгіевской полянѣ. Эриванцы стрѣлки сопровождали ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ георгіевскаго лагеря до Константиновской бухты. Здѣсь ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, сѣвъ на пароходъ «Тигръ», отплылъ въ г. Поти. Начиная отъ этого города до Кутаиса, первый баталіонъ эриванцевъ своими частями встрѣчалъ своего Августѣйшаго шефа. Въ Кутаисѣ 25-го сентября ГОСУДАРЬ дѣлалъ смотръ двумъ ротамъ 1-го баталіона—роты представились въ наилучшемъ видѣ: груди почти у всѣхъ были украшены георгіевскими крестами, которые краснорѣчиво свидѣтельствовали о боевомъ состояніи части.

Командиръ полка, полк. кн. Голицынъ, 24-го сентября пожалованъ въ г.-м., съ назначеніемъ въ свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, а командиръ баталіона майоръ Кавторадзе и командиръ шефской роты п.-к. Шлиттеръ, оба георгіевскіе кавалеры, удостоились всемілостивѣйшей награды—оба получили званіе «флигель-адъютантовъ». Сверхъ того, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пожаловалъ офицерамъ третное жалованье, а нижнимъ чинамъ, имѣвшимъ шевроны изъ галуна, по 3 р., а остальнымъ по 50 к. серебромъ (**).

Необходимо замѣтить—бывшій ком. полка въ данномъ случаѣ, ген.-лейт. баронъ Фридрихсъ, при которомъ полкъ заслужилъ знаки отличія на шапки, названіе Эриванскаго и се-

(*) Въ теченіи перестрѣлокъ 1864 г. ранено стрѣлокъ 7 ч. Прик. по полку.

(**) Приказъ по полку, отъ 15-го октября, 1864 г., № 287.

ребрянныя трубы, зачисленъ въ полкъ. По поводу этого обстоятельства онъ въ письмѣ на имя полк. ком., кн. Голицына, выразился такъ (*): «Припоминая давно прошедшіе годы, когда я имѣлъ честь командовать симъ храбрымъ и во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ полкомъ во время персидской и турецкой войны, откровенно скажу, что, не смотря на мои лѣта, я съ удовольствіемъ снова надѣлъ мундиръ этого полка и горжусь имъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Фридрихъ прислалъ 1000 р. для раздачи ветеранамъ, уцѣлѣвшимъ въ полку съ его времени, георгіевскимъ кавалерамъ и женатымъ нижнимъ чинамъ, болѣе нуждающимся.

Между тѣмъ какъ 1-й баталіонъ встрѣчалъ и провожалъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, стрѣлковыя роты въ адагумскомъ отрядѣ устраивали плотину чрезъ шляховскія болота и строили станицу близъ бывшаго Раевского форта. Потомъ исключительно эриванцы возводили постъ на р. Бака-нѣ. Въ это время водворены въ станицахъ по адагумской линіи до трехъ съ половиною тысячъ казачьихъ семействъ.

Къ 1-му іюня 1862 года адагумскій отрядъ сосредоточился въ станицѣ Крымской и двинулся къ р. Хабль, на которой, занявъ мѣсто подъ станицу, сталъ ее окружать оградой, расчищать окрестности отъ лѣса и, наконецъ, по плану занялся постройкою домовъ для казачьихъ семействъ; кромѣ того, войска строили бараки для своего помѣщенія на зиму (**). Вообще считаю не лишнимъ замѣтить, что ротное хозяйство стрѣлковъ находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи — харчевыя суммы доходили до 2-хъ и 3-хъ тысячъ, обозъ ротный состоялъ изъ двухъ и трехъ конныхъ и нѣсколько быковыхъ повозокъ. Источниками такого богатства служили вольно-наемныя работы во время роздыха отряда; свирды сѣна, заготов-

(*) Приказъ по полку, отъ 21-го февраля, 1862 года, № 53.

(**) 29-го іюня, въ день полкового праздника, при движеніи изъ Абша на Хабль рѣшено два стр. Раш. майора Трейтера, отъ 2-го іюля, № 367-й.

ленные лѣтомъ, а также немаловажную статью дохода составляли фуражировки во внутрь непріятельской страны, гдѣ забирали избыточные запасы зернового хлѣба для прокорма лошадей и скотъ для мясныхъ порцій. Наконецъ, войска на занятыхъ подъ станицы пунктахъ, заводили огороды. Такъ, въ описываемую эпоху эриванскія роты на Хаблѣ устроили огороды и засадили ихъ капустою, картофелемъ и другими овощами. Тамъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ раздавались непріятельскіе выстрѣлы, были внесены разнообразныя элементы русской жизни.

Матеріальное благосостояніе ротъ, дававшее возможность кормить солдатъ питательною пищею, рѣзко отразилось на ихъ здоровьи. Процентъ больныхъ упалъ до незначительной цифры. Тогда какъ прежде черноморскія лихорадки цѣлые баталіоны клали въ госпитали, и тѣмъ, обезсиливая отряды, дѣлали экспедиціи весьма трудными. Стало быть на ряду съ просѣками, проложеніемъ дорогъ, постройкою станицъ—надо поставить и матеріальное благосостояніе, дававшее здоровыхъ людей, способныхъ дѣйствовать ломомъ и топоромъ. По нашему мнѣнію, послѣднее обстоятельство играло весьма важную роль при окончательномъ покореніи Кавказа.

Постройка станицы на Хаблѣ и заготовленіе тамъ большого количества разныхъ запасовъ для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій, встревожили шапсуговъ и заставили еще разъ соединиться въ большую партію, съ цѣлью попытать счастья—не удастся-ли вырѣзать какую-нибудь изъ станицъ адагумскаго полка и тѣмъ поднять натухайцевъ, которыхъ поведеніе къ намъ въ послѣднее время стало двусмысленно. Они, обѣщая выселиться на плоскость, всѣми мѣрами дѣлали проволочки. 1-го октября масса шапсуговъ, свыше трехъ тысячъ, потянулась разными дорогами къ верховьямъ рѣки Абна. Партія горцевъ не имѣла особаго распорядителя—она двигалась и дѣйствовала по рѣшенію совѣта старшинъ.

Лишь только лазутчики дали знать о сборищѣ горцевъ, адагумскій отрядъ, раскинутый по станицамъ, постамъ и на покосахъ, пришелъ въ движеніе. Носились разные слухи, но никто достовѣрно не зналъ, на какую станицу непріятель сдѣлаетъ нападеніе, а потому даже жители укрѣпленія Крымскаго съ трепетомъ ожидали съ часу на часъ нападенія. Отъ эриванскихъ стрѣлковъ, занятыхъ покосомъ на Бугундырѣ, были тотчасъ отдѣлены два взвода отъ 2-й и 3-й роты, подъ начальствомъ шт.-капит. Маѣева; эта сводная рота поступила въ колону подполковника Маняти, которому приказано занять баканскій постъ на дорогѣ между Крымскимъ, Неберджаемъ и Баканской станицею.

2-го октября колона Маняти, состоявшая изъ 4-хъ стрѣлковыхъ ротъ, 1-го эскадрона драгунъ и двухъ орудій, заняла опредѣленный пунктъ; отсюда ротѣ Маѣева приказано конвоировать воловий транспортъ въ 80 повозокъ съ артиллерійскими снарядами, слѣдовавшій въ ст. Крымскую — въ этотъ день, и въ особенности ночью, шелъ проливной дождь. Эриванцы провели подъ дождемъ всю ночь; утромъ, 3-го октября, около 10-ти часовъ, партія шапсуговъ показалась на высотахъ Неберджая. Съ укрѣпленія Неберджаевского дали нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ по горцамъ, затѣмъ черезъ полчаса послышались частые выстрѣлы изъ орудій со стороны станицы Нижне-Баканской, защищаемой двумя ротами и одною сотнею казаковъ кубанскаго войска; дѣло разыгралось такъ: горцы, проскакавъ возлѣ Неберджая, показались на дорогѣ къ Нижне-Бакану—объ этомъ въ станицу сообщили лазутчики; тогда воинскій начальникъ выслалъ конную сотню казаковъ есаула Стулака встрѣтить горцевъ, но лишь только сотня Стулака не-много отъѣхала за ворота станицы, какъ тотчасъ наткнулась на толпы шапсуговъ, быстро мчавшихся къ станицѣ. Ударъ произошелъ слишкомъ чувствителенъ для казаковъ—они бросились въ разсыпную къ станицѣ, потерявъ въ числѣ убитыхъ есаула и побросавъ много лошадей; на плечахъ каза-

ковъ ворвались въ станицу горцы и не болѣе какъ въ пять минутъ повалили ограду, а дома подожгли, затѣмъ ринулись грабить и рѣзать, не щади никого—даже дѣтей.

Въ это самое время съ Неберджая донской полкъ, изъ укр. Крымскаго драгуны и съ поста Бакана колона Мапяти, къ которой успѣла присоединиться эриванская рота, прискакали и прибѣжали на выручку станицы. Не-долго сопротивлялись горцы противъ шашекъ и штыковъ регулярныхъ войскъ: смѣльчаки шапсуги легли на мѣстѣ, а остальные съ награбленными вещами разсѣялись по лѣсистымъ горамъ. Такъ окончилась послѣдняя гуртовая попытка шапсуговъ.

По отбытіи горцевъ, станица представляла обожженные остатки строеній; перепуганные казаки, а въ особенности казачки и дѣти—съ ужасомъ и воплями смотрѣли на мѣста своихъ жилищъ. Для водворенія внутренняго спокойствія и приведенія въ порядокъ станицы, оставлена на время рота шт.-капит. Макѣева, ему-же и баталіонному лекарю Бергу поручено попеченіе о раненыхъ (*).

Сѣнокосная колона, окончивъ покосъ, съ 14-го октября соединилась съ другими частями отряда и двинулась вверхъ и внизъ по Абицу, разоряя аулы и уничтожая посѣвы; потомъ войска очищали пространство на востокъ отъ адагумскаго кордона, по обѣ стороны кавказскаго хребта; обошли всѣ ущелья и балки южнаго склона мархатскаго хребта—ноября 5-го взято два чугуинныхъ орудія; затѣмъ отрядъ двигался вверхъ по р. Хаблю для уничтоженія ауловъ и, наконецъ, къ рождественскимъ праздникамъ сосредоточился въ хабльскомъ окопѣ(**).

Въ это время по новому штату 5-й баталіонъ расформированъ, а 4-й приведенъ въ кадровый составъ; въ силу этого распоряженія, 3-я стрѣлковая рота разбита по остальнымъ

(*) Нашъ уронъ—шесть офицеровъ: 1 убитъ и 5 ранено; до 40 челов. нижнихъ чиновъ и семь жителей станицы убито и ранено.

(**) Награды за 1862 годъ—офицеры 4 ч. повышены въ чинахъ, а нижніе чины получили 12 крестовъ.

стрѣлковымъ ротамъ (*), такъ какъ командиръ ея шт.-капит. Шлиттеръ принялъ еще въ 1861 году шефскую роту. Эриванскіе стрѣлки, отпраздновавъ въ баракахъ святки, въ половинѣ января 1863 года въ отрядѣ генерала Бабича дѣлали движеніе къ вершинѣ р. Антхыръ, гдѣ, сжигая по пути аулы и хутора, взяли послѣ незначительной перестрѣлки мѣдное орудіе. Къ этому времени болѣе 10/т. черкесовъ обоюго пола переселились частію въ Турцію, а частію къ намъ на плоскость; оставшіеся въ горахъ, испытывали бѣдствія отъ холода и голода, такъ какъ ихъ дома и продовольственные запасы были истреблены.

Для встрѣчи Его Императорскаго Высочества МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, назначеннаго главнокомандующимъ кавказскою арміею (**), и обозрѣвавшаго войска праваго фланга, отрядъ генерала Бабича сосредоточился на Хаблѣ: 8 батал., 12 орудій, 4 эскадр. драгунъ и 2/с. казаковъ; въ числѣ этихъ войскъ были роты эриванскихъ стрѣлковъ, подъ командою маіора Трейтера.

Отъ Хабля до укр. Григорьевскаго отрядъ сопровождалъ главнокомандующаго; эриванцы шли—2-я рота въ авангардѣ, а остальные въ цѣпи и резервѣ. Горцы не преминули вступить въ дѣло; раздались сначала справа одиночныя выстрѣлы,

(*) Приказъ по полку, отъ 23 ноября, 1862 года.

(**) Приказъ по арміи, отъ 14 февраля, 1863 года.

• Храбрая войска кавказской арміи! Приветствую васъ поклономъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и царскимъ спасибо за вашу молодецкую и многотрудную службу.

• Приветствую васъ отъ имени бывшаго вождя вашего, генер.-фельдмаршала кн. Барятинскаго, который душевно скорбитъ, что тѣжелая болѣзнь вынудила его расстаться съ вами и чрезъ меня искренно благодаритъ васъ своихъ подвижниковъ, за примѣрное служеніе Царю и отечеству. Почитаю себя счастливымъ, что поставленъ во главѣ кавказской арміи и горжусь этимъ мѣстомъ, предаваемымъ моими знаменитыми предшественниками.

Призываю Бога на помощь—да благословитъ Оное оружіе наше, да увеличиваетъ скорымъ успѣхомъ усиленіе наше къ водворенію мира и спокойствія въ оставшихся еще непокорнымъ частяхъ Кавказа. Увѣренъ, что вы подъ начальствомъ Моня сохраните всегдашнія доблести ваши и дадите мнѣ право свидѣтельствовать о нихъ предъ Высокимъ и Милостивымъ цѣнителемъ заслугъ, Великимъ ГОСУДАРЕМЪ нашимъ.

а потомъ открылась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ; ввели въ дѣло резервы; наши войска, одушевленные присутствіемъ Его Высочества, смѣло кинулись впередъ; горцы невыдержали натиска—разбѣжались; этой перестрѣлкой, изложенной здѣсь вкратцѣ, ознаменованъ прїѣздъ Его Высочества и, даже можно сказать, вступленіе Его въ командованіе кавказскою арміею.

Его Высочество тутъ-же наградилъ отличившихся: шт.-капат. Макѣва, поручика Ульянова 3-го—слѣдующіе чины, а поручика Климова—орденомъ св. Станислава 3 степени.

По осмотрѣ дѣйствующихъ отрядовъ, главнокомандующій прибылъ въ Тифлисъ; на лѣто-же съ августѣйшимъ семействомъ своимъ переѣхалъ на Бѣлый-Ключъ, откуда въ маѣ мѣсяцѣ изволилъ посѣтить Манглисъ.

Четвертый баталіонъ, занятый штабъ-квартирными работами, въ двѣ недѣли былъ обученъ и представленъ въ наилучшемъ видѣ Его Высочеству; офицеры, соревнуя безъ всякихъ побужденій со стороны начальства, трудились надъ своими частями съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ какъ въ фронтовомъ, такъ и въ теоретическихъ знаніяхъ ихъ части представились главнокомандующему тѣми молодцами, какими до этихъ поръ представлялись дѣйствующіе баталіоны.

Его Высочество остался совершенно доволенъ какъ ученьемъ 4-го баталіона, такъ и осмотромъ штабъ-квартиры, а также домашнимъ спектаклемъ, даннымъ любителями офицерами въ сосновой роцѣ. Піеса шла: «Ночь въ духавѣ», соч. Соллогуба; она имѣла мѣстный туземный интересъ и была поставлена чрезвычайно эффектно.

О своемъ пребываніи въ Манглисѣ Его Высочество написалъ Августѣйшему шефу полка, а потому эриванцы на имя своего полкового командира удостоились получить слѣдующее письмо (*):

(*) Письмо, отъ 10-го августа, помѣщено въ приказѣ по полку, за № 222.

«Спѣшу сообщить тебѣ, любезный Голицынъ, для передачи твоему славному полку, порученіе вашего Августѣйшаго шефа:

«Послѣ пребыванія въ Манглисѣ, оставившемъ во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, я подробно описалъ ГОСУДАРЮ все, что у васъ видѣлъ и какъ вы меня угощали; въ отвѣтъ на это я получилъ вчера письмо отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА слѣдующими словами, отъ 31-го іюля:

«Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ Я описаніе твоего пребыванія въ Манглисѣ, у моихъ эриванцевъ; скажи имъ, что шефъ благодаритъ ихъ за радушіе, съ которымъ они тебя принимали».

«Убѣжденъ, что этотъ знакъ новой милости и вниманія Августѣйшаго шефа къ своему полку—послужить снова поощреніемъ для него для честной и вѣрной службы, каковою онъ постоянно до-нынѣ отличался и тѣмъ постарается и впредь быть достойнымъ милостей ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

МИХАИЛЬ».

13-го-же октября ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было зачислить въ полкъ Его Высочество МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА. Радостную эту вѣсть еще до полученія приказа Его Высочество сообщилъ изъ Ливадіи телеграммой, въ немногихъ, но дорогихъ словахъ: «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ зачислилъ меня сегодня въ списки вашего молодецкаго полка. Горжусь честью отъ-нынѣ принадлежать къ составу храбрыхъ эриванцевъ». Всѣ эти милости, украшая полкъ и воздвигая ему славу, возлагаютъ на него непогрѣшимо и незыблимо быть достойнымъ ее.

Въ началѣ этого-же лѣта жители закатальскаго округа возмутились; они, обложивъ Закаталы и напавъ на команды косцевъ отъ Тифлисскаго полка и линейнаго № 25 баталіона, изрубили до 120 человекъ.

Со всѣхъ сторонъ наши войска спѣшили къ Закаталамъ для усмиренія мятежа. Второй баталіонъ эриванцевъ подпол-

ковника Шелейховскаго, занимавшій въ Тифлисѣ караулъ, по первому извѣстію о мятежѣ выступилъ безъ обоза къ Закалатамъ, и на другой день, пройдя 177 верстъ, былъ уже въ Закалатахъ. Въ первые сутки баталіонъ сдѣлалъ 135 верстъ. Его Высочество главнокомандующій арміею, узнавая отъ приѣзжающихъ курьеровъ о движеніи эриванцевъ—былъ удивленъ поразительною быстротою, съ какою шли старые эриванцы. Вообще 2-й баталіонъ изстари отличался скороходствомъ, но на этотъ разъ онъ превзошелъ себя и изумилъ даже своихъ сослуживцевъ.

Мятежъ вскорѣ былъ подавленъ, а защитники его повѣшены.

Считаю нужнымъ здѣсь упомянуть, что въ это время совершилось одно изъ важныхъ событій въ жизни нашей арміи: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ отмѣнить прогнаніе сквозь строй и наказаніе шпидрutenами (*).

Такое благо, высочайше дарованное войскамъ, неоспоримо имѣетъ весьма хорошее вліяніе на нравственную жизнь нижнихъ чиновъ. Число преступленій значительно уменьшилось, побѣги сдѣлались рѣже, даже пьянство упало.

Возвратимся къ стрѣлкамъ.

Проводивъ Его Высочество, роты занялись обычными работами—производили рубку лѣса вверхъ по Хаблю, строили мостъ черезъ Афицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, ведя перестрѣлки (**), дѣлали рекогносцировки къ конусообразной горѣ Папай, потомъ къ выходу рѣки Пшадъ изъ ущелья Кацегурт; окончивъ движеніе, строили станицу Шапсугскую и ограду для станицы Эриванской.

Вообще кавказскія войска шагу не дѣлали безъ шанцеваго инструмента; при всякомъ движеніи солдаты, кромѣ ружья, боевой амуниціи, сухарей и котелка—несли еще, кто кирку кто лопатку, кто топоръ, а кто поздоровѣе, тотъ несъ ломъ.

(*) Высочайшій приказъ, отъ 19 апрѣля, 1863 года.

(**) Рапортъ, отъ 9 апрѣля, 1863 г., № 177; явлено: съ 22 по 27 марта всего 6 чел., а 6-го мая три челов.

Одновременно съ постройкою Шапсугской станицы въ половинѣ мая охотничій отрядъ, составленный изъ командъ отъ всѣхъ частей отряда, подъ общимъ начальствомъ Эриванскаго полка маіора Саранчева, послался для осмотра дорогъ на хребетъ Кацегуръ и ущелья Адерби.

Саранчевъ съ успѣхомъ исполнилъ порученіе: осмотрѣлъ дороги, взялъ 37 человѣкъ въ плѣвъ и отбилъ значительное стадо скота.

Кстати здѣсь будетъ упомянуть объ охотникахъ: они приносили въ отрядахъ огромную пользу, на нихъ лежала почти вся аванпостная служба, ихъ посылали на поиски во внутрь непріятельской страны; нужно было удивляться, съ какимъ изумительнымъ терпѣніемъ они переносили всѣ труды и лишения партизанской войны; во время наступленія—охотники шли впереди авангарда, при отступленіи—въ хвостѣ арріергарда, по этому первая непріятельская пуля посылалась въ нихъ. Но вотъ отрядъ послѣ изнурительнаго перехода останавливается, сушится, а охотники лѣзутъ на туманныя холодныя горы и становятся по вершинамъ наблюдательными пикетами для охраны лагеря. Славный, желѣзный народъ поступалъ въ охотники—большею частію малороссы и бурлаки съ Волги—люди съ-измала приученные къ труду и терпѣнію; въ виду такихъ заслугъ, имъ были предоставлены и нѣкоторыя льготы; одежду охотникамъ дозволялось носить какую угодно, по своему вкусу, а потому какихъ только оригинальныхъ костюмовъ на нихъ не было: одни наряжены были въ лезгинскія черкески и папахи, другіе въ чекмени и тушинки, третьи влѣзали въ какія-то овчинныя куртки безъ рукавовъ, и острия войлочныя шапочки, а многіе были одѣты въ какіе-то войлочные мѣшки импровизованнаго покроя; вмѣсто сапогъ, они носили легкія поршни; вооруженіе ихъ составляли ружье, отбитыя шашки и кинжалы. Охотниками Эриванскаго полка въ послѣднее время завѣдывалъ прапорщикъ Слезкинъ—онъ былъ въ душѣ партизанъ: проводить ночь въ севретахъ и залагахъ

безъ сна, а день въ перестрѣлкахъ—доставляло ему необычайное удовольствіе.

Мая 28-го маіоръ Саранчевъ опять съ охотниками и съ восемью ротами при одномъ орудіи выступилъ на р. Мзибъ; въ его колонѣ состояла 2-я стрѣлковая рота эриванцевъ. На слѣдующій день до 2/г. черкесовъ, раздѣлившись на три группы, бросились на колону Саранчева. Первая стрѣлковая рота поручика Климова, стаянувъ цѣпь, устроилась на удобной возвышенности, откуда мѣткимъ залпомъ встрѣтила смѣлый натискъ непріятеля. Горцы повторяли четыре атаки, одна другой стрѣмительнѣе; но Климовъ отстоялъ позицію, потерявъ одного убитымъ и четырехъ ранеными (*). Затѣмъ маіоръ Саранчевъ, выйдя изъ оборонительнаго положенія, заигралъ наступленіе. Климовъ уже раненый, опрокинулъ горцевъ, пытавшихся задержать роту; на другихъ пунктахъ наши войска имѣли такой же успѣхъ. Саранчевъ, разсѣявъ горцевъ и подойдя къ морю, принялъ сухари, привезенные на двухъ шкунахъ; на другой и слѣдующій день Саранчевъ отступалъ къ станицѣ Шапсугской—горцы провожали колону далекими выстрѣлами, но не вступали въ открытый бой.

Со 2-го іюня стрѣлки двигались по натухайской землѣ, для ускоренія переселенія жителей, и чрезъ недѣлю, исполнивъ порученіе, вернулись обратно на Хабль; затѣмъ эриванскіе стрѣлки исключительно занялись постройкою Ильинской станицы.

Въ это время принялъ стрѣлковыя роты подполковникъ кн. Голицынъ, въ высшей степени энергичный и предприимчивый человекъ; при немъ эриванскіе стрѣлки почти постоянно составляли авангардъ ген. Бабича; Григорій Сергѣевичъ Голицынъ полюбилъ свою часть и заботился оней.

Въ половинѣ августа стрѣлки кн. Голицына въ рядахъ отряда выступили къ Геленджику для постройки на немъ поста;

(*) Рапортъ маіора Трейтера, отъ 10 іюня, 1863 г., № 338.

движеніе это имѣло праздничный видъ: роты передъ новымъ командиромъ желали отличиться—первая щеголяла своими рот. пѣсенниками, вторая пѣвчими, пѣвшими малороссійскія пѣсни, а третья—музыкантами. Веселью много способствовало изобиліе съѣстныхъ припасовъ и командирская чарка спирта.

Занявъ Геленджикъ, войска очищали горы отъ Абина до адагумской линіи и обанчивали покосы. Маіоръ Саранчевъ съ охотниками 18-го сентября дѣлалъ набѣгъ къ истокамъ Адерби, гдѣ взялъ мѣдное орудіе. Князь-же Голицынъ временно отъѣзжалъ по дѣламъ службы на южный берегъ Крыма. Въ Ливадіи кн. Голицынъ, представляясь шефу полка ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, имѣлъ счастье получить приказаніе отъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА передать эриванцамъ поклонъ и лестное мнѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: «Что эриванцы всегда и вездѣ поддержать ту славу, которую они заслужили» (*).

Къ 27 сентября весь отрядъ Бабича сосредоточился у адагумскаго поста и перешелъ на южный склонъ Кацегура, разрабатывая дорогу въ ущелье Адерби. Черезъ недѣлю горы изрѣзаны были зигзагами и отрядъ съ повозками перешелъ на р. Мзыбъ и сейчасъ-же приступилъ къ устройству поста на мѣстѣ, выбранномъ генер. Бабичемъ; окончивъ мзыбскій постъ, отрядъ двинулся далѣе въ глубь шапсугской земли, къ р. Шпадь—на ней по показаніямъ лазутчиковъ надѣялись встрѣтить сборище горцевъ. Съ разсвѣтомъ 8-го октября эриванцы, слѣдуя въ авангардѣ кн. Голицына, стали подыматься на высокой хребетъ Вардавія, преграждавшій доступъ къ р. Шпадь. День стоялъ теплый, солнечный; къ полудню баталіоны, изливши много поту, осилили подъемъ и взошли на перевалъ. Величественный открылся видъ: на сѣверъ разстилалась безпредѣльная степь, по коей серебряными змѣйками извивались рѣчки, а кое-гдѣ темнѣлъ нятнами лѣсъ; на югѣ и востокѣ громоздились вершины Кавказа, одна выше другой, и чернѣли мрачныя ущелья; на западѣ, у подножія горъ, лежало неподвижное

(*) Приказъ по стрѣльбнымъ ротамъ, отъ 7 сентября, 1863 г., № 107.

море. Спустившись не-много на южный склонъ Вардавія, баталіонъ станулся на приваль въ аулѣ подѣ широкими волосскими орѣхами. Изобильный ключъ чистой воды, бѣжавшій изъ подѣ одного орѣха—была важная находка: солдаты быстро наполнили котелки водою, стали мочить сухари и закусывать; настрѣлянные и наловленные тутъ-же куры, уже во многихъ мѣстахъ жарились на огнѣ; на этотъ приваль, спустившись съ горы, подошелъ къ эриванцамъ какой-то юродивый, разоруженный черкесъ, весьма оригинальной наружности: его широкій желтый лобъ занималъ большую часть лица, а отъ носа небольшое рыльце выдавалось впередъ. «Цибляго», такъ называли черкеса, ухмылялся и ласкался къ солдатамъ; его представили къ кн. Голицыну, который, угостивъ интереснаго плѣнника закускою, приказалъ деньщику обмундировать черкеса и держать при себѣ.

Къ вечеру отрядъ, спустившись на притокъ Пшады къ р. Жени, разбилъ по ней свой лагерь; слѣдующіе два дня эриванцы занимались разработкою перевала Вардавія, а ночью 12-го октября кн. Голицынъ съ своимъ стрѣл. баталіономъ произвелъ поискъ въ боковое ущелье, гдѣ взялъ 27 человекъ въ плѣнъ и зажегъ нѣсколько ауловъ.

14-го октября весь отрядъ, совсѣми военными предосторожностями, наступалъ къ р. Пшадѣ. Эриванцы шли въ авангардѣ съ заряженными ружьями. Пройдя ущелье Жени, они повернули въ живописную пшадскую долину, по обѣимъ сторонамъ которой встрѣчались только что кипутые жителями богатые аулы съ избами, выстроенными на русскій ладъ. Кое-гдѣ на возвышенностяхъ находили жертвенники, сложенные изъ огромныхъ каменныхъ плитъ въ видѣ квадратныхъ бутокъ съ плоскими каменными крышами, посреди коихъ просверлены жерла для дыма. Не смотря на увѣреніе лазутчиковъ, что шапсуги будутъ драться на Пшадѣ, они нигдѣ даже не показывались, а поспѣшили укрыться въ лѣсистыя горы.

Не доходя верстъ четырехъ до устья Пшады, впадающей

въ море, отрядъ занялъ подъ лагерь красивое мѣсто возлѣ небольшой рощицы, примыкающей къ рѣкѣ.

Въ этотъ день вѣрный спутникъ баталіона Цибляго, при разгромѣ одного аула, бросился вмѣстѣ съ солдатами грабить жилища своихъ-же черкесовъ, по тутъ-же въ суетѣ былъ заколотъ солдатами Крымскаго полка, не знавшими, что онъ «мирной».

Таеъ какъ отрядъ по пути слѣдованія поджигалъ аулы по Пшадѣ и боковымъ трещинамъ, то къ ночи вышла великолѣпная иллюминація.

Огромная масса огня освѣтила долину.

Въ эту-же ночь 2-я стрѣлковая рота шт.-кап. Макѣева, въ колонѣ полковн. Фитингофа, на-легкахъ ходила въ горы съ цѣлю удалить горцевъ отъ лагеря и уничтожить аулы вверхъ по Пшадѣ и далѣе чрезъ возвышенность Самачупась до самаго моря.

Шапсуги все болѣе и болѣе теряли общественную связь и со страхомъ, распространявшимся по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ, очищали одно ущелье за другимъ. Борьба дѣлалась все слабѣе—только отчаянные бездомные байгуши (бѣдняки) вступали въ перестрѣлки; набѣгъ полковника Фитингофа по мѣстности весьма пересѣченной и удобной для защиты, въ прежнее время стоилъ-бы большихъ потерь, въ настоящемъ случаѣ, кромѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ закустовъ, колона не встрѣтила больше сопротивленія.

Съ прибытіемъ на Пшады, отрядъ дѣятельно приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія возлѣ моря и станицы на мѣстѣ лагеря; эриванцы свозили изъ окрестныхъ ауловъ бревна, складывали теплые бараки, образуя улицы, а также строили конюшни и ротныя бани.

Между тѣмъ, 20-го октября подполковникъ князь Голицынъ съ небольшою колоною производилъ рекогносцировку прямо къ Мингрельской станицѣ: въ его колонѣ въ авангар-

дѣ наступала 3-я стрѣлковая рота эриванцевъ; на ночь колона остановилась въ сжатомъ ущельи—горцы съ высотъ сдѣлали къ разсвѣту залпъ по бивуаку: пули пронеслись надъ головами, никого не задѣвъ; охотники наши бросились къ мѣсту выстрѣловъ, но уже горцевъ не застали—они всюду слѣдили за нами и пользовались всякимъ случаемъ нанести намъ хоть какой-нибудь вредъ, но въ открытый бой не вступали.

На другой день кн. Голицынъ, осмотрѣвъ дорогу и снявъ маршрутъ, вернулся на Пшады. Во время этого движенія послѣ незначительной перестрѣлки 3-я рота взяла аулъ, расположенный между скалистыми гребнями; достопримѣчательно то, что въ этомъ аулѣ найдено нѣсколько палцарей хорошей работы и пучекъ стрѣлъ, но за то эта рота чуть не подверглась той участи, какъ въ 1832 году отрядъ барона Розена при цоринской башнѣ; горцы, занявъ отвѣсную скалу, внизу которой пролегла дорога и по которой слѣдовало двигаться 3-й ротѣ, могли бить людей на выборъ; тогда второй полувзводъ 2-го взвода стрѣлковъ, отступавшій въ аррьергардѣ, лѣзетъ самъ на противоположную скалу и хотя далекими, но дѣйствительными выстрѣлами заставляетъ горцевъ пропустить людей, внизу стоящихъ, а затѣмъ подъ ихъ прикрытіемъ проходить самъ.

26-го октября эриванцы съ большею частію отряда стали наступать къ р. Джубъ, имѣя въ мѣшкахъ 8-ми-дневный провіантъ; первый переходъ сдѣлали къ р. Текосу и на ней заночевали; утромъ 2-я стрѣлковая рота капитана Макѣва, раздѣленная на два взвода, послана въ горы, получивъ приказаніе разорять аулы и очищать пространство между Текосомъ и Пшадюю отъ шаекъ горцевъ; изъ этого распоряженія видно, что какъ матеріальная, такъ и нравственная сила горцевъ окончательно пала, иначе-бы генералъ Бабичъ нерѣшился дробить отрядъ на столь малыя части.

Къ вечеру рота капитана Макѣва, пройдя огромное пространство и предавъ огню тамъ и сямъ разбросанные аулы

съ большими запасами кукурузы, пшена, ячменя и пшеницы, вернулась на новую позицію Вулань; сверхъ того, ротою взято нѣсколько женщинъ съ дѣтьми—одну изъ дѣвочекъ, по имени Фатъму, капитанъ Макѣевъ взялъ на воспитаніе: она теперь учится въ Кишеневскомъ пансіонѣ.

Изъ вуланскаго лагеря 28-го октября оберъ-квартирмейстеръ кавказскій арміи, генераль-маіоръ Кармалинъ, сдѣлалъ переходъ въ горы въ 26 верстѣ, сожегая аулы и забирая скотъ; солдаты, не чувствуя усталости, лазали по горамъ и трющобамъ—свѣжій слѣдъ скотины сильно возбуждалъ желаніе догнать ее; стадо отбивалось за стадомъ, наконецъ, сформировалась огромная отара баранты и рогатаго скота; вуланская стоянка ознаменована удачными поисками—на другой день опять отбита отара барановъ; кухни какъ офицерскія, такъ и солдатъ готовили разныя блюда изъ говядины. 30-го числа генераль Кармалинъ наступалъ къ Джубѣ; эриванцы шли въ колонѣ кн. Голицына по берегу моря, ведя живую перестрѣлку—въ особенности при устьяхъ Джубы; поздно вечеромъ отрядъ соединился на Джубѣ, утромъ, разогнавъ группу горцевъ ракетами, отрядъ возвратился на Улань. На слѣдующій день князь Голицынъ дѣлалъ набѣгъ; веселый шумъ и говоръ поднялся въ лагерѣ эриванцевъ по поводу приказанія на легкахъ собраться и приготовиться на ночь къ выступленію; лишь только смерклось, роты, уже готовыя и рассчитанныя, стояли въ ружье съ небольшими котомками сухарей за спиной; вскорѣ выѣхалъ князь Голицынъ, поздоровался съ своими стрѣлками и приказалъ трогаться справа по отдѣленіямъ, начиная съ первой роты; стрѣлки вытянулись, прошли рѣчку, вошли въ ущелье, опять прошли рѣчку и стали подыматься на крутую скалистую гору; среди мрачной ночи долго лѣзли они въ гору: деревья, камни, встрѣчаемые въ темнотѣ, казались какими-то великанами, а вершины какъ будто выростали одна надъ другой все выше и выше, и казалось конца имъ нѣтъ; всѣ сильно утомились—данъ получасовой привалъ; съ привала наши

проводники шапсуги повели 2-ю роту направо, а 3-ю налево, сохраняя глубочайшую тишину. Первая рота осталась въ резервъ на мѣстѣ; вскорѣ послышался лай собакъ и показались потухающіе костры; роты съ разныхъ сторонъ горы оцѣпили взводами кутаны, а другими взводами кинулись съ ура и стрѣльбою на горскіе шалаши; шапсуги, вмѣня обычай спать безъ бѣлья, голые бросились къ лѣсу: многіе изъ нихъ захвачены, а многіе успѣли въ темнотѣ проскользнуть въ чащу—въ особенности дѣти; мужчинамъ плѣнникамъ связали руки, а женщинъ и дѣтей такъ взяли, подѣ караулъ; все ихъ имущество заключалось въ нѣсколькихъ изодранныхъ овчинныхъ шубахъ и соломенныхъ циновкахъ; сверхъ плѣнныхъ, взято нѣсколько головъ скота. Князь Голицынъ, исполнивъ съ эриванцами въ точности порученіе, вернулся безъ убыли въ лагерь.

Второго ноября весь отрядъ перешелъ на Ишадъ; отдохнувъ въ баракахъ и запасшись провіантомъ, доставленнымъ сюда моремъ, отрядъ снова выступилъ въ долину Вуланъ, гдѣ шесть дней жгли аулы и разрабатывали дорогу чрезъ перевалъ; послѣ чего генералъ Бабичъ двинулся въ долину Шапсуго—эриванцы наступали въ авангардѣ князя Голицына, а потому первые прибыли на Шапсуго и расположились лагеремъ; когда горцы, съѣхавъ съ горъ, начали тревожить выстрѣлами людей, бравшихъ воду, то князь построилъ стрѣлковъ, повелъ въ атаку на гору, гдѣ засѣли горцы; но они съ перваго нашего шага бѣжали, преслѣдуемые ружейнымъ огнемъ; холодъ значительно сталъ усиливаться, море все чаще и чаще бунтовалось, дулъ рѣзкій нордъ-остъ.

Съ Шапсуго князь Голицынъ съ своимъ авангардомъ на легкихъ двинулся далѣе по берегу моря къ р. Туапсе; пройдя 10 верстъ, отрядъ повернулъ въ горы и затѣмъ спустился окольною дорогою въ долину Шапсуго, въ семи верстахъ выше устья, а къ вечеру возвратился въ лагерь Шапсуго, вмѣня перестрѣлку.

Быстрыя движенія князя Голицына не были изнуритель-

ными для солдатъ—князь большую часть похода самъ шель пѣшкомъ и давалъ привалы тамъ, гдѣ требовала усталость; сверхъ того, веселый его характеръ производилъ такое-же впечатлѣніе и на его подчиненныхъ.

Пока отрядъ совершалъ движенія, море вздулось волнами и сильно шумѣло днемъ и ночью; 24-го ноября, качаясь по волнамъ, подплыла шкуна «Салгирь»—разгрузка ея представила много затрудненій; со шкуны высадились нѣсколько матросовъ и флотскихъ офицеровъ, назначенныхъ для участія въ походѣ; къ эриванскимъ стрѣлкамъ былъ прикомандированъ лейтенантъ Твороговъ съ 10-ю матросами; въ этотъ-же день пошелъ снѣгъ въ перемежку съ дождемъ и къ вечеру усилился морозъ.

Окончивъ къ 30-му числу дорогу между Джубой и Шапсуго, генералъ Бабичъ двинулся впередъ въ горы къ р. Нечепсуго двумя колоннами; двѣ первыя роты эриванцевъ состояли въ колопѣ князя Голицына, а третья рота у полковника Фитингофа; Голицынъ, сожигая аулы и большіе запасы хлѣба по горамъ и трупобамъ и ведя перестрѣлку, вышелъ по верховьямъ р. Секай и Пляху на Нечепсуго; здѣсь въ сумеркахъ колонны соединились въ орѣховой роцѣ и стали бивуакомъ; дождь, шедшій въ теченіи дня, промочилъ всѣхъ до костей—къ ночи подулъ рѣзкій вѣтеръ и морозъ сталъ лединить мокрую одежду; надо было обогрѣваться кострами, дровъ и лѣсу вблизи не было, кромѣ упомянутой рощи, а потому стали рубить орѣховыя деревья на костры.

Лейтенантъ Твороговъ, непривычный къ невздамъ кавказской походной жизни, удивлялся солдатамъ, говоря—врядъ ли когда другая армія, по его мнѣнію, перепосила такія «адскія лишенія». Дѣйствительно, солдаты проводили цѣлыя ночи подъ дождемъ и снѣгомъ, ложась на грязи—въ мокрой одеждѣ; на этой памятной для всѣхъ позиціи стояли девять дней, фуражируя и сжигая аулы по долинямъ Нечепсуго; такія энергичныя дѣйствія среди зимы вынудили до тысячи горскихъ се-

мействъ выйти къ отряду съ покорностію; семейства эти, испытывая равную участь съ отрядомъ, расположились вдоль морского прибрежья, готовясь къ переселенію въ Турцію, — между тѣмъ, недовольные ихъ покорностію — стали отнимать у нихъ имущество и дѣтей; на этомъ основаніи въ ночь на 5-е декабря колона князя Голицына была направлена къ истокамъ рѣкъ Ту и Небухъ, имѣя въ головѣ эриванцевъ; князь Голицынъ шель по мерзлымъ рѣчкамъ въ бродъ и по тропкамъ, покрытымъ гололедицею и достигъ большого аула Небухъ, расположеннаго среди дикаго и мрачнаго мѣста, окруженнаго глубокими трещинами и обставленнаго высокими горами; послѣ незначительной перестрѣлки аулъ взятъ и въ немъ найдено до $\frac{1}{2}$. тысячъ боевыхъ патроновъ турецкаго приготовленія; разоривъ аулъ, князь Голицынъ сталъ спускаться въ Дефиле р. Ту — горцы опять стали оказывать сопротивленіе, занявъ входъ въ Дефиле; тогда выдвинутая 1-я стрѣлковая рота въ обходъ по горамъ заставила горцевъ очистить проходъ — сверхъ того, взяли у нихъ стадо барановъ; къ вечеру широкая полоса огня обозначала мѣста, пройденныя кн. Голицынымъ — то горѣли горскія жилища.

Съ переходомъ адагумскаго отряда на Шапсуго, онъ вошелъ въ районъ дѣйствій джубскаго отряда, а потому въ видахъ единства въ управленіи военными предпріятіями генер. Бабича отрядъ подчиненъ генер. Суморокову-Эльстону. Такимъ образомъ 8-го декабря адагумскій отрядъ расформированъ; войска, четыре года состоявшія подъ командою генерала Бабича, полюбили его и на прощанье сдѣлали ему походный прощальный обѣдъ съ пѣсенниками и стрѣльбою изъ ружей и орудій; долго повторялись задравные тосты и раздавался по горамъ гулъ орудій.

Вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ изъ отряда кн. Голицынъ, передавъ командованіе стрѣлками маіору Саранчеву. Съ полною признательностію эриванцы угощали князя Григорія Сергѣевича незатѣйливой, но отъ души устроенной походной пируш-

кой; послѣ обѣда пѣсенники, разставленные на горахъ по пути проѣзда, а офицеры верхами, провожали князя нѣсколько верстъ до ночи.

Въ джубскомъ отрядѣ эриванцы до 22-го декабря продолжали опустошать землю шапсуговъ, жители коей, окончательно парализованные, собирались къ морю, гдѣ садились въ кочермы и неслись по волнамъ въ Анатолію—къ своимъ соплеменникамъ.

Кончился походъ въ землю шапсуговъ; эриванскіе стрѣлки, двигаясь по сугробамъ снѣга и останавливаясь лагеремъ на снѣгу, дошли до станицы Хабль; здѣсь, въ баракахъ, отпраздновавъ конецъ похода и святки, выступили въ длинный путь на Манглись.

Проходя чрезъ Тифлисъ, офицеры были приглашены на обѣдъ къ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему арміею.

ГЛАВА XXIV.

Десантъ. Взятіе Айбгу. Конецъ кавказской войны. Мирная жизнь полка съ 1864—1870 годъ.

Почти одновременно съ возвращеніемъ первыхъ трехъ стрѣлковыхъ ротъ съ праваго крыла въ Манглись, 1-й и 2-й баталіоны съ 4-ю и 5-ю стрѣлковыми ротами, въ числѣ 2014 человекъ, выступили въ походъ, подъ командою своего полкового командира генераль-маіора князя Голлицина; къ 22-му апрѣля прибыли въ Сухумъ-кале, гдѣ вошли въ составъ ахчипсхувскаго отряда, который подъ командою генераль-лейтенанта кн. Святополкъ-Мирскаго предназначался для десанта. Съѣвъ на суда, эти войска 28-го апрѣля при отличной погодѣ и тихомъ море снялись съ якоря и направились къ устью рѣки

Мзымты; звуки полковой музыки далеко раздавались по морю и увеличивали веселое настроеніе войскъ.

На слѣдующій день утромъ эскадра бросила якорь противъ бывшаго укрѣпленія св. Духа—на мысѣ Адлерѣ; въ 9½ часовъ начать десантъ; съ первымъ рейсомъ гребныхъ судовъ отправились къ берегу эриванцы, а къ 11-ти часамъ весь отрядъ, высадившись на берегъ, расположился лагеремъ на правомъ берегу рѣки Мзымты; сюда, сухимъ путемъ черезъ Гагры, присоединился и обозъ.

Джигеты встрѣтили наши войска дружелюбно, объявили, что желаютъ переселиться въ Турцію и просили времени для сборовъ; воинственное-же племя Айбгу еще сопротивлялось—они, перегородивъ дорогу завалами, задержали наступленіе отряда генерала Шатилова; вотъ противъ этихъ айбгинцевъ и предстояло дѣйствовать десанту.

Перваго мая генераль-квартирмейстеръ кавказской арміи Батезатулъ 1-й съ частью десанта двинулся изъ Адлера вверхъ по правому берегу рѣки Мзымты, къ уроч. Ахштырха, лежавшему въ 14-ти верстахъ отъ моря, съ цѣлью осмотрѣть мѣстность и дорогу; въ этой колонѣ состоялъ второй баталіонъ эриванцевъ подполковника Шелейховскаго; баталіонъ по пути слѣдованія разработывалъ дорогу и только къ вечеру прибылъ на Ахштырхъ; на слѣдующій день баталіонъ, двигаясь въ колонѣ генерала Батезатула, продолжалъ разработку дороги къ Ахчипсху.

Мая 6-го Его Императорское Высочество Великій Князь МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, главнокомандующій кавказскою арміей, изволилъ прибыть къ десантнымъ войскамъ и расположился съ главнымъ штабомъ въ урочищѣ Ахштырхѣ.

По волѣ Его Высочества, князь Мирскій приказалъ генералу Батезатулу взять въ тылъ айбгинскіе завалы, которые задерживали наступленіе колонъ генерала Шатилова, и привести къ полной покорности воинственныхъ айбгинцевъ; на этомъ основаніи 10-го мая, въ 3 часа утра, колона Батезату-

ла двинулась по тропѣ на перевалъ черезъ гору Дзыхру и далѣе, въ тылъ неприятелю; первый переходъ былъ сдѣланъ въ слѣдующемъ порядкѣ: въ авангардѣ, подѣ личною командою генераль-маіора князя Голицына, шелъ второй баталіонъ и 4-я стрѣлковая рота, сзади авангарда шли два баталіона грузинцевъ; авангардъ князя Голицына, двигаясь впередъ, разрабатывалъ, по возможности, въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ тропинку, въ особенности на перевалѣ черезъ гору Дзыхру, до вершины которой колона тянулась около четырехъ часовъ, хотя протяженіе пути не превосходитъ трехъ верствъ.

Густой туманъ, крутизна горы, по которой извивалась едва замѣтная тропинка, ребра скалъ, громадные камни и древесные корни—заграждали и замедляли слѣдованіе; спускъ съ вершины Дзыхра къ ущелью рѣки Псоу представлялъ не менѣе трудностей—стезя, пробитая горцами и звѣрями, пролегаетъ по скользкому карнизу надъ отвѣсной бездною, гдѣ каждый неосторожный шагъ грозилъ наденіемъ въ пропасть.

Лишь только наши войска стали подходить къ уроч. Дыэхрѣ, какъ стаявшій здѣсь горскій пикеть, въ числѣ 200 человекъ, поспѣшно отошелъ къ заваламъ, отстоявшимъ на 1½ версты отъ упомянутаго урочища; поздно вечеромъ наши войска стянулись въ урочище Дыэхрѣ въ тылу заваловъ, занятыхъ сборищемъ айбговцевъ, псхувцевъ и разныхъ абрековъ изъ другихъ сосѣднихъ племенъ; горцы, изумленные появленіемъ русскихъ у себя въ тылу, откуда они воображали себя совершенно обезпеченными недоступною мѣстностію, стали очищать завалы и изъявлять покорность, но съ тѣмъ, чтобы имъ дозволили убрать съ полей хлѣбъ и дали время приготовиться къ отбѣзду въ Турцію.

Генералъ Батезатуль, желая вынудить безусловную покорность, двинулся въ глубь Айбо, оставивъ на позиціи Дыэхрѣ эриванцевъ, какъ для разработки трудно проходимой дороги черезъ два обрывистыхъ и глубокихъ оврага на уроч. Арха, такъ и для того, чтобы не допустить горцевъ при движеніи

генерала Шатилова завладѣть этими, почти непроходимыми оврагами, а также и для обезпеченія тыла. вмѣстѣ съ тѣмъ подполковнику Шелейховскому, оставленному съ эриванцами, приказывалось, въ случаѣ приближенія псхувскаго отряда генерала Шатилова къ позиціи Дыэкръ, тотчасъ со 2-мъ баталіономъ и 4-й стрѣлковой ротой эриванцевъ слѣдовать на присоединеніе къ главной колоннѣ, двинутой въ Айбо; къ полудню на Дыэкръ поднялся ожидаемый эриванцами псхувскій отрядъ Шатилова, а потому Шелейховскій снялся съ позиціи и пройдя по чрезмѣрно труднымъ и едва проходимымъ пропастямъ, еще до заката солнца присоединился къ колоннѣ генерала Батезатула, имѣвъ на пути перестрѣлку въ лѣвой и боковой цѣпяхъ: это были послѣдніе выстрѣлы, сдѣланные эриванцами по горцамъ.

И такъ, полкъ, подъ командою Бориса Федоровича князя Голицына, завершилъ свою славную боевую дѣятельность въ великомъ дѣлѣ умиротворенія Кавказа и завершилъ также блистательно и безукоризненно-честно, какъ и сдѣлалъ починъ въ битвѣ на берегахъ рѣки Юры въ 1800 году, подъ командою шефа своего Лазарева.

Въ столь важномъ событіи, совершившемся въ исторіи нашего отечества, полкъ, безспорно, принималъ главное участіе, и въ своей летописи представляетъ почти всѣ кровавыя эпизоды кавказской войны.

Успѣшное движеніе въ Айбо окончило войну: айбгипцы въ ту-же ночь, 11-го мая, и на другое утро прислали депутатовъ съ изъявленіемъ полной готовности подчиниться всѣмъ нашимъ требованіямъ. Эта экспедиція рѣшила также участь ахчипсхувцевъ: они отложили всякую мечту тянуть время и рѣшились тотчасъ-же выселиться. Такъ пали послѣднія горскія племена, когда-то намъ съ гордостію отвѣчавшія: «Мы ни чьими рабами никогда не были и не будемъ». Ихъ безпредѣльная отвага и любовь къ свободѣ—сокрушены русскимъ тер-

пѣніемъ и неохладѣвающимъ мужествомъ, которое удивляло своихъ соотечественниковъ и даже нашихъ враговъ.

Возвратимся къ отряду. Съ 12-го по 14-е мая генераль Батезатуль двигался обратно на Ахигтырхъ, а 2-й баталіонъ Шелейховскаго на Псаго; войска по засвидѣтельствованію отрядного начальника, «не только бодро и весело сдѣлали весь походъ, но и готовы были тотчасъ послѣ онаго двинуться на новые подвиги»; сверхъ того, «въ отрядѣ не было ни одного отсталого и ни одного заболѣвшаго».

Его высочество главнокомандующій арміею, въ награду отличнаго мужества и во вниманіе рвенія къ перенесенію тяжелыхъ трудовъ, въ день возвращенія отряда изволилъ щедро наградить наиболѣе отличившихся (*).

Затѣмъ къ 18-му мая шесть ротъ эриванцевъ передвинуты изъ Псаго на позицію у горы Ахцу.

По распоряженію главнокомандующаго, общество Ахчипсеху одновременно съ разныхъ сторонъ занято четырьмя отрядами: ахчипсехувскимъ, псехувскимъ, даховскимъ и псехскимъ; 21-го мая, среди расположенія четырехъ отрядовъ, совершонъ благодарственный молебень, въ присутствіи его императорскаго высочества великаго князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА, по случаю окончательнаго покоренія Кавказа.

«Отъ-нынѣ на всемъ Кавказѣ нѣтъ ни одного человѣка, непокорнаго ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ» — доносилъ великій князь, — и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ приказъ по арміи (**):

«Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ доблести вашей, поздравляю васъ, войска кавказской арміи, съ покореніемъ западнаго Кавказа и съ оконченіемъ кавказской войны.

(*) Рапортъ генерала Батезатула къ князю Мирскому, отъ 13-го мая, 1864 года, № 475.

(**) Приказъ по арміи, отъ 21-го мая, 1864 года, № 206. Лагерь на уроч. Гаагда, въ землѣ Ахчипсеху.

«Своимъ мужествомъ въ бояхъ, своей безпримѣрной твердостью въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и лишеній, сослужили вы Государю и отчеству великую службу: ни ужасы дикихъ, недоступныхъ горныхъ убѣжищъ, ни отчаянное сопротивленіе обитателей ихъ, ни суровая стужа, ни палящій зной—ни что не остановило васъ: все преодолѣли вы въ теченіе многихъ лѣтъ, не слабѣя духомъ, запечатлѣвая потомъ и кровью каждый шагъ, и достигли цѣли.

«Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія! Слава и признательность отечества вамъ—покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, педождавшимъ настоящей радости и великой минуты!»

Столь сильно и тепло выраженные слова въ приказѣ и проникнутыя важностію совершившагося событія, вполне показываютъ, какія употреблены средства для достиженія цѣли, и какъ нами рѣшена эта гигантская задача; результатами шестидесятилѣтней борьбы мы получили эту, такъ сказать, огромную крѣпость Кавказъ, которая въ рукахъ нашего солдата должна быть неодолима; сверхъ того, этимъ покореніемъ обезпечены наши южныя пограничныя поселенія, и вся кавказская армія, такъ долго стоявшая у подножія горъ, получила возможность быть двинута туда, куда потребуютъ обстоятельства въ случаѣ войны.

За покореніе западнаго Кавказа пожалованы кавказцамъ серебряныя медали съ портретомъ ИМПЕРАТОРА, а всѣмъ участвовавшимъ когда-либо въ горской войнѣ установлены для ношенія на груди особые кресты; Августѣйшій шефъ, въ знакъ особаго вниманія, пожаловалъ въ полкъ всѣмъ гг. баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ таковыя кресты, сдѣланные изъ серебра съ золотыми мечами.

Окончивъ 60-ти-лѣтнюю войну съ горскими племенами, полкъ въ послѣдніе годы частями своими занималъ караулъ въ Тифлисѣ, частями осенью и весною ходилъ на разработку

полотна для желѣзной дороги отъ Тифлиса до Кутаиса; въ августѣ ежегодно становился лагеремъ неподалеко отъ староманглисскаго храма, подлѣ Голицынской слободы, основанной и заселенной по инициативѣ князя Голицына отставными солдатами.

Изъ манглисскаго лагеря полкъ уходилъ на сентябрь и октябрь мѣсяцы въ общій учебный лагерь къ Тифлису; тутъ за свою фронтную выpravку и стрѣльбу получалъ неоднократно благодарность.

Въ 1864 году Борисъ Федоровичъ князь Голицынъ сдалъ полкъ полковнику Бюнтингу. Проводы и встрѣчу своимъ полковымъ командирамъ эриванцы устроили въ сосновой роцѣ, въ великолѣпно убранной и иллюминированной ротондѣ. Пивникъ съ полковыми дамами былъ завершенъ кавказской пирушкой, на которой эриванцы высказали много душевныхъ чувствъ, неподдѣльной преданности и любви къ кн. Голицыну.

Въ 1866 году высочайшимъ приказомъ зачисленъ въ списки полка сынъ его высочества главнокомандующаго МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА—великій князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАИЛОВИЧЪ. Эриванцы съ живѣйшею радостію узнали объ этомъ новомъ знакѣ милости къ полку и на первомъ полковомъ праздникѣ *иллюминировали щитъ съ оензелями АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА и пили его за здравіицу*. Съ того времени при каждомъ празднествѣ эриванцы провозглашаютъ тостъ за здоровье своего однополчанина АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА.

Въ послѣднемъ лагерѣ подъ Тифлисомъ въ 1869 году, уже въ командованіе полкомъ нынѣшнимъ командиромъ, полковникомъ Гурчинымъ, полкъ, вооруженный игольчатыми ружьями, далъ на стрѣльбѣ процентъ весьма удовлетворительный. Еще важнымъ событіемъ ознаменованъ этотъ годъ: баталіоны получили новыя знамена, на которыя къ прежнимъ надписямъ добавлено «и за шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны».

Прибивка происходила въ лагерѣ. 9-го октября, вечеромъ, около ставки его высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, совершилась церемонія прибивки новыхъ знаменъ (*); къ этой церемоніи были приглашены его высочествомъ всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, фельдфебеля, а также по одному португей-юнкеру отъ каждаго баталіона и по унтеръ-офицеру съ двумя рядовыми отъ каждой роты; прибивка знаменъ происходила въ трехъ намстахъ, нарочно для того устроенныхъ; подъ наметами (съ открытыми боками) стояли столы, роскошно убранные персидскими коврами, на которыхъ были разложены принадлежности для прибивки.

Его высочество МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, перекрестясь, собственноручно обкрутилъ вокругъ древки запасъ полотна знамени 1-го баталіона Эриванскаго полка и изволилъ вбить значительное количество гвоздей; затѣмъ великій князь переходилъ отъ одного знамени къ другому и въ каждое вбилъ по нѣсколько гвоздей. Предоставляя честь дальнѣйшей работы начальнику дивизіи, генераль-маіору князю Тарханъ-Моуравову, полковому командиру полковнику Гурчину и другимъ чинамъ по старшинству, оканчивая рядовымъ.

На другой день утромъ происходило освященіе прикрѣпленныхъ наканунѣ знаменъ. Послѣ церковнаго служенія, установленнаго на этотъ случай, знаменамъ отдали должную, первую честь, а его высочество, поздравляя гренадеровъ съ новыми знаменами, высказалъ надежду на то, «что, не смотря на предстоящій уходъ въ настоящемъ году въ безсрочный отпускъ послѣднихъ старослуживыхъ боевыхъ солдатъ, командиры полковъ, при полномъ содѣйствіи старыхъ офицеровъ, съ умѣютъ поддержать въ полкахъ своихъ тотъ доблестный воинскій духъ, который издавна составляетъ сокровище кавказской гренадерской дивизіи, и который одинъ можетъ служить всегда порукою успѣха въ бояхъ и увеличенія безъ того, впрочемъ,

(*) Въ полкахъ: Эриванскомъ, Грузинскомъ и Тифлисскомъ.

хорошо известной и другу и недругу громкой репутации эриванцевъ, грузинцевъ и тифлисцевъ» (*).

Общимъ церемониальнымъ маршемъ завершилось освященіе знаменъ; эриванцы, сіяющіе радостію и увѣшанные орденскими знаками, прошли стройно, молодцами, и удостоились получить отъ его высочества — «Отлично».

Завершая этимъ событіемъ исторію столь доблестнаго и старѣйшаго полка въ кавказской арміи, считаю нужнымъ упомянуть, что послѣ лагеря, осенью 1869 года, ушли изъ полка въ безсрочный отпускъ послѣдніе солдаты, бывшіе въ дѣлахъ.

Они какъ будто для того еще оставались въ полку, чтобъ новыя знамена, украшенныя заслугами въ теченіе 237 лѣтъ, столь драгоцѣнную свитыню, передать своимъ молодымъ *племяшамъ*.

Безсрочнымъ было грустно и весело—грустно отъ того, что они прощались съ жизнью, которой прожили лучшіе свои годы, а весело отъ того, что шли на свою родину. Его высочество МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, прощаясь съ уходившими ветеранами полка, сказалъ, «И на васъ недоволенъ, что вы меня покидасте». Также чувствовали старые офицеры—у нихъ воскресло въ памяти много славныхъ воспоминаній изъ прошлой боевой жизни при разставаніи съ безсрочными, живыми памятниками славнаго прошедшаго.

(*) Газета «Кавказъ», 1869 года, № 127.

**Описаніе частныхъ случаевъ и самоотверженія во
время битвъ при Ваяндурѣ и Башъ-кадыклярѣ.**

Въ сраженіи 2-го ноября, рядовой 5-й егерской роты Григорій Крокинъ былъ смертельно раненъ гранатой; рядовой той-же роты Вароломеевъ былъ дядькой Крокина; заботясь о своемъ питомцѣ и желая оказать ему послѣднюю услугу, онъ спросилъ позволенія у ротнаго командира донести его до перевязочнаго мѣста, хотя и видно было, что Крокину остается жить недолго; перевязавъ разбитыя ногу и руку, Вароломеевъ понесъ его—въ это время самъ онъ сильно былъ контуженъ осколкомъ гранаты. Замѣтивъ это, Крокинъ слабымъ и умирающимъ голосомъ сказалъ Вароломееву: «Напрасно, дядя, ты меня нести трудился; видишь—угодно было Богу, чтобы и ты за грѣшнаго меня потерпѣлъ! Оставь меня, умру сейчасъ; сними съ меня патронташъ, возьми себѣ патроны—у васъ, какъ кажется, сегодня завяжется нешуточное дѣло: они тебѣ пригодятся». Задумался Вароломеевъ—жаль стало молодца, и долго-бы простоялъ надъ нимъ, еслибъ обязанность солдата не звала его возвратится опять въ ряды товарищей своихъ.

Рядовой Иванъ Скевичъ прослужилъ 20 лѣтъ, находясь постоянно въ походахъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ и Лезгистанѣ; онъ отличался вездѣ своею примѣрною честностію, добродушіемъ и необыкновенною веселостію; храбрость свою доказалъ во многихъ случаяхъ, за что отъ товарищей заслужилъ полное уваженіе, а отъ начальниковъ справедливую любовь. Извѣстный во 2-мъ баталіонѣ какъ весельчакъ и балагуръ, позволявшій себѣ иногда шутки съ начальникомъ, въ сраженіи 2-го ноября, когда впереди его отъ сильной контузіи въ ногу поручикъ Агаларовъ, изъ татаръ, упалъ на землю, произнося «Аллахъ, аллахъ»; Скевичъ тотчасъ бросилъ

ся къ нему на помощь, поднялъ его и сказалъ: «Ну, какой тутъ уже аллахъ, ваше благородіе; теперь молитесь-ка порусски Богу, да божіей матери, заступницѣ за насъ, а то вамъ аллахъ надѣластъ того, что и другую ногу оторвутъ». Какъ ни страдалъ отъ боли поручикъ Агаларовъ (кость у него была разбита), но слова Скевича заставили разсмѣяться и сказать: «Да, правда, что аллахъ, какъ видно, плохо помогаетъ! Смотри и туркамъ хорошо не будетъ.— гляди-ка какъ вертятся они: хотять зарыться въ землю отъ нашихъ ядеръ и гранатъ».

Въ сраженіи 19-го ноября 4-й егерской роты фельдфебель Григорій Зюзинъ, преслѣдуя одного турка, и желая взять его живымъ, какъ говорилъ онъ, схватилъ его за перевязь патронной сумы; перевязь измѣнилась—оборвалась, и турокъ вырвался изъ рукъ. «Сказано дрянно, такъ дрянно и есть—и аммуниція-то ничего не стоитъ: видно, что турокъ еще не въ порядкѣ»—ворчалъ про себя Зюзинъ, снова догони турка. Турокъ остановился, ободрился, увидѣвъ поспѣшавшихъ къ нему на помощь изъ его-же братинъ; дѣлать было нечего—Зюзинъ закололъ его штыкомъ. «Жаль—сказалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ—«неудалось поймать живого нехриста: ну, да Богъ милостивъ—впереди еще много!»

Въ сраженіи съ турками ноября 19-го дня 1854 года, на башнѣ-надыклярскихъ высотахъ, при штурмѣ батарей унтеръ-офицеръ Алексѣй Тронинъ съ нѣсколькими изъ товарищей своихъ бросился къ орудію, отчаянно защищаемому, какъ видно было, храбрѣйшими изъ турокъ. Послѣ первыхъ ударовъ штыками, Тронинъ и его товарищи унтеръ-офицеръ Акимъ Колесниковъ, рядовые: Данило Руденко и Евдокимъ Алексѣевъ взяли орудіе; турки не выдержали и побѣжали, но градъ пуль не переставалъ еще сыпаться на горсть храбрыхъ карабинеровъ. Не смотря на это, унтеръ-офицеръ Тронинъ, съ полнымъ присутствіемъ духа, зарядилъ отбитое у не-

пріятеля орудіе, навелъ его на толпу бѣжавшихъ турокъ и сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ картечью, приговаривая: Найди-ка, матушка, своихъ!»! Богъ помогъ неопытному артиллеристу уложить съ десятокъ турокъ. Тогда-то нужно было видѣть радость и восторгъ Троишна—онъ громко кричалъ товарищамъ своимъ: «Что, братцы, не правда-ли, что Богъ за насъ и батюшку царя; не говорилъ-ли вамъ и прежде я, что у нихъ руки коротки: неустоятъ турку, поганому, супротивъ насъ».

«Теперь-то можете вы видѣть, что пуля или картечь—есть дура, а своего найдетъ». Унтеръ-офицеръ Тронинъ за молодечество свое награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

Унтеръ-офицеръ Иванъ Афанасьевъ въ сраженіи 19-го ноября, при нападеніи на него 3-хъ турокъ, одного изъ нихъ закололъ штыкомъ, другого застрѣлилъ, «а ты послѣдній, братъ, не бойся, съ тобою слажу я теперь—тебя бить не стану: возьму цѣлехонькамъ, живымъ»—говорилъ онъ оставшемуся турку; и, дѣйствительно, онъ нетронулъ его—вышибъ прикладомъ ружье изъ рукъ и взялъ въ плѣнъ; но турку этому несуждено было остаться въ живыхъ—пуля поразила его въ рукахъ Афанасьева; «ну, братъ на меня не пей!»—сказалъ Афанасьевъ умирающему турку—«виновата пуля, а не я.»

Въ сраженіи 19-го ноября нѣсколько солдатъ, завладѣвъ турецкимъ орудіемъ, повернули его на непріятеля и давай, какъ кто умѣлъ, съ нимъ потѣшаться: рядовой Иванъ Зинкевичъ снарядъ досталъ, Григорій Ильинъ зарядилъ орудіе и вставилъ трубку—не доставало только пальника,—но русскаго солдата находчивость давно известна: рядовой Тимофей Ивановъ, не думая долго, холостымъ зарядомъ зарядилъ свое ружье, прицѣлился на трубку, выстрѣлилъ и трубка вспыхнула—выстрѣлъ изъ орудія былъ удаченъ: толпа бѣгущихъ турокъ порѣдѣла. «Вотъ-те турки, знай, какъ русскій

палить»—громко крикнулъ молодецъ Тимофей Ивановъ. Потѣшило это товарищей его, долго смѣялись о томъ, что турки дураки, потому что вздумали сражаться съ нами.

При штурмѣ батареи 19-го ноября, когда ужъ градъ картечи сыпался на насъ, когда орудія ужъ близки были къ намъ, рядовой Семень Маевскій, желая не отстать за храбрыми товарищами своими, поспѣшно шелъ на штурмъ; «стой, братецъ, стой товарищъ, еще успѣешь—сперва сдѣлай-ка добро-дѣло: перевяжи мнѣ руку, кровью истекаю»—кричалъ ему раненый рядовой Семень Новиковъ. Ес, ей, братъ ни бинта, ни корпін со мною нѣтъ—я отдалъ ихъ для перевязки». «Что-жь дѣлать, братъ», остановясь сказалъ Маевскій; а медлить было некогда, да, впрочемъ, и недолго думалъ онъ—снявъ съ себя мундиръ, оторвалъ отъ рубашки рукавъ и перевязалъ руку раненому; успѣлъ ему только сказать Новиковъ—«спасибо, братъ, тебѣ—теперь и Богъ тебѣ поможетъ». Маевскій не слышалъ словъ его, удвоилъ силы и пустился догонять товарищей своихъ.

Послѣ сраженія 19-го ноября, когда отрядъ уже пришелъ на позицію, солдаты кучками грѣлись около костровъ; разговоръ ихъ былъ о томъ, какъ Богъ помогъ намъ въ этотъ день сразить невѣрныхъ турокъ. «Вотъ, братцы, говорилъ рядовой Игнатъ Старковъ, обращаясь къ товарищамъ своимъ рядовымъ—Тимофею Сторублевцу, Якову Ягунову, Демьяну Шарову и прочимъ его окружающимъ: «Сегодня такъ потѣшились ужъ мы—какъ ловко мы изъ ихъ орудій по нимъ-же дули,—не думаю, чтобъ нравилась такая шутка туркамъ! Теперь, вѣдь, любо намъ! До батюшки царя дойдетъ о нашей удали, которую давно хотѣли доказать мы, во первыхъ, самому ему, а послѣ шефу нашему. Царь скажетъ намъ спасибо, а кому и крестъ пришлетъ въ награду!

Объ насъ напишуть: молодцы, карабинеры, и долго будутъ говорить объ этой битвѣ. Ура, ребята, мнѣ вѣжется, что послѣ сегодня я выросъ на вершокъ! Не двѣ-ли головы на плечахъ стало у меня. Теперь хоть меньше насъ, хоть и новыбыло изъ строя, но стали мы сильнѣе навѣрное втрое. Повѣрьте, братцы, что изъ насъ теперь каждый молодецъ! И турка заколотъ умѣешь и выпалить изъ пушки не подгадишь! Ура, ребята, молодцы! Не видно-ли, что Богъ за насъ и противъ супостатовъ!»

Старый служака, рядовой Федоръ Павловъ, выслушавъ своего собрата, началъ рассказывать о себѣ: «Послушайте сказалъ онъ, напалъ сегодня на меня турокъ, я и думаю—попробую-ка его штыкомъ; хотѣлось мнѣ узнать, такіе-ли они, какъ прежде были? Я ихъ бивалъ еще въ 28 году, когда душилъ ихъ Паскевичъ. Хватилъ этого турка штыкомъ—онъ крикнулъ аллахъ, аллахъ, и больше ничего! Такіе-жь, черти, какъ и были. Ну, чтобы, хоть на этотъ случай, порусски подъучиться. Скажи, вѣдь, онъ: не тронь или пусти руссанъ—и дѣло-бъ кончено, такъ нѣтъ—по своему бормочеть! Что-жь дѣлать—не поймешь, чего онъ хочетъ, не виновать—заколешь.» Правда, сказали товарищи—дураки они еще большіе.

19-го ноября, когда отрядъ выстроился уже въ боевой порядоѣ, со стороны турокъ поданы были сигналы застрѣльщикамъ. Услышавъ это, молодой солдатъ 5-й егер. роты, рядовой Ефимъ Семеновъ, громко сказалъ: «Ага, у нихъ, кажись, такая-жь музыка, какъ и наша!» На слова эти фельдфебель той роты, Архипъ Гурьяхинъ, отвѣчалъ ему: «Говоришь-то правду ты, что музыка турецкая такая-жь, какъ наша, и статья можетъ, что они и сыграютъ такъ-же какъ мы,—но вотъ что, молодецъ, посмотри-ка, дерутся-ли они по нашему? Солдатъ ты молодой и видно, что со-

временемъ мастеръ будешь драться, хотѣлось-бы взглянуть мнѣ на тебя, какъ ты штыкомъ работать будешь! Смотри, когда пойдешь на штурмъ на батареи, когда достанется работа и рукамъ, ты будь при мнѣ, скажи и дядкѣ своему, чтобъ отъ тебя не отставалъ!» Штурмъ начался—пошла штыковая работа. Фельдфебель Архинъ Гурьяхинъ напалъ на двухъ турокъ? «Ей молодецъ, Семеновъ, кричитъ Гурьяхинъ, возми-ка, братъ, ты этого себѣ, а для меня останется побольше ростомъ—вотъ этотъ красавецъ. И, показавъ, тотчасъ кольнулъ на-сквозь его штыкомъ.» Смотри-же, не зѣвай! Коли, да мѣться, а то и самъ наткнешься! Ударъ Семенова былъ вѣренъ—и турокъ повалился на землю. Вотъ такъ братъ—завсегда такъ коли, сказалъ Гурьяхинъ рядовому Семенову. На первый разъ отлично! Научишься, такъ разомъ трехъ заколешь! А гдѣ-жь твой дядка, отчего-жь онъ не съ тобою—его обязанность тебя учить, спросилъ Гурьяхинъ. «Онъ крѣпко раненъ, не знаю, живъ-ли еще»—отвѣчалъ Семеновъ. Ну, такъ со мной пойдешь, тебя я научу, какъ драться. Ты славный будешь паренъ. Они отправились на новые подвиги. По окончаніи сраженія фельдфебель говорилъ Семенову: «Ну правда-ли моя, что хоть они и по нашему играютъ, а драться далеко еще отъ насъ отстали.

Въ сраженіи 19-го ноября, когда батареи были уже въ рукахъ нашихъ, при преслѣдованіи бѣгущаго непріятеля фельдфебель Литвиненко перекололъ нѣсколькихъ непріятельскихъ солдатъ и, къ крайнему своему удовольствію, напалъ на турецкаго офицера. «Что братецъ, турецко ваше благородіе, за русскихъ ты теперь, или нѣтъ еще? Хватилъ его штыкомъ, когда тотъ въ отвѣтъ хотѣлъ ему нанести ударъ.

Чтобы дать вздохнуть утомившимся отъ рукопашнаго боя солдатамъ, чтобы собраться съ новыми силами, баталіонъ былъ остановленъ на нѣсколько минутъ. Литвиненко не могъ выдержать своего порыва. Минуты эти слишкомъ ему казались продолжительны. Видя бѣгущаго непріятеля, онъ подходитъ къ ротному

командиру и говорить: «Ваше благородіе, дазвольте намъ потѣшиться еще надъ этою нечистью. Душа горитъ, такъ и рвется впередъ и ее отдамъ я Богу, лишь-бы удалось только послужить, какъ слѣдуетъ, царю батюшкѣ, лишь-бы враговъ его наколотить побольше!»

Прапорщики Думберъ и Бистромъ были большіе пріатели между собою, живя въ одной палаткѣ: и горе и радость и труды походной жизни дѣлили пополамъ.

На канунѣ сраженія 19-го ноября, они жарко спорили о томъ, кому изъ нихъ придется первому быть убитымъ завтрашній день! Бистромъ, шутя, говорилъ: «Что я какъ свѣтскій человѣкъ, изъ вѣжливости ужь одной, предоставляю тебѣ Думберъ честь первому лечь на полѣ!» Они смѣялись долго, отрядъ уже не спалъ, палатки были сняты—готово было все къ походу. Разговоръ же ихъ, казавшійся въ то время шуточнымъ, можетъ быть происходить отъ ихъ предчувствія. 19-е ноября было послѣднимъ днемъ въ жизни этихъ славныхъ храбрыхъ офицеровъ и добрыхъ товарищей!

Баталіонъ нашъ, назначенный въ составъ штурмовой колонны, былъ выдвинутъ изъ второй линіи. Канонада началась. Прапорщики Думберъ и Бистромъ, неразлучные друзья, были и здѣсь рядомъ. Изъ первыхъ выстрѣловъ Бистромъ убитъ былъ наповаль ядромъ въ голову. «Что Бистромъ—чья правда: моя или твоя? Что, братецъ вотъ и вѣжливость не помогла. Убитъ-то первый ты, говорилъ Думберъ, весь обрызганный кровью Бистрома. Одно собылось, прибавилъ онъ, но можетъ статья и твои слова напрасными не будутъ! При жизни ты часто правду говорилъ, сказалъ Думберъ, обращаясь къ убитому Бистрому, смерть котораго сильно подѣйствовала на него. Черезъ нѣсколько минутъ, когда баталіонъ приблизился уже къ батареямъ, когда картечь ужь стала дѣйствовать довольно мѣтко, то храбрый Думберъ, смертельно раненый, прострѣленный картечью въ грудь, лежалъ при послѣднихъ мукахъ, —

но съ полнымъ мужествомъ и твердостью онъ говорилъ еще: «жалѣю, братцы, жалѣю очень, что не могу порадоваться съ вами. Сейчасъ возьмете вы до дюжины орудій—вамъ царь спасибо скажетъ, наградить! И шефъ великій нашъ о подвигахъ своихъ любимыхъ карабинеровъ, вѣдь, вѣрно не забудеть! Вотъ братцы, каково—я съ Бистромомъ вчера поспорилъ: кто ляжетъ первый изъ насъ! Правда, я вторымъ легъ, но все-жь отъ этого не легче—награда намъ теперь не здѣсь, а тамъ, сказалъ онъ,» указавъ на небо.

Его любили всѣ—солдаты, слыша слова его, жалѣли, что помочь нельзя: смерть видимо къ нему летѣла. Кровь хлынула изъ рта—и онъ скончался.

Такъ славно умерли два друга юные, которымъ жизнь была еще отрадой.

Нѣкоторые подвиги, оказанные нижними чинами Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, во время сраженія съ турками 24-го іюля, 1854 года.

Фельдфебель 2-й карабинерной роты Литвиненко, давно известный своею храбростію, во время штурма былъ раненъ картечью въ ногу; какъ не страдалъ онъ, но не оставлялъ своего мѣста, и обращаясь къ солдатамъ, говорилъ: скорѣй возьмите, братцы, батарею, а то, вѣдь, турки, бездѣльники, уйдутъ, и орудія тотчасъ увезутъ! Въ прошедшее сраженіе мы доказали имъ, что противъ насъ имъ не устоять! Смотрите, такъ и есть—спялись негодяи, орудія отвозятъ, побѣжали! Ахъ, жаль, что коней нѣтъ у насъ, не удалось-бы имъ такъ дешево отдѣлаться отъ насъ—оставили-бъ они свои пущенки! Наскоро перевязавъ свою рану, Литвиненко долго еще оставался въ кругу своихъ товарищей и ушелъ на перевязочное мѣсто тогда только, когда турки обратились въ бѣгство.

Юнкеръ Диконозовъ, раненый въ щеку пулею, съ лишеніемъ четырехъ зубовъ, и контуженный ядромъ въ лѣвую ногу, не от-

ставалъ отъ застрѣльщиковъ во время штурма, и на вопросъ офицеровъ—отчего онъ не отправляется на перевязочный пунктъ, онъ отвѣчалъ: «Убили капитана моего—за смерть его хочу отмстить туркамъ, а вѣсь дастъ Богъ я догоню хоть одного изъ нихъ: посмотримъ какъ тогда завертится на штыкъ моемъ!»

Но тщетны были старанія юнкера—силы оставляли его, а турки, преслѣдуемые картечью, летѣли безъ оглядки. «Жаль, очень жаль, что турку я поддался. Впервыхъ—онъ разбилъ мнѣ зубы, потомъ убилъ командира роты, такъ нами любимого—а я отсталъ и не могу съ нимъ расплатиться»—такъ разсуждалъ Диконозовъ подъ убійственнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. На перевязку онъ отправился только по окончаніи сраженія.

Рядовой Федоровъ, раненый пулею въ ногу, опираясь на ружье, старался не отставать отъ своихъ товарищей застрѣльщиковъ. На вопросъ баталіоннаго командира, отчего онъ не идетъ на перевязку—онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ мнѣ уходить, перевязаться я еще успѣю; довольно еще силъ есть у меня и для того, чтобы подраться съ негоднями—убью я еще одного, тогда пойду на перевязку; теперь недалеко—сейчасъ съ погаными сойдемся». «Смотрите, ваше высокоблагородіе, сильна-ль еще рука моя и вѣренъ-ли мой штыкъ»—говорилъ Федоровъ, проколовъ насквозь одного изъ турокъ, и тогда только, изнемогая отъ сильной боли, отправился на перевязочный пунктъ.

Карабинеръ Радіоновъ съ раздробленною ногою былъ принесенъ на перевязочный пунктъ. Рѣшено было отнять у него ногу. Вотъ разговоръ его съ операторомъ во время операціи: «Дать тебѣ хлороформа, или такъ выдержишь»—спросилъ операторъ «Что за форма—рѣжьте просто, лишь-бы только поскорѣе.» Не хочешь-ли для бодрости стаганчикъ водки выпить? «Ничего ненужно мнѣ, у насъ льютъ водку послѣ дѣла; пожалуйста, только вы, ваше высокоблагородіе, скорѣе дѣло начните, какъ знаете». Во время операціи онъ придерживалъ свою ногу обѣими руками, не произнеся ни од-

ного стона, а все бранилъ турокъ, которые лишили его возможности отмстить за обиду. Когда кончилась операція, онъ сказалъ: «Покорно васъ благодарю, ваше высокоблагородіе! Вотъ теперь я попрошу позволенія у васъ выпить водки!»! Взявъ чарку, онъ произнесъ обычный тостъ: «Да здравствуетъ нашъ царь и войско храброе его!» и спокойно выпилъ водку.

Рядовой Петровъ, лишившись руки, всталъ послѣ операціи, поблагодарилъ и пошелъ не въ палатку, назначенную для раненыхъ, а въ другую сторону. На вопросъ доктора—куда онъ идетъ, онъ отвѣчалъ: «Пойду посмотрѣть на плѣнныхъ турокъ!»! Долго онъ осматривалъ ихъ, съ нѣкоторыми заговорилъ, т. е. какъ обыкновенно разговариваетъ русскій солдатъ съ татарами, болѣе пантомимами, чѣмъ словами; наконецъ, послѣ долгой бесѣды, онъ плюнулъ и сказалъ—«гдѣ-жъ драться съ нами этой дряни» и ушелъ въ палатку.

Рядовой Павловъ, сильно раненый въ бедро ядромъ, сидѣлъ у перевязочнаго пункта. На вопросъ офицера, какъ онъ себя чувствуетъ, Павловъ отвѣтилъ: «Слава Богу, теперь какъ будто легче, сталъ понемногу поправляться.»

При преслѣдованіи турокъ, когда вездѣ уже завязался рукопашный бой, нѣсколько изъ нихъ, повидимому, храбрѣйшихъ, желая пріостановить бѣгущихъ своихъ товарищей, собравшись около своего значка, хотѣли удержаться противу атакующихъ ихъ карабинеровъ.

Рядовой Колесниковъ, замѣтя это, съ самоотверженіемъ бросился къ нимъ съ крыкомъ: Ура, ребята, молодцы, сюда! Товарищи, услыша голосъ его, бросились за нимъ; но далеко ужъ былъ Колесниковъ; не теряя присутствія духа, схвативъ ружье за дуло, онъ сталъ махать имъ надъ собою, грозя размозжить голову первому турку, который подвинется къ нему. Сваливъ онъ одного прикладомъ, другого закололъ и отбилъ значокъ, но приходилось и ему плохо: снова двое турокъ со штыками бросились къ нему. Погибъ-бы онъ, если-бы Фельдфебель Игнатьевъ съ нѣсколькими

своими товарищами не подоспѣлъ ему на помощь. Какъ опытный въ бою, давно уже съ опасностію сроднившійся, онъ, какъ герой, сталъ бороться. Турки дрогнули и бѣжали.

Освободясь, Колесниковъ прибѣжалъ къ ротному командиру и принесъ ему значокъ. Спасибо, молодецъ!—было наградою ему отъ него. Только-что хотѣлъ спросить его ротный командиръ, какъ удалось ему добыть значокъ, какъ Колесниковъ снова пустился бѣжать на помощь къ оставленному имъ Игнатьеву, отвѣчая ротному командиру: «Некогда, ваше благородіе,—я только прибѣжалъ, чтобы васъ съ побѣдою поздравить, а мѣсто мое тамъ.»

ХРОНОЛОГІЯ

ОТЛИЧІЯ ПОЛКА.

Полкъ учрежденъ въ царствованіе Царя Михаила Феодоровича въ 1642 году и есть самый старейшій въ русской арміи.

1.) За первую персидскую войну съ 1805—1815 г. полкъ изъ 17-го егерскаго переименованъ въ 7-й карабинерный. Въ командованіе полкомъ полковниковъ: Карягина и Котляревскаго.

2.) За войну съ Персією съ 1826 по 1828 г. пожалованы знаки на шапки, съ надписью: «за отличіе;» а также названъ въ 1828 году эриванскимъ за взятіе персидской крѣпости Эривани. Въ командованіе полковниковъ: Муравьева и барона Фридрикса. (Высочайшій приказъ отъ 27-го іюня 1828 г.)

3.) За подвиги въ войнѣ съ Турцією 1828 и 1829 годовъ пожалованы: георгіевскія серебрянныя трубы 1-му и 2-му баталіонамъ; а 3-му батал. серебрянная труба, которая въ 1854 году вмѣстѣ съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка, по его расформированіи, поступила въ этотъ полкъ. (Высочайшій приказъ отъ 22-го сентября 1830 г. и Высочайшая грамота 11-го сентября 1832 г.)

4.) Въ 1854 году, апрѣля 8-го, вновь пожалованы 1-му, 2-му и 4-му бат. знамена; а 3-му баталіону бывшаго херсонскаго полка, пожаловано знамя 15-го ноября 1798 года. (Грамота отъ 15-го ноября 1798 года хранится при знаменахъ.)

5.) Въ 1842-мъ году, 25-го іюня, — пожалованы знамена 1-му, 2-му и 4-му баталіонамъ съ надписью: «1642—1842», въ ознаменованіе двухсотлѣтія со времени основанія этихъ баталіоновъ. Вмѣстѣ съ знаменами дарована полку Высочайшая грамота, въ которой упоминается, что полкъ стяжалъ славу въ битвахъ при Полтавѣ въ 1709 г., 26-го іюня, и Кагулѣ въ 1770 году.

6.) Въ 1858 году къ знаменамъ пожалованы орденскія Александровскія ленты и скобы.

7.) Въ 1850 году, 14-го ноября, шефомъ полка назначенъ его императорское высочество государь цесаревичъ **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ**, нынѣ благополучно царствующій **ИМПЕРАТОРЪ**. Съ этихъ поръ полкъ сталъ называться именемъ Августѣйшаго шефа.

8.) Въ 1854 году пожалованы 1-му и 2-му баталіонамъ георгіевскія знамена, съ надписью: «за разбитіе 36 тысячнаго турецкаго корпуса на Башъ-кадыкъ-лярскихъ высотахъ 19-го ноября 1855 года».

9.) За Кюрюкдаринскую битву въ 1854 году, 24-го іюля, пожалована въ полкъ отбитая у Турокъ тамбурмажорская трость.

10.) За Башъ-кадыклярскую и Кюрюкларскую битвы шефъ полка пожаловалъ раненымъ 6/т руб. сер.

11.) За оказанные подвиги въ теченіе всей турецкой войны съ 1855 по 1856 годъ пожалованы 3-му и 4-му баталіонамъ георгіевскія знамена, а первымъ двумъ батал. къ прежнимъ надписямъ добавлено и «за отличія, оказанныя въ войну съ 1854—1855 г.» (Высочайшій приказъ отъ 30-го августа 1856 г.)

12.) Въ 1856 году, отъ 17 апрѣля, полкъ названъ 15-мъ Лейбъ-Гренадерскимъ Эриванскимъ **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА** полкомъ. (На погонахъ полкъ носитъ императорскій вензель, что означаетъ «АЛЕКСАНДРЪ второй.»)

13.) За военные подвиги стрѣлковыхъ ротъ при покореніи западнаго Кавказа пожалованъ этимъ ротамъ георгіевскій серебрянный рожекъ, съ надписью: «за отличіе при покореніи западнаго Кавказа въ 1864 году.» (Высочайшій приказъ отъ 20-го іюля 1865 г. № 132-й.)

14.) За умиротвореніе кавказскихъ народовъ къ прежнимъ надписямъ на знамена добавлено: «и за кавказскую войну. (Высочайшій приказъ 19-го февраля 1868 г.)

СПИСОКЪ

Шефамъ и полковымъ командирамъ, съ обозначеніемъ времени ихъ командованія Эриванскимъ полкомъ.

ЧИНЪ И ФАМИЛІЯ.	Время командо- ванія полкомъ.	Примѣчаніе.
Ш е ф ы:		
Генералы: Гордонъ . . .	1694	} Умерли.
Лапухинъ . . .	1762	
Полковники: П. И. Лазаревъ .	1791—1803	} Убитъ шефомъ. Умеръ шефомъ полка.
П. М. Карягинъ .	1803—1807	
Асѣевъ . . .	1807—1811	} Умерли.
Снаксаревъ . . .	1811	
Живковичъ . . .	1811—1812	
<small>(При шефѣ Живковичѣ командирами полка были: Полковникъ Лисаневичъ, а послѣ П. С. Котляревскій.)</small>		
Полковникъ Парфеновъ . . .	1812—1814	Умеръ шефомъ полка.
Полковыя командиры:		
Полковники Ладинскій . . .	1814—1823	Ген.-лейт.—убитъ.
Н. Н. Муравьевъ . . .	1823—1827	Ген. отъ инфан-теріи—умеръ.
Б. А. Фредериксъ . . .	1827—1830	Ген.-адъют., ген. отъ инфант. чис-лятся въ полку.
Князь Дадіанъ . . .	1830—1838	
К. К. Врангель . . .	1838—1844	Генер. отъ инфан-теріи, числятся въ полку.
А. К. Бельгардъ . . .	1844—1850	Ген.-майоръ—умеръ.
И. К. Мухрапскій . . .	1850—1853	Генер. лейтенантъ.
Э. А. Моллеръ . . .	1853—1856	Генер. лейтен. чис-лятся въ полку.
Ф. Х. де-Саже . . .	1856—1859	Ген.-майор.—умеръ.
К. Г. Фохтъ . . .	1859—1860	Убитъ.
Князь Б. Ѳ. Голицынъ . . .	1860—1864	Свѣты ЕГО ВЕ-ЛИЧЕСТВА г.-м.
Г. К. Бюнтингъ . . .	1864—1869	Св. ЕГО ВЕЛИ-ЧЕСТВА г.-майоръ.
А. В. Гурчинъ . . .	1869	

ПРИЛОЖЕНІЕ къ III-й ч.

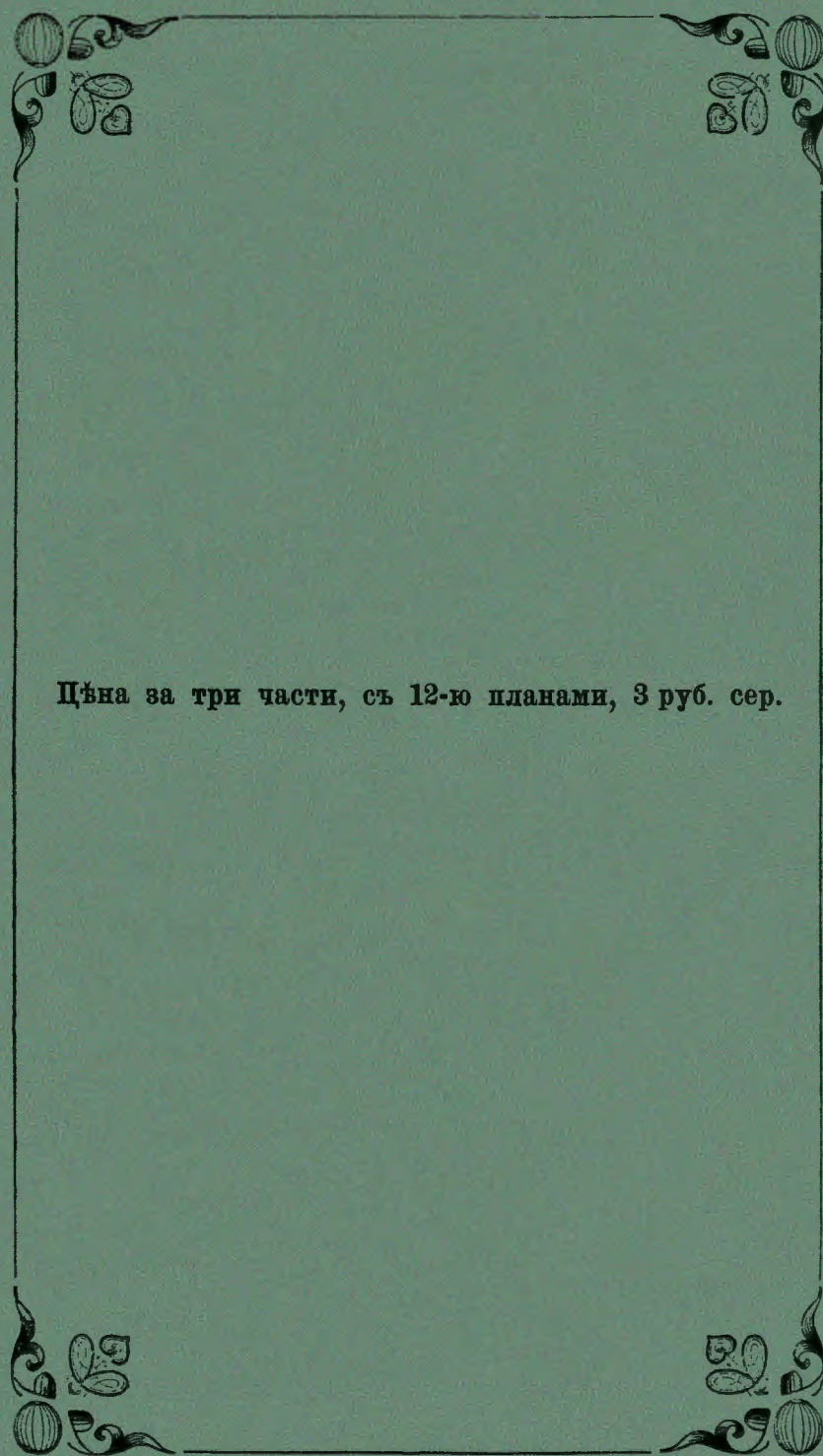
Знамена первыхъ двухъ баталіоновъ имѣютъ, одинаковыя, слѣдующія надписи: «1642—1842 г.; за поражение ³⁶/т. турецкаго корпуса 19-го ноября 1853 г. на Башкадыклярскихъ высотахъ; за турецкую войну 1854—1855 годы и за войну на Кавказѣ.»

На знаменахъ 3-го и 4-го баталіоновъ таковыя же надписи за исключеніемъ: «за поражение ³³/т. турецкаго корпуса 19-го ноября 1853 г. на Башкадыклярскихъ высотахъ,» кромѣ того на знамени 3-го баталіона нѣту еще надписи: «1642—1842 г.»

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ въ III-й ч.

<i>Стран.</i>	<i>Панечатано:</i>	<i>Читай:</i>
На 1-й стр. (въ оглавленіи).	Карсѣ	Араксѣ.
— 6-й — (въ текстѣ).	они	офицеры.
— 10-й —	замѣнена артиллерійская прислуга	замѣнена убитая артиллерійская прислуга.
— 23 — 12	сверху	были.
— 24 — 14	—	Кишинскаго.
— 27 — 10	спизу	ратнымъ.
— 39 — 16	снизу	въ первую.
— 41 — 2	сверху	въ сферу.
— 57 — 9	сверху	отъ оттаявшихъ.
— 67 — 7	снизу	Яриманъ-тобіа.
— 71 — 3	снизу	Эхо.
— 87 — 2	снизу	устройтъ.
— 115 — 8	снизу	въ обходной.
— 137 — 3	снизу	отрядного нач.
— 164 — 14	сверху	знамени.

Цѣна за три части, съ 12-ю планами, 3 руб. сер.